

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Александр ТАВЕР
НИЧЕГО ОБЩЕГО

Иерусалим 2018

**Александр ТАВЕР
НИЧЕГО ОБЩЕГО**

Редактор О. Бэйс
Серийное оформление Б. Брайнин
Верстка А. Песков
Технический редактор О. Лайн
Корректор Р. Бескина

Издательство «Млечный Путь»,
7/2, Ротшильд, Кфар-Саба,
No. 306278326, 06.08.2007

© «Млечный Путь»

© Александр Тавер

© Анастасия Тарасова, рисунки

© Станислав Пинхасик, обложка

Все права защищены

ВЗЯНЬ

– Надо было на дань соглашаться.

– Да предлагали им дань!

– Двойную!

– Тройную даже! А хан сразу визжать как резаный. На святое, мол, замахнулись. И золота-то им не надь, и мехов-жемчугов не надь. И раз-де у нас, челобитчиков, сердца нет, то обложит он нас за это двойною взянью, чтоб другим неповадно.

– Святые угодники! Двойная взянь...

– Ото ж! Тут на ханский визг ещё нукеры набежали, и давай нас кизяком закидывать. Фильку Чугункина насмерть закидали...

– Повезло человеку.

– И не говори. Так ты Василия моего не видал, сосед?

– Не видал.

– Вот же ж блудодей! Как всегда, некстати загулял.

– Ты, Клим, за языком-то следи. Не ровен час, донесут.

– Твоя правда. Ну, ты, если увидишь его – лови и ко мне волоки. Отблагодарю.

– Приволоку, что уж.

* * *

У ворот дома его поджидал другой сосед, Ядрей. Обычно угрюмый, нынче он прямо-таки лучился приветом и ещё из-

далека заискивающе улыбался. Клим вздохнул. Не любил он, когда перед ним неискренне лебезили, но приходилось терпеть. У тех, кто на доброе слово скуп, иначе не получается, однако ж и их нужда порой заставляет любезничать с теми, с кем вчера межу делили. Ядрей при его приближении живо смахнул шапку и отвесил поясной поклон, едва не выронив зажатой под мышкой огромной бутылки с брагой.

– Здрав будь, Клим.

– Здрав будь, Ядрей.

– Вот, как договаривались, – он кивнул сперва на бутылку, затем на стоящую у ног накрытую ветошью корзинку и снова поклонился. – Так и ты уж, будь ласков, не забудь. Ханский-то посланник со дня на день будет.

– Не забуду, не волнуйся, – ответствовал Клим, заглядывая под ветошь. – Будет тебе кланяться, чай не перед образами. Проходи уже, сосед, в горницу, не позорь перед людьми.

– Уж не забудь, зашли ко мне свою рыженькую как учётчик придёт, – словно не слыша пробормотал Ядрей и снова поклонился. – Увеличат мне взянь, ей-чёрт увеличат, если не зашлешь.

– Да идем же, дурак.

Клим одной рукой поднял корзинку, а другой схватил гостя за шиворот и, втащив в дом, силком усадил на скамью. Вынул из трясущихся рук бутылку, наполнил чарку и попытался влить в гостя, но тот сжал зубы и замотал башкой, расплескав половину на бороду.

– Зашлю рыженькую, зашлю. Пей.

– Крест целуй, – страшно вытаращив глаза крикнул Ядрей.

Крякнув с досады, Клим достал из-под рубахи распятие и нарочно звонко поцеловал. Ядрей тут же схватил со стола чарку и опрокинул, казалось, в самую душу.

– Ну и аминь, – выдохнул он.

* * *

– Кли-им! Климушка-а!

Голос вдовы Мельничихи сочился таким мёдом, что Клим поначалу решил не отзываться. Авось, пронесёт? Норов у Мельничихи и раньше был вздорный, независимый, а после первого набега люди и вовсе старались ей на глаза не попадаться. Тогда ещё Фильку Чугункина схоронить не успели, а она уж тут как тут – хану в ноги пала и попросила для себя тройную взянь. Хан от умиления аж расплакался:

– Тронула, – говорит, – ты самое моё сердце. Сделаю тебя своей пятой женой. Не сейчас, потом, когда нынешняя пятая жена помрет. А ну, выдать ей немедля тройную взянь и большой мешок с кизьяками!

А Ванька-мельник как про это узнал – сразу пошёл и утопился. Стала с тех пор Мельничиха сама себе хозяйка и даже князь не смел ей слова поперек сказать.

– Кли-имушка! – заливалась вдова.

Не к добру это – когда человек, что у хана в милости, так ласково говорит. Лучше не связываться.

– Люди сказывают, ты Василия ищешь!

– Оспадипронеси, – перекрестился Клим и пошёл отворять калитку. – Здрава будь, Авдеевна. Не сердчай, в погребе был, не сразу услышал тебя. Так видела Васёнку моего? Где?

– На мельнице у меня. Третий день уж.

– Вот спасибо-то! Так выручила!

– Знаю, знаю, – пропела вдова. – Пойдём, заберёшь.

* * *

Хорошо жилось Мельничихе при хане. Вон, ворота новые, к дому крыльцо резное пристроила, во дворе – беседка с вьюнками, чай гонять. Удобно беседка стоит. Всё немалое хозяйство из неё легко обзревается и можно на работников покрикивать не отходя от самовара. Благодать! Кругом, как положено при мельнице, кошек видимо-невидимо – рыжих,

серых, пёстрых, полосатых и ещё чёрт те каких, да все под стать вдове: упитанные, рожи наглые, взгляд хозяйский. Кошкам здесь тоже хорошо жилось.

– В амбаре он, отсыпается.

Амбар пах пылью, зерном и дерюгой, кто-то в нём во- зился, шурша соломой, но после дневного света было не ра- зобрать, кто именно.

– Василий Климыч! Ва-ась! Погулял и будет. Давай домой уже.

Клим всё никак не мог приморгаться к окружавшей полу- тьме. Нашарив рукой бревенчатую стену и держась за неё, он осторожно двинулся туда, где шуршали соломой. За спи- ной скрипнула закрываемая дверь, стукнул засов. Амбар про- вернулся вокруг Клим, восемь пудов плоти навалились, притиснули спиной к брёвнам, в ухо жарко задышали:

– Здесь он, здесь. Потом сыщем.

Он рванулся пару раз, но больше для порядка. Мель- ничиха была баба крепкая, сильная. Да и не убежать же было с пустыми-то руками. Мысленно взмолясь, чтобы ему, греш- ному, достало сил, Клим покорился судьбе.

* * *

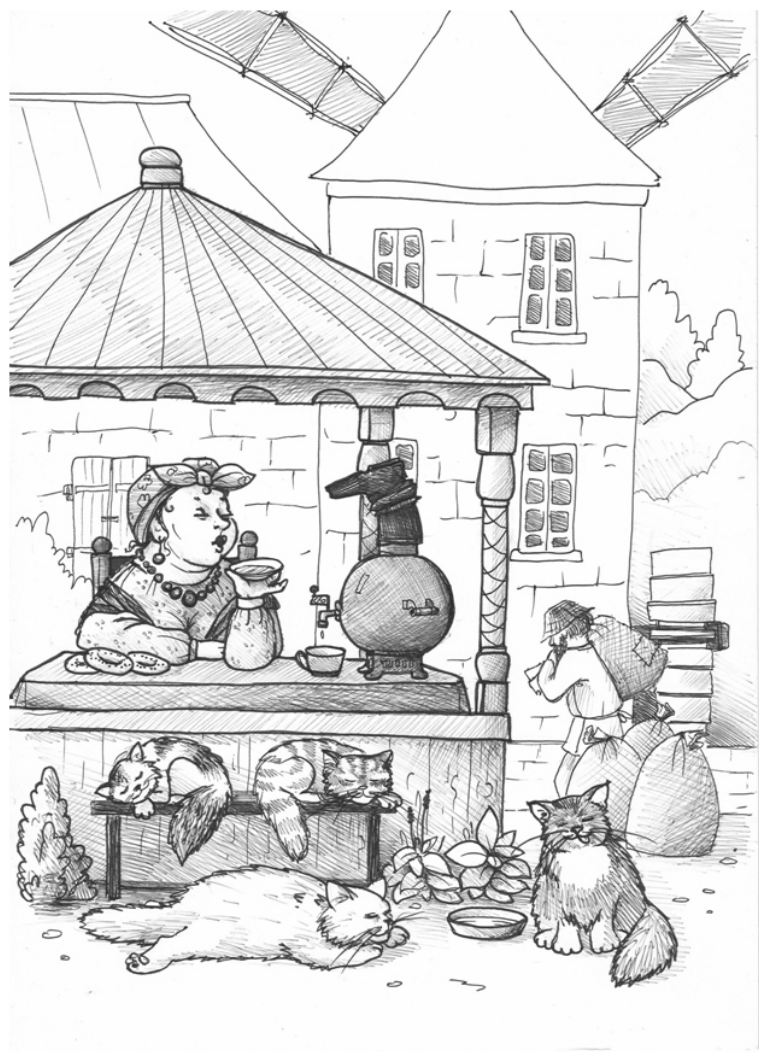
– Дядя Клим! – пропищал детский голосок.

В ставню замолотили чем-то твёрдым.

– Дядя Клим, плюсьпайся! Тятя послал сказать, чтоб ты сколее сделал как уговорено.

– Что? Как уговорено? – голова спросонья совершенно не варила.

Он приполз с мельницы на рассвете, велел домашним до полудня не будить и завалился спать. Жена лишь зыркнула недобро и проворчала что-де это он специально Василия на мельницу заслал, но слова роняла без злобы, больше по должности. Понимала, что деваться ему было некуда. Вер- нул гулёну – и слава те хоспади.

Однако, поспать ему толком не дали. Казалось, едва смежил веки – и тут же эта пигалица расшумелась под окном. Клим резко открыл ставни и едва успел отдернуть руку: Леська, ядреева младшая, как раз замахнулась принесённым из дома поленом и изо всех имевшихся силёнок ухнула туда, где только что была деревянная створка.

– Чего шумишь, Леська? Чего уговорено?

– Не знаю. Тятя не сказывал. Велел пеледать, что учётчик плищёл, а дальше-де дядя Клим сам знает чего делать.

– Ах, учётчик! – Клим хлопнул себя по лбу уже на бегу.

Рыжая дремала на своем излюбленном месте на зава-линке, том самом, которое солнце нагревает поутру ранее прочих. Свернулась калачиком и кончиком хвоста чуть помахивала, да ухом подёргивала: крики с ядреева двора спать мешали.

– Вся кот по списку есть. Только рыжая кот нет, – несмазанной телегой скрипел голос учётчика. – Наказать!

– Нет же! Колдыбай-бей, батюшка, милостивец! Прячется она. Сейчас сыщут. Ясь, бегом! Глянь чего там Леська копа-ется. Шкуру спуцу!

– С кого это ты шкуру спустишь? – немедленно придрался Колдыбай.

– Да что ты, батюшка! Неужто думал, что с рыженькой? Ни-ни. С Леськи, с Леськи спуцу. Вот она долго копается... Уж я её...

На церемонии времени не оставалось. Клим схватил рыжую в охапку, ногой отодвинул доску в заборе и швырнул животину на ядреев двор, прямиком в узкий проход между хлевом и сараем, где сосед хранил разную огородную утварь. Он закрыл лаз перед самым носом возмущенной кошки и уселся на землю, подперев доску спиной.

С той стороны слабо царапнулись раз, другой, затем взвыли хором в полдюжины кошачьих глоток. Звуки по-боища сразу перекрыли крики спорщиков. Несколько минут

слышно было лишь как визжащий клубок перекатывается по двору. Только однажды торжествующий вопль Ядрея возвысился над всеобщим гамом:

– Вон она! Вон! Я же говорил!

Когда всё стихло, Колдыбай-бей проскрипел:

– Молодца. В эту год получишь как все. Четыре котенка.

– Как четыре? – взвыл Ядрей. – Я же всех котов сберёг в добром здравии. Холил и лелеял пуще чад родных. Ты только глянь на эти хари! А мех! Шерстинка к шерстинке, так на солнышке и играет! За что наказал?

– Колдыбай не наказал. Наказал будет пять котёнка. В Орде их сделайся совсем много. Хан велел всем увеличить взянь на один котенка.

– Так вы что их там, не холостите? – со слезой в голосе возопил Ядрей.

– Колдыбай добрый бей. Три серебряный алтын в его рука так сладко звенел, что он не расслышал, как какой-то глупый мужик сказал дурное про священный зверь.

Даже не видя сейчас лица Ядрея, Клим прекрасно представлял, как перекосило его от жадности. Поди, скулы свело, вмиг забыл про всех “батюшек” и “милостивцев”. В полной тишине звякнули монеты и, хоть и шептал Колдыбай, да всё равно было слышно:

– Скажешь такое хану – он с тобой самим так сделает. Кот холостить нам религия не позволяет, а глупый мужик – позволяет.

ПУШИСТИКИ

Утро каждого четверга шериф проводил за осмотром и обслуживанием арсенала. Нужда в применении оружия случалась редко, но это был Нескучный Городок, а значит следовало быть готовым ко всему и содержать в порядке всё от космического корабля до зубочистки. Невозможно было знать заранее, что именно понадобится, когда в очередной раз станет Нескучно.

Полдень застал его за подгонкой ремня. Тщательно отмерив место для новых дырочек, он уже прицелился было пробойником, однако так и не успел им воспользоваться. Дверь офиса открылась, пропуская невысокую сухонькую старушку в аккуратном строгом платье до пят и элегантно заломленной набок шляпке с пышным цветком. На сгибе локтя она несла архаичную плетёную корзинку, накрытую в несколько слоёв белоснежными салфетками.

– Добрый день, матушка Камелия! – шериф, вскочил, протягивая одну руку для приветствия, а другой несколько запоздало ловя лишённые ремня штаны.

– Добрый день, мой мальчик, – ласково улыбнулась гостья.

Глаза у неё были бойкие, осанка прямая, а рукопожатие – уверенным. Она была из тех женщин, которые разменяв шестой десяток отказываются стареть дальше, сохраняя острый ум и несопоставимую с возрастом энергию.

– Ты уже обедал?

– Нет, как раз подумывал заменить обед пробежкой вокруг города. Мне опять пришлось пробивать новые дырки в ремне.

– Сидячая работа – не повод морить себя голодом и заниматься беготней ради беготни. Просто найди себе какое-нибудь подвижное занятие на вторую половину дня. Грузчиком, там, или пастухом бегунов, – заявила матушка Камелия, водружая корзинку на стол. – А сейчас самое время подкрепиться. Я послала Ками предупредить, чтобы тебя не ждали к обеду. Под салфетками обнаружили горячие пироги, термос с чаем и закрытый горшочек, наверняка с чем-то вкусным. Шериф не заставил себя долго уговаривать.

– Спасибо, матушка Камелия, – пробурчал он с набитым ртом, за что удостоился поощрительного кивка и ещё одной улыбки.

Пока челюсти работали, мозг не оставил своих прямых обязанностей. А подумать было над чем. Матушка – это не просто вежливое слово. Это своего рода почётный титул, употреблявшийся при обращении к старшей женщине в семье, уважаемой, пережившей последних детей и принимающей решения, обязательные к исполнению всем кланом. Своего рода матриарх, хотя они обыкновенно правили наравне с супругом, если он был жив. Такие матроны не ходят по гостям, чтобы угощать хозяев пирожками. Для этого у них есть целая орава внуков и правнуков. Если уж она пришла лично, то дело очень серьёзное.

Однако, время для вопросов ещё не настало. Сначала следовало разобраться с пирожками. Потому что было время обеда, а также потому, что это была знаменитая выпечка матушки Камелии. И ещё потому, что она так сказала. С такими, как она, не спорят. Бесполезно. Сказано “ешь” – значит надо бросать всё и радовать старушку нагулянным аппетитом.

Дождавшись, пока корзинка опустеет, матушка Камелия начала степенно переходить к делу. Несколько вежливых вопросов о здоровье семьи, пара замечаний относительно предстоящей ярмарки и, наконец:

– Нам нужна твоя помощь, шериф. Кто-то крадёт яйца из-под несушек.

– Хмм...

– Мы было решили, что они перестали нестись от старости, хотя на моей памяти такого не бывало. Порасстраивались, но оставили всё как есть. На вид живы-здоровы, не выкидывать же их теперь. В следующий раз яйца снова пропали, но у других несушек. А предыдущие снеслись как ни в чём не бывало. Стали мы следить, по ночам караулить – никого. Вчера это снова повторилось. Каждый раз от пяти до семи несушек. Почти всегда разные, но с тремя это случилось уже дважды.

Шериф задумался. История и впрямь выглядела достаточно серьёзной, чтобы заставить столь почтенную даму лично обращаться к властям. Яиц в Нескучном Городке отродясь не крали. Пользы от них нет никакой, разве что пришлым продать. Так ведь ещё и не каждый берёт, надо знать, к кому обращаться, а потом тащиться к нему и торговаться. К тому же, тайком продать не получится. Яйца все наперечёт, поэтому хозяин сразу хватится и к перекупщику побежит разбираться.

Может, залётный какой? Но появишься в округе новый пришлый, весь город давно бы об этом судачил. В лесу, что ли прячется? С этих станется.

– Когда, говорите, началось?

Матушка Камелия ответила не сразу. Производительность несушек считалась чуть ли не семейной тайной. Зная дату начала краж и помня про три кладки, можно было вычислить их частоту, а затем оценить реальный доход семейства от фермы.

– Пара месяцев.

– Матушка, – вздохнул шериф. – Со всем уважением... Я представитель власти при исполнении и никому ничего не расскажу. Эти сведения важны, чтобы оценить угрозу, которая, возможно, нависла над вашей семьёй.

– Пожалуй, около месяца.

– Может быть, даже меньше?

– Может быть.

Дней десять, как минимум. Последний случай был вчера, а значит дело плохо. Ни один пришлый, тем более, из залётных, в лесу столько не выживет. От истории отчётливо потянуло очередной неведомой чертовщиной, которая неизвестно почему началась и неизвестно чем и когда закончится.

Шериф с отвращением подумал о том, насколько сильно ненавидит сидеть в засадах. Нет занятия скучнее, а весь следующий день будет, считай, потерян. Только бы это были пришлые! Они хотя бы не умеют ни красться, ни драться.

– Я наняла Клопа, – сказала Матушка Камелия. Заметив, как скривился шериф, она понимающе улыбнулась и добавила: – Мужик он, конечно, непутёвый и дурно воспитанный, но аппаратура у него лучшая в округе. Человек там проказничает или ещё кто – он его выследит, а ты с ним разберёшься.

* * *

Работа в сарае шла полным ходом. Клоп – тощий неопрятный тип из пришлых, бойко рассовывал по щелям и углам какие-то датчики, насвистывая неизвестный мотивчик. За все пятнадцать лет в Нескучном Городке он ни капли не изменился. Ни хозяйством не обзавёлся, ни семьёй. Так и жил на содержании у гулящей вдовы с выселок, повсюду суя нос и донимая всех дурацкими расспросами. Чувством такта и хорошими манерами он тоже так и не обзавёлся: свист считался дурной приметой.

– О, шериф! – сказал он вместо приветствия. – Что интересного происходит?

Клоп всегда приветствовал его этим вопросом, поскольку действительно хотел быть в курсе всех загадочных происшествий в округе. Обычно вопрос оставался без достойного ответа, но иногда пронyre везло. Именно он вовремя подвернулся под руку, когда понадобился секундант для дуэли с Блонди.

– Вот это и происходит, – неприветливо буркнул шериф, кивая на ряды гнёзд, из которых на него таращились несушки. На вид они были в порядке, вполне упитанные, шерсть ухоженная, огромные круглые глаза блестят.

– А, это да, это действительно интересно, – ответил Клоп, не обращая внимания на его интонации. – Как ты думаешь, почему они не размножаются?

Он отложил моток кабеля и с восторженным любопытством воззрился на животных, словно ожидал ответа от них. Вдобавок к прочим дурным манерам, за ним водилась привычка смотреть куда угодно, но не на собеседника.

– Потому что это несушки. Если бы они ещё и высиживали свои яйца, то звались бы наседками. В неволе они не размножаются.

– Несут, да не высиживают, – глубокомысленно кивнул Клоп. – И инкубаторы бессильны. Это ж как есть серебряные слитки яйцеобразной формы, без каких-либо посторонних примесей. Из них может вылупиться только небольшое состояние. Хмм... А на воле, стало быть, вылупляются... Или нет? Ты помнишь, когда в последний раз их видели на воле? Я тут пятнадцать лет – ни разу не видел и не слышал про такое.

– Видел, – это прозвучало почти как ругательство. Разговор начинал действовать на нервы. – Шесть лет мне тогда было.

– Ага... Стало быть, на воле они закончились, а в неволе не размножаются. Интере-есно... А сколько они...

– Ты лучше вот что скажи, – неприязненно перебил его шериф. – Тебя Клопом за что прозвали?

Клоп запрокинул голову и гыгыкнул. Так в его исполнении выглядел смех.

– Вот за это самое и прозвали, за вопросы. Иной раз как спрошу – человек всю ночь думает, ворочается, словно клопы его гложут. А я потом получаюсь виноват в том, что он за всю жизнь над такой простой вещью сам не задумался. Ты вот скажи, почему вы сами...

– Отстань! Знай свое дело, аппаратуру ставь, гроза матрасов.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Клоп, который, как всегда, нисколько не обиделся. – И всё-таки, – пробормотал он, обращаясь уже к самому себе. – Сколько они живут? Ни разу не слышал, чтобы несущки умирали от старости.

Он с надеждой покосился на шерифа, но оценив, наконец, мрачное выражение лица, счёл за благо его больше не беспокоить.

* * *

Ночь прошла в кошмарах, полных размножающихся в неволе несущек. Клоп сплёл паутину из проводов, уселся в середине словно паук и вещал оттуда:

– Смотри: они размножаются. Как ты думаешь, где теперь яйца?

– Из них вылупились новые несущки, идиот! – кричал в ответ шериф.

– Идиот – это психическое отклонение, – резонно возражал Клоп. – Я вполне психически здоров. Вы обзываете меня идиотом только потому, что вам неприятно вдумываться в то, что я говорю. Понимаю, у вас так не принято и призыв разобраться в сути вещей звучит как бред, но это не повод обзываться...

– Совсем мне голову заморочил! Почему ты сплёл паутину? Ты же Клоп, а не паук, – крикнул шериф и проснулся.

* * *

Солнечный свет из окна бил прямо в глаза. Шериф долго моргал, тряс головой и вообще пытался хоть как-то прийти в чувство. Проморгавшись, он обнаружил в комнате Клопа и матушку Камелию, которые с интересом смотрели на него, словно ожидали, что он вот-вот произречёт нечто невероятно важное.

– Что ты сказал?

Шериф попытался привести мысли в порядок. Ничего не получилось. Тогда он глупо моргнул и сказал:

– Видимо, разговаривал во сне. Ты не разбудил меня. Что, никого не поймали?

– Никого.

– А яйца?

Матушка Камелия лишь покачала головой, а Клоп немедленно завёлся:

– Не снеслись – ладно, но ведь что удивительно – энергетическая активность зафиксирована смехотворная. Вот, как ты думаешь, что у них внутри творится в процессе кладки? Синтез?

Шериф молча пожал плечами. Думать после такого пробуждения не хотелось.

– Матушка Камелия, вы чем зверушек кормите? Сфалеритом? Там же ни крошки серебра! А несутся они чем, помните? Если несушки преобразуют цинк или кадмий в серебро, там знаете какой расход энергии должен быть? Изменить структуру ядра! Хо-хо... А куда потом примеси...

– погоди, малыш, – Матушка Камелия говорила громко, но Клоп мгновенно затих. – Что именно ты увидел?

– Одновременные всплески энергетической активности у всех зверушек, которые снеслись. Хорошие такие всплески, но для синтеза серебра недостаточные.

– И никто не приходил?

– Нет. Просто некоторые не снеслись. Ничего примечательного рядом с ними не происходило.

– Вот как, – задумчиво кивнула Матушка Камелия. – Ты, малыш, аппаратуру пока не убирай. Раз не случилось в день кладки – значит могло случиться до неё. Пусть постоит до следующей.

Клоп от восторга даже не нашёлся с ответом. Точнее с вопросом, если учитывать его манеру общения. Две-три недели изучать зверушек, к которым фермеры его раньше на выстрел не подпускали – об этом он и мечтать не мог. Шериф его энтузиазма не разделял и оживился лишь услышав приглашение идти завтракать.

* * *

Клоп был из тех загадочных людей, которые совмещают удобу с невероятным аппетитом. Оставалось лишь диву даваться, куда в нём помещается всё то, что стремительно исчезает с тарелки. При этом он ухитрялся ещё и болтать.

– Я несучками давно уже заинтересовался. Чудные зверьки. Поспрашивал там-сям... И знаете, что выходит?

Матушка Камелия, благосклонно наблюдавшая за ним все это время, поощрительно кивнула: продолжай, мол. И продолжение не заставило себя ждать:

– Выходит, что люди держат их уже несколько поколений, но ничего про них толком не знают. Нашли в лесу. Если кормить сфалеритом – несут серебряные яички. Ну и славненько! Да что там несучки – таких примеров полно сплошь и рядом. Та же Кнопка Убивания Самого Плохого... Оставь Кнопку – хоть кто-то поинтересовался, откуда у такого проходимца, как я, взялась целая гора дорогостоящего научного оборудования? Разве я похож на финансового магната?

– Хмпф... Нет, – буркнул шериф, не переставая жевать.

– А вдруг я его украд?

– Если и украл, то не в наших местах, – пожал плечами шериф. – Значит, не наше дело. Пока ты не в розыске и ведёшь себя прилично, мне плевать, чем ты занимался за пределами Нескучного Городка.

– Вот! Именно из-за подобного подхода он так и называется – Нескучный! Поверхностно разобрались, как применить в хозяйстве – и вперёд. А на что там объект в действительности способен и для чего предназначен – никому не интересно. Из-за этого вы постоянно и вляпываетесь. Клоп всплеснул руками, зацепил тарелку, но сумел остановить её падение, отделавшись лишь очередным жирным пятном на штанах.

– Да будет вам известно, – продолжил он, вытирая штаны салфеткой. – Оборудование я у фермеров выменял. Они его на месте крушения транспорта нашли, но контейнеры вскрыть не сумели. И знаешь, что они тогда сделали? Сложили из них стены хлева для поросей! Мол, контейнеры массивные, прочные, хорошо друг к другу крепятся. Когда у поросей гон, они любую кладку по кирпичику разносят, а стена из контейнеров держится.

– И как же ты уговорил их отдать такую полезную вещь? – улыбнулась матушка Камелия.

– Полезную... – с досадой и отчаянием в голосе повторил Клоп и покачал головой. – Это уж кто что считает полезным! Договорились мы. Я контейнеры вскрываю, и всё, что внутри – моё. А они после этого набьют их песком для пущей массивности и новый хлев соорудят. Вершки и корешки...

– Вскрыл?

– Разумеется! Я эти замки хорошо знаю... И хлев вышел – загляденье, века простоит. Но ведь как же так... – не найдя слов, Клоп вздохнул и закончил. – Вот потому ваш городок никогда не назовут Скучным. Что ни день – сюрприз.

Излияния прервал писк какого-то сигнала. Клоп подхватил лежавший всё время под рукой коммуникатор и уставился на экран:

– Там что-то движется!

Однако, спустя несколько мгновений охотничий азарт на его физиономии сменился разочарованием:

– Ах, это Ками...

Шериф подошёл к нему и заглянул через плечо. На экране девочка лет десяти обходила гнёзда, наполняя кормушки. Это была правнучка и тёзка Матушки, Камелия младшая, которую для краткости звали Ками. Клоп, потянувшийся было выключить коммуникатор, вдруг застыл с раскрытым ртом. Лишь спустя полминуты он смог выговорить:

– Она... Она их гладит!

– Конечно, – подтвердила матушка Камелия. – Как положено при каждом кормлении.

– Но сигналы! От них идут сигналы... – по инерции воскликнул Клоп, уставился на неё и спросил почему-то зловецким шёпотом: – Почему положено?

– Без этого они не начинают есть.

– Почему при поглаживании идут какие-то сигналы? – словно не слыша её продолжал Клоп. Казалось, он пытается вести две беседы одновременно. – О! Смотрите! Другой тип сигнала!

Они не видели того, что происходит на экране, и им оставалось только гадать, что за информацию он показывает. Клоп продолжал наблюдение до тех пор, пока Ками не вышла из хлева, после чего впал в такую задумчивость, что до конца завтрака не съел больше ни крошки.

* * *

– Смотри, шериф! Всё совпало: не снеслись именно те несушки, которых она чесала за ухом, а не гладила.

– Что с чем совпало?

– От почёсывания шёл другой сигнал... – едва слушая его ответил Клоп. – Кому и куда он шёл? Те, кого почёсывали, не снеслись вовремя.

– Так что, они не любят, когда их чешут?

– Да при чём здесь чешут-не чешут? Посмотри, что мы имеем: животные, которые не размножаются и не умирают, при поглаживании испускают некие направленные сигналы, едят сфалерит, после чего – энергетический всплеск – и вот вам серебряное яичко, из которого вылупляются только деньги, но никак не новые несušки. Это не животные, шериф! – замогильным голосом поведал Клоп.

– А шерсть?

– Никакая это не шерсть! Вы её под микроскопом рассматривали? А я – да. Это датчики! Точнее, сенсоры, прикреплённые к миниатюрным датчикам на коже. Устройство ввода! Несušки – устройства. Я бы сказал, торговые автоматы, а шерсть у них вроде клавиатуры получается.

– Автоматы по продаже серебряных яиц? – не выдержав расхохотался шериф. – В жизни такого бреда не слышал!

– Не только яиц! Почему их при кормлении надо обязательно гладить? Ты вводишь заказ. Я отследил: те, которых погладили по голове от макушки вниз – снеслись. При каждом поглаживании шёл сигнал, всегда чуть разный, но рано или поздно у всех проскакивала определённая последовательность. Правильный заказ. В среднем необходимо пятнадцать поглаживаний, чтобы добиться нужного сигнала. Девочка, конечно, этого не понимает, она лишь, сама того не подозревая, повторяет попытки ввода. Представь, что ты выбираешь заказ в торговом автомате, беспорядочно стуча по кнопкам. Представил? В большей части случаев это не сработает, но при должном упорстве ты заметишь, на что и в какой последовательности жать. Так и в случае с несušками.

– погоди... – прервал его шериф. – Тебя послушать, так могут быть и ещё какие-то комбинации?

– Да-да, и, возможно, другой корм. Но как нащупать нужное сочетание?

Браслет на руке Клопа зажужжал и завибрировал, привлекая внимание. Он кинулся к лежащему на столе коммуникатору и застыл над ним, машинально потирая ушибленный о край столешницы локоть. Зрелище на экране целиком поглотило его внимание. Успевший привыкнуть к таким сценам, шериф терпеливо ждал продолжения.

– Ага! – воскликнул Клоп спустя секунд пять. – Ах ты... Зараз-за... Пошли!

– Кто пошёл? Ты можешь изъясняться понятнее?

– Мы! Мы пошли! Быстро... но – тихо. Надо за ней проследить, – отозвался тот и выскочил за дверь.

У шерифа не оставалось иного выбора, кроме как ринуться за ним следом. Бежать, впрочем, пришлось недолго: до хлева было шагов двадцать. Клоп уже крался вдоль стены, стараясь, по возможности, не шаркать ногами.

Всё-таки, пришлые совершенно не умеют не только красться, но устраивать засады. Ками вывернула из-за угла и взвизгнула от неожиданности, нос к носу столкнувшись со взрослым. Она замерла, испуганно прижав к груди ладони, в которых что-то несла.

– А вот и наш воришка, – торжественно провозгласил Клоп. – Ну-ка, показывай, что у тебя там?

– П-пушистики, – обречённо прошептала девочка.

Шериф, видя, что она вот-вот расплачется, оттеснил совершенно не умеющего обращаться с детьми напарника, обнял Ками за плечи и сказал ласково:

– Можно посмотреть? Ни разу в жизни не видел пушистиков.

Немного помедлив, девочка осторожно раскрыла ладони, демонстрируя свою добычу. Взрослые хором ахнули, после чего Клоп, возможно впервые в жизни, ещё и выругался от избытка чувств. Новорождённые несушки были похожи на глазастые мохнатые шары и, казалось, были изумлены не менее, чем люди.

– Чем ты их...

Шериф покосился в сторону Клопа и коротко ткнул локтем под ребра: у пришлых от этого ненадолго перехватывает дыхание. Не очень красиво, но расспрашивать напуганного настойчивыми расспросами ребёнка будет очень трудно. Клоп жалобно булькнул и замолчал.

– Очень милые, – улыбнулся шериф. – У них уже есть имена?

– Нет, – вздохнула Ками. – Эти только родились и я ещё не успела их назвать... Шериф... Бабушка будет ругаться, да?

– Уверен, что нет. Хочешь, посиди у меня в офисе, пока я ей всё объясню.

Девочка кивнула.

– Вот и хорошо. Но остальных надо забрать и тоже принести в офис.

– Их отберут, да?

– Не знаю, Ками. Мы впервые видим пушистиков и ещё не знаем, как с ними обращаться. Думаю, бабушка поселит их в отдельном хлеву. Я попрошу, чтобы тебе разрешили за ними ухаживать.

– Думаешь, бабушка тебя послушается?

– Конечно послушается! Я же представитель власти, – улыбнулся шериф и добавил в сторону сквозь зубы. – Клоп, молчи. Все вопросы потом. Пойдём в офис.

– Самовоспроизводящиеся полуживые устройства для бартерного обмена с неизвестной, но заведомо превосходящей нас технологически цивилизацией... – провозгласил Клоп, заглядывая в коробку с маленькими несучками. – Дорогие жители Нескучного Городка, вы влипли!

– Почему это?

– Вы начнёте бесконечно плодить их и наращивать производство. Такой секрет невозможно хранить вечно. Рано или поздно сначала здесь, а потом во всех обитаемых мирах у каждого желающего будет по хлеву с несучками.

– Не вижу проблемы, – пожал плечами шериф.

– Город разрастётся и изменится, – продолжал пророчить Клоп. – Он превратится в центр торговли. Кто-то возьмётся экспериментировать и непременно найдёт способ меняться другими товарами. Времена до момента, когда Ками впервые надумала почесать зверушку за ухом, вы будете вспоминать как тихие и станете смеяться над собственной наивностью, которая сподвигла вас назвать городок Нескучным...

– Что ж, не вечно же нам быть захолустьем, – тихо молвила Матушка Камелия, появляясь на пороге. – Ками, золотце, конечно же, я не сержусь. Пойдём домой, обустроим твоих пушистиков, – тут она многозначительно посмотрела на мужчин и добавила. – А заодно я расскажу тебе о том, что такое семейные секреты и как правильно их хранить.

Они завороженно следили за тем, как девочка вскакивает, подхватывает коробку и выходит вслед за прабабушкой. Проводив взглядом удаляющихся Камелий, Клоп тяжело вздохнул:

– Я вот что думаю, шериф, – сказал он. – У нас не только городок – весь мир Нескучный, и неизвестно, что погубит его прежде – любопытство, заставляющее людей будить неведомые силы, или алчность, требующая, чтобы мы их оседлали. Ведь неизвестно, кто создал зверьков и зачем. Вдруг он похож на нас? Что, если любопытство привёдет его сюда, чтобы выяснить, откуда вдруг хлынули эти потоки руды? Не выиграет ли в нём алчность, как выиграла бы в нас? Как выкручиваться, если он надумает нас оседлать? Ты слышишь меня? Шериф!

– Что?

– О чём задумался?

– О доле в сфалеритовой шахте, или где его там добывают...

Клоп кивнул, словно смиряясь с неизбежным, и пошёл домой. Он ощущал себя одним огромным человечеством,

раздираемым алчностью и любопытством. Ему очень хотелось сорваться с места и выбежать, но надо было идти так, будто ничего особенного не происходит. День как день. Человечество – обычное дело! – без лишних церемоний, ввязалось в очередную авантюру, но это же не повод носиться сломя голову. Подумаешь – неизвестно, чем это закончится...

Лишь закрыв за собой дверь он решился засунуть руку в карман, дабы убедиться, что там всё в порядке. Улыбнулся, почувствовав легкий укус. Украденный детёныш несушки пребывал в добром здравии.

ТРИ ЧАШКИ КОФЕ ИНСПЕКТОРА БЕККА

1. С коньяком

Муниципальный инспектор Бекк обвёл граффити жирной рамкой и отступил на шаг, оценивая результат получасовых стараний. Слипшиеся пузатые буквы метровой высоты. Текст, а точнее – слово без малейших претензий на оригинальность. Порядок.

Он сплюнул и запустил баллончиком из-под краски в фонарь с номером 12 на здании напротив. Фонарь отозвался жалобным дребезгом и осыпался на землю множеством мелких осколков.

– Да чтоб вас так и растак, – визгливоотреагировали из окна дома номер 14. – Семь утра! Не нашлось другого времени стёкла бить?

– Ничего не поделаешь, Роза, – откликнулся Бекк. – Я два обхода за день сделать не успею. Приходится всё сразу... И вообще, по нашим сведениям, стёкла бьют чаще всего с десяти вечера до восьми утра.

– Сведения у них... – дальше было, к счастью, неразборчиво.

В окне под разбитым фонарем показалось заспанное лицо бакалейщика Джо. Смахнув осколки с подоконника, он осмотрел плоды трудов инспектора и покачал головой.

- Доброе утро, Джо!
- Привет, Бекк! Ну, и почерк у тебя...
- Уж какой есть. И, кстати, для такой мазни в самый раз.
- Тебе виднее. Кофейку выпьешь? – подмигнул бакалейщик.

– Спасибо! Не откажусь.

По пути он подобрал баллончик из-под краски и перебрал на пару метров поближе к урне.

За обшарпанным фасадом дома бакалейщика пряталась со вкусом обставленная гостиная с баром и камином. Инспектор любил бывать здесь. Приличия не позволяли гостю проходить дальше специально отведённых комнат без приглашения, и оставалось лишь гадать, какую роскошь скрывают недра дома Джо.

– На Розу внимания не обращай, – утешал его хозяин, хлопота над кофейником. – Она, на самом деле, тоже понимает, как и все мы, – солнечный зайчик блеснул на золочёном ободке кружки, когда он развел руками. – Но – характер...

Бекк понимающе кивнул, и спустя минуту повторил жест, уже с куда большим энтузиазмом: бакалейщик продемонстрировал ему бутылку, нарочно давая рассмотреть этикетку. Именно в ней крылся тайный смысл давешнего подмигивания.

– Ммм... Джо, ты волшебник, – проговорил Бекк сделав пару глотков. – Лучший кофе в городе.

– И не только кофе, – лукаво улыбнулся Джо.

Дождавшись, пока инспектор наполовину опустошит чашку и расслабится окончательно, он спросил:

– Я так понимаю, мой забор – следующий?

– Да.

– По части текста ограничения есть?

– Пока нет.

– Отлично! А то как-то не хочется матюгов на заборе. Напишешь “Бакалея У Дяди Джо”?

– Хмм... Матюги как-то короче, букв меньше, – протянул инспектор, задумчиво глядя в чашку. Горлышко бутылки немедленно материализовалось над ней, приведя соотношение кофе и коньяка в напиток к более привлекательным пропорциям. – Хотя, никто ведь не запрещает просто написать имя хозяина дома.

– Имя, смею заметить, покороче иных матюгов получается... – поддержал его хозяин, повторно занося бутылку над чашкой. – Хотя, на самом деле, все любят называть меня “Дядя Джо”.

– Джо...

– Не дядюшка, а именно дядя.

– Джо! – начал закипать Бекк. – Если тебе нужна вывеска – найми художника!

– А смысл? Завтра утром бюро статистики может внезапно обнаружить, что на большинстве домов вывесок нет и это выходит за допустимые рамки. И ты, – он ткнул пухлым пальчиком свободной руки в инспектора, – придёшь её закрашивать. Нельзя же расстраивать убогих, у которых нет не только вывески, но и причины её рисовать!

Бакалейщик налил себе кофе, устроился в кресле напротив и продолжил с напускной торжественностью:

– Муниципалитет неустанно борется с проявлениями неравенства, и так далее. Мы всей душой его поддерживаем и голосовали за дорогого мэра. Но... из этого не следует, что мы станем бросаться деньгами. Сигару?

– “Дядя Джо”? – задумчиво протянул Бекк, пряча сигару в нагрудный карман. – Этого хватит на два забора...

– “У Дяди Джо”, если быть до конца точным, – заботливо поправил его хозяин. – Если не влезет – пару букв можно и на розин забор вынести. Тебе, опять же, для отчётности удобно: одним махом два забора оформишь.

– Ну, у дяди, так у дяди... – вздохнул инспектор, решительно останавливая руку бакалейщика, норовившую опу-

стить недопитую бутылку в его сумку. – Джо! Хватит в корыстных целях угощать должностное лицо при исполнении! Будет тебе надпись. В рамках закона, ни больше, ни меньше. И никак иначе, хоть ты утопи меня в этом коньяке!

2. Настоящий

Полдень и половина дневной нормы. Бекк критически обозрел свежую надпись. Контуры одной из букв получились слишком размазанными и нуждались в исправлении. Он внёс коррективы, осмотрел результат ещё раз и удовлетворённо кивнул.

Работа захватила его. Он подходил к процессу творчески, придумывая для каждого забора особенную надпись и, насколько это позволял скудный выбор красок, следил за тем, чтобы в двух соседних граффити не повторялись сочетания цветов. Индивидуальность, не выходящая за допустимые рамки. Получалось даже в каком-то смысле красиво. Вытерев вспотевший от усилий лоб грязным платком, он оглянулся на уже пройденную часть улицы и улыбнулся. Полный порядок.

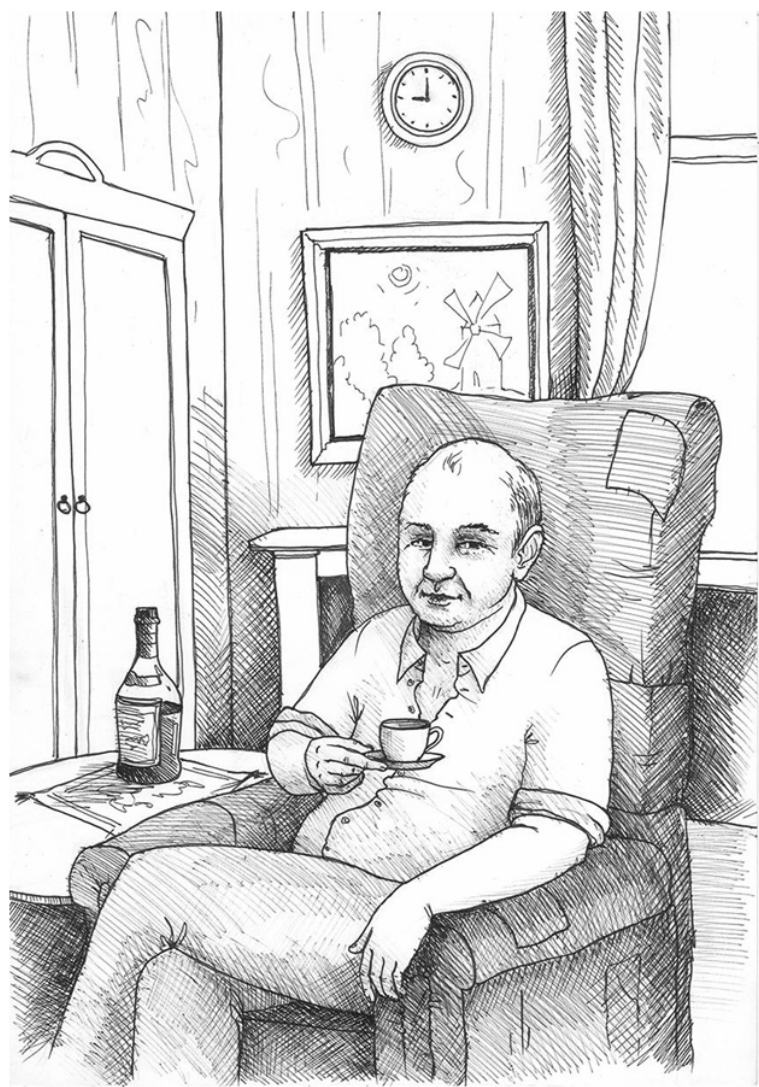
– Господин муниципальный инспектор! Сегодня очень жарко. Выпейте воды!

Смуглый мальчишка с бойкими глазами появился, казалось, ниоткуда. Секунду назад рядом никого не было, и вдруг – вот он, материализовался и протягивает огромную кружку с холодной водой.

– Спасибо, Али-шер!

Бекк сунул мальчишке мелкую монетку и отсалютовал кружкой бородатому старичку, сидевшему на стульчике у входа в кофейню через пару домов от него. Тот расплылся в редкозубой улыбке и нырнул за занавеску, преграждавшую вход в заведение.

Напившись, инспектор обнаружил, что кружку отдавать некому. Али-шер испарился так же стремительно, как и по-

явился. Старый безотказный трюк. Теперь придётся возвращать посуду самому.

Твёрдо решив не заходить в кофейню и оставить кружку на опустевшем стульчике у входа, Бекк оставался непреклонен на протяжении доброй полусотни шагов, заранее зная, что обречен. За занавеской толкли кофейные зёрна в миниатюрной бронзовой ступке. Толкли нарочито громко, так, чтобы уважаемый слышал и знал, что он приглашён воссесть на почётном месте среди расшитых подушек и отведать густого, чуть пахнущего дымом кофе вприкуску с двадцатью и пятью видами сладостей.

– Шарк-шарк-шарк, – хрустели под пестиком зёрна.

– Трррр-ррак, тр-рак, так! – пестик ненадолго отвлекался от работы, чтобы выбить звонкую дробь о край ступки.

В заведении старого Саида стояли самые что ни на есть современные кофейные машины, но он регулярно устраивал это представление с “настоящим кофе”, чтобы завлечь падких на экзотику клиентов. Почётное место среди подушек стоило заметно дороже обычного сервиса за столиками, но редко пустовало.

Бекк сдался. Больше кофе с коньяком он любил только кофе, который подавали в комнате с расшитыми подушками.

* * *

– Скажи мне, о, многоуважаемый господин муниципальный инспектор, – обратился к нему Саид, когда с церемониями было покончено и пришло время для степенной беседы. – Ради чего это всё? Сначала ты выкручивал лампочки. Потом ломал скамейки и разбрасывал мусор вокруг урн. Сегодня – пачкаешь заборы. Что будет завтра?

– Саид, ты не хуже меня знаешь закон о внешних проявлениях благосостояния, – буркнул Бекк, мысленно готовясь к повторению разговора с бакалейщиком Джо. – Простым людям больно видеть чужую роскошь. Их боль-

шинство, и с ними следует считаться. И если ты сейчас начнёшь...

– Ой-ой, – дед сморщился, затряс бородёнкой и часто замахал на него руками. – Зачем обиделся на старого Саида? Не обижайся, ладно? Читал закон. Знаю, зачем закон. Ничего начинать не буду, клянусь!

Частью антуража комнаты с подушками была роль сына степей в представлении среднего обывателя – гостеприимного, мудрого и одновременно простоватого, которую никогда не бывавший в степях Саид в исполнял в совершенстве. Войдя в образ, он не всегда вовремя успевал из него выйти, однако на сей раз спохватился довольно быстро и заговорил как обычно.

– Я вот чего понять не могу. Почему вы ломаете, а не чините? Или того лучше – поймали бы этих хулиганов, оштрафовали, к общественным работам приговорили. Пусть бы сами свою мазню закрашивали. Город от этого только выигрывает.

– Бюджета нет, – привычно отозвался Бекк и замолчал, удивленный сомнением, промелькнувшим в собственном голосе.

– Да-да-да... Что ты говоришь! – дед с деланным сочувствием покачал головой, отхлебнул кофе из миниатюрной чашечки и бросил на язык кубик лукума с половинкой жареной фисташки. Прожевал, зажмурясь от удовольствия, и продолжил. – На то, чтобы заляпать краской весь город, бюджет нашёлся, а на то, чтобы привести в порядок один забор – нет.

– Это не один забор! – запротестовал инспектор. – Решение принято после того, как граффити были обнаружены на пятидесяти пяти процентах заборов в городе. Пятьдесят пять процентов – это порог терпимости, после которого...

– Знаем, знаем, – закивал Саид. – Выделяется соответствующий бюджет из фонда по борьбе с неравенством. На покупку краски с целью наведения равенства.

Тут он воздел палец к небу и спросил:

– А подряд на поставку краски кто получил? Брат уважаемого мэра или его зять? Ах, дочь? Так я и думал... И ведь все знают! Знают, но делают вид, что ничего особенного не происходит, словно это часть его должностных обязанностей. Как говорится, не пойман – не мэр.

Инспектор раздражённо дернул плечом и с отвращением уставился в опустевшую чашку. Саид кинулся было наполнить её снова, но был решительно остановлен. “Настоящий кофе” сегодня чересчур горчил, и добавки не хотелось.

– Эй, ты сердишься? Зря. Я тебя, Бекк, люблю как родного. Сердечные тайны доверяю, сомнениями делюсь. Выйди на улицу, спроси любого – говорит с тобой по душам старый Саид? Любой скажет: нет, он раскрывает душу лишь умеющим видеть и слышать. А кто умеет это делать лучше, чем господин муниципальный...

– Хватит дурака валять! – Бекк встал и принялся стряхивать с одежды крошки и сахарную пудру. – Распределением бюджета заведует не лично мэр, а городской совет. И мне не нравятся твои намёки.

– Конечно-конечно, – снова закивал Саид. – К тому же, бюджет на граффити и бюджет на закрашивание граффити – это разные фонды, управляемые двумя разными людьми. И ни одного из них не зовут Бекк. У Бекка другая работа, и он делает её на совесть. К тебе-то как раз претензий нет. Не беспокойся, мы всё понимаем.

– Ну, вот и славно, что понимаете. И нечего тогда лезть ко мне с дурацкими вопросами. Сколько с меня?

– За счёт заведения...

– Извини, при исполнении угощений принимать не положено, – отчеканил инспектор.

– Три пятьдесят.

– Саид!

– Семь.

– Держи.

– Вот за это мы тебя и любим, – вздохнул старик, отсчитывая сдачу. – Тебя бы мэром сделать или президентом. Уж ты бы точно не послал никого лампочки бить!

3. Растворимый

Наученный горьким опытом, Бекк больше не принимал никаких приглашений и мрачно отвергал все попытки завязать разговор. Оставался последний рывок – полквартала в районе, где дома снаружи выглядели как везде, а внутри – ещё хуже, чем снаружи. Район людей, большинство из которых не смогут жить лучше, даже если захотят этого. Большая часть его уже давно была изрисована местными жителями. Оставалось позаботиться лишь о немногих чудом уцелевших заборах.

Здесь, как и во всем городе, больше не было скамеек. Он сидел на перевёрнутой урне и хлебал дешёвый растворимый кофе из бумажного стаканчика. Ему необходимо было немного взбодриться, однако горько-кислая жижа лишь пробуждала изжогу.

– Устал, Бекк? – сочувственно вздохнули над ним.

Чья-то рука с пухлыми короткими пальцами бесцеремонно взъерошила его волосы. В нос ударил запах дешёвой парфюмерии, пота и давно не стиранной одежды. Он взглянул на говорившую. Это была Марта, медленно спивающаяся многодетная поэтесса, переехавшая в этот район совсем недавно и ещё не привыкшая сторониться людей в форме. Она участливо смотрела на него с высоты своих ста девяноста сантиметров, слегка при этом покачиваясь.

– Ужасная у тебя работа, как мне кажется.

– Тебе-то какое дело?

– Просто хочу сказать тебе спасибо. От них, – она кивнула в сторону центра города, – ты вряд ли услышишь доброе слово. Разве что, взятку сунут. Так ты, поди, и не берёшь.

– За что спасибо-то? Некоторые, вон, считают, что я просто порчу чужие дома. Им кажется, что надо быть сумасшедшим, чтобы всем этим заниматься.

– Не ной. Ты не зря стараешься. Благодаря тебе, мы не чувствуем себя выброшенными на помойку только лишь за то, что не можем стать богаче... Допивать будешь? – она кивнула на стаканчик в его руке.

– Постараюсь, – ответил он. – Хотя, что-то он сегодня в меня уже не лезет. Вот, возьми, – он достал подаренную Джо сигару и протянул ей.

– Ты, Бекк, оставь краску, да ступай домой отдыхать, – сказала Марта, пряча сигару в декольте. – Мои пацаны вместо тебя всё измазюкают как надо. Заодно хоть делом займутся.

– Опять ты меня выручаешь, – улыбнулся инспектор. – А ведь я вам ещё за скамейки спасибо не сказал. Прямо хоть и впрямь инспекторами вас нанимай.

– Кстати, отличная мысль! – расхохоталась Марта. – Похлопочешь?

– Несовершеннолетних...

– А что тут такого? У нас больше половины ребятни подрабатывает. Что там в законе писано про предел терпимости? – подмигнула она.

– Я поговорю с господином мэром... – со вздохом молвил Бекк и направился домой.

* * *

– Бе-екк! Инспе-ектор!

Боцман, как всегда, пьяный и шумный, нёсся за ним следом, таща за руку вяло упирающуюся сублинную личность.

– Во! Видал гада?

Настигнув инспектора, он подтащил влекомого поближе и встряхнул, фиксируя в вертикальном положении. Это оказался Ави, вечно безработный художник-оформитель. Жал-

кий и неказистый даже в обычном состоянии, после транспортировки силами пылающего праведным гражданским гневом Боцмана он являл собою ещё более печальное зрелище: нос расквашен, рукав выцветшей куртки почти оторван, сквозь дыры в штанах даже при падающем из окон свете видны содранные коленки.

– Арестуй его!

– За что?

– Он заборы после тебя разрисовывал. Птички-цветочки, мать его! Закон ему, видишь ли, не писан. У-у, падла!

Забулдыга снова встряхнул добычу, засопел, тяжело дыша сивухой и выжидательно посмотрел на оторопевшего инспектора. Ави молчал, покорно обмякнув в удерживавших его волосатых лапищах сухопутного морского волка. Спорить было явно бессмысленно.

– Ну, тогда конечно... Ави, ты арестован, – строго сказал Бекк. – Следуй за мной. Спасибо, Боцман... Стоп!

Произведя беглый осмотр задержанного, он сердито уставился на добровольного помощника правосудия и спросил:

– Где вещдоки?

– Что?

– Где его краски, кисти и всё прочее?

Боцман вытаращил глаза и, хлопнув себя по лбу, убежал куда-то во тьму.

– Алкашня... – брезгливо буркнул вслед инспектор.

– Спасибо, Бекк, – тихо прошептал Ави. – Прости, не сдержался. Очень уж коряво у тебя вышло.

– Знаю. Хочешь глоточек? – спросил инспектор.

Художник благодарно кивнул, принимая помятый стаканчик, и успел сделать пару глотков прежде, чем вечерняя тьма вновь исторгла потную тушу в рваной тельняшке.

– Вот! Вещдоки! – торжественно прохрипел запыхавшийся Боцман.

Тут он увидел кофе в руке задержанного и с подозрением покосился на инспектора. Повисла тяжелая пауза.

– Вот и отлично! Теперь не отвертись, – голосом торжествующего правосудия заявил спохватившийся Бекк. – Арестованный! Отставить перерыв. Следуйте за мной!

Выхватив из ослабевших пальцев художника угощение, он вручил его Боцману, после чего спешно повлѣк арестанта за собой, пока сему бдительному гражданину не пришло в голову совершить ещё что-нибудь общественно-полезное. Тот проводил их мутным взглядом и сделал машинальный глоток уже давно остывшего растворимого кофе. Скривившись от отвращения и разочарования, он швырнул стаканчик на тротуар и пошѣл в обратном направлении. Тонкий ручеёк всеми отвергнутого напитка заструился было за ним следом, но быстро иссяк.

* * *

– Я... пойду? – робко произнес Ави, когда угроза миновала окончательно.

– Куда это ты пойдѣшь? – инспектор поудобнее ухватил задержанного за шиворот. – Ты арестован за хулиганство, порчу городского имущества и, судя по разбитой морде, сопротивление при аресте. Сегодня участок уже закрыт, но завтра же с утра оформлю тебя как полагается. Впяю тебе общественные работы по полной. Если напишешь покаянное письмо с обещанием отработать и возместить, то даже без суда. Две недели... Успеешь за две недели половину города расписать?

– Н-не знаю, – с сомнением пробормотал художник. – Половина... Так много работы...

– Тогда месяц. Без суда больше дать не могу. Месяц общественных работ по приведению города в соответствие с Законом о внешних проявлениях благополучия! Птички-цветочки, мать их... – передразнил он Боцмана. – С ночѣвкой в “тигрятник”. Завтрак, обед, ужин, спецодежда и душ с горячей водой раз в три дня, – пообещал он, и, видя, разгораю-

щийся в глазах Ави восторг, добавил: – Сидеть будешь вместе с другими художниками.

– С другими? А кто там сейчас?

– Пока никого, но завтра ещё наловлю. Наверняка ещё кто-нибудь не выдержит.

СРЕДСТВО ОТ ЗАВИСТИ

Спешка не к лицу владыкам. Суета – удел мелких царьков, чьё место – в пыли у ног победителей, а сильным и могущественным торопиться некуда. Они явятся куда и когда захотят и поступят как им будет угодно. Не только люди – сама Ойкумена замерла в ожидании своего жребия в час, когда встретились повелители двух её половин.

Бросив короткий взгляд на гвардейца, стоявшего справа от церемониального шатра, Филипп чуть замедлил шаг: солдат, нарочно поставленный так, чтобы видеть приближающихся царей, держал “равнение налево” – условный сигнал, означающий, что скрытый от взора Деметрий приближается медленнее и достигнет цели вторым. Этого нельзя было допустить. Они должны подойти к шатру одновременно, дабы не создалось впечатления, будто один из них торопится на поклон к сильнейшему.

Церемонии. Формальности. Насколько проще всё было в юности, когда они соперничали лишь в играх и состязаниях! В те дни ветер, трепавший края карты, не пах гарью, а глиняные фигурки на ней обозначали лишь воображаемые армии, не оставлявшие за собой кровавых следов. И не было копоты на пальцах, двигавших игрушечных воинов. Иногда, очень редко, он скучал по тем временам, когда можно было просто дать по морде вместо того, чтобы звать палача.

Но вот и шатер. Филипп остановился в предписанных протоколом десяти шагах от входа в привычной уже позе – безупречно прямо, расправив плечи и чуть приподняв подбородок, в правой руке скипетр, левая – на поясе, рядом с церемониальным кинжалом. Гвардия отсалютовала, исполнив сложную последовательность красивых, но бессмысленных движений. Оркестр подхватил финальный удар древками копий о землю, мастерски вплетя его в “Гимн величию”.

С последними аккордами свита неслышно выстроилась за спиной Филиппа и слуги распахнули занавеси. С противоположной стороны невидимые руки в точности повторили движение, открывая вход перед Деметрием. Цари встретились взглядами и одновременно шагнули под свод шатра, давая начало новому кругу показухи.

Первым от лица вызывающей стороны взял слово секретарь Филиппа Хризофон. Этот благообразный и прилежный молодой человек в шитых золотом одеждах, казалось, родился с одной лишь целью – говорить от лица царя. Не разворачивая свитка, он наизусть декламировал послание:

– Два государя могучих, деля пополам Ойкумену,
Не помышляли о том, чтоб идти друг на друга войною.
Мир да пребудет меж ними во веки, поныне и присно,
Но благодать омрачилась невольною горькой обидой...

Задрипанная пограничная деревушка с нелепым названием Козий Дол. Эта дюжина полуразвалившихся сараев, населённых оборванцами и их козами, господам половин Ойкумены была интересна не более, чем некогда грызшимся из-за неё городишкам, один из которых завоевал Филипп, а другой – Деметрий. Её единственная настоящая ценность – территориальная претензия. Повод для начала резни. О, сколько раз он проворачивал этот трюк!

– ...пусть же вернет нам те земли любимец Ареса Деметрий

И да минуют обоих объятья злопамятной Эрис.

Филипп слушал вполуха, наблюдая за выражением лица Деметрия. Ловушка захлопнулась. Владыкам не пристало отдавать земли, будь сосед хоть стократ прав в своих притязаниях. Сегодня отдашь одному – завтра придут семеро и каждый попросит по куску, причем одним из них будет тот, чьим требованиям ты уступил вчера.

Деметрий поймал его взгляд и с улыбкой кивнул, показывая, что оценил хорошую интригу. Претензия была составлена со всей возможной тщательностью и подкреплена ворохом документов, сплошь подлинников. Ни у кого не возникнет сомнений в правильности происходящего. Даже у тех, кто заплатит своей жизнью за дюжину никому не нужных сараев с козопасами. Особенно у них.

Хризофон смолк. Его коллега, повинувшись жесту господина, выбрал в суме один из заранее припасённых свитков и принялся зачитывать. Ответ был стандартным. Мы, дескать, в своём праве, земель не уступим, а буде попытаетесь взять силой – с большим сожалением, но без колебаний ответим всей имеющейся мощью.

– Оставьте нас, – приказал Филипп свите, едва чтец смолк.

Деметрий, радуясь возможности прекратить нудные словоизлияния и поскорее перейти к делу, повторил приказ для своей свиты. Цари стояли, уставясь друг на друга и ожидая, пока все выйдут. Оба, не оглядываясь, прищкнули на телохранителей, норовивших замешкаться на выходе. И вот – одни.

– Давно этого ожидал, – улыбнулся Деметрий. – Нынче даже голозадые варвары мнят себя искушёнными политиками и судачат о том, что Ойкумена тесна для нас двоих. Говорят, они успели перессориться в попытке решить, к кому из нас наняться, когда дойдет до дела, а самые нетерпеливые уже вовсю воюют. Дети играют в Войну Двух Царей, а купцы набили амбары зерном и металлом. Весь мир готов.

Он взмахом руки указал на разделявший их стол с уставленной фигурками картой, высмотрел Козий Дол, до сего дня не знавший чести быть где-либо обозначенным, и развернул лицом к себе стоящего рядом с названием солдата. Гоплит был мускулист, суров и превосходно экипирован – не чета полудюжине спивающихся от скуки стражей границы, которых он олицетворял.

– Одного не могу взять в толк, – Деметрий щелчком опрокинул игрушечного воина. – Почему ты оставил напоследок именно меня? Дружеские чувства? Сомневаюсь. Ты с детства меня терпеть не мог. Стратегические соображения? Ещё сомнительнее. Ты не использовал множество гораздо более выгодных возможностей для нападения. Так почему?

Филипп долго молчал, собираясь с мыслями. Сказать ему? Правда, заживо похороненная под многолетним слоем самообмана и государственных интересов, никак не желала умирать. Выстроенная для неё тюрьма за эти годы так и не стала мавзолеем.

Он посмотрел на Деметрия. Вечный соперник стоял, с напускной небрежностью опершись на стол, делал вид, что поглощён разглядыванием карты и улыбался. Разумеется, на ней не было ничего смешного, а забавляла его внутренняя борьба Филиппа. Подлец всегда хорошо умел читать по лицам.

Сказать ему? Сейчас? Но если не сейчас, то когда? В последний раз они встречались без свидетелей ещё юношами, а покинув этот шатер, если и встретятся вновь, то в застенках, куда один из них попадет побеждённым и потерявшим всё. О, нет, правду на такие вопросы отвечают только равным. Сейчас или никогда!

– Ты... – первое слово далось с трудом и прозвучало почти как оскорбление, но он быстро совладал с голосом. – Ты всегда умел задавать правильные вопросы. В особенности те, на которые трудно отвечать даже самому себе. Боги свидетели

– мне приятнее было бы откусить себе язык, чем произнести это вслух, но ты заслуживаешь правды, как никто другой.

Он поймал себя на том, что по привычке выражается высокопарно, словно это всё ещё официальная встреча, а не разговор с глазу на глаз. Когда изо дня в день каждое твоё слово записывают для потомков, поневоле учишься говорить гладко, даже зная, что летописцы облагородят и переиначат каждую фразу.

– Я не мог тебя тронуть потому, что ты был мне нужен живым. И равным. Все эти победы, завоевания, мои собственные подвиги... Всю жизнь я только и делал, что пытался убедить в моём величии одного-единственного человека не свете... – он сделал долгую паузу перед последним усилием и закончил: – Тебя. Единственного человека, который однажды посмел назвать меня... ничтожеством.

Глаза Деметрия округлились от изумления. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но не нашёл слов и лишь вздохнул, помотав головой. При других обстоятельствах Филипп мог бы торжествовать. Мало что способно было стереть эту наглую улыбку и пресечь поток его язвительного красноречия. Однако, замешательство было недолгим:

– Так-так-так... Вот оно что! Я ведь тоже прекрасно помню этот день... Когда же это было? Лет сорок назад?

– Тридцать семь... Именно тогда всё и началось, – продолжал Филипп. – Я обезумел от обиды, но мстить за слова – удел слабых. Мне хотелось, чтобы не только у тебя – ни у кого более не было повода назвать меня ничтожеством.

Очень хотелось отвернуться и начать расхаживать по шатру. Не видеть этого с детства знакомого лица, обрамлённого буйными кудрями и седеющей бородой, крупного носа с горбинкой и чуть вздернутой правой брови, которую он рассек ему деревянным мечом целую жизнь назад. Так было бы легче – не видеть. Но самую горькую правду не говорят стыдливо отвернувшись, и он не двинулся с места, пообещав

себе, что при следующей встрече, той, которая случится в застенках, будет расхаживать и вертеться сколько душе угодно.

– Подумать только – всего лишь слово... Даже не самое обидное, меня называли и похлеще. Однако, именно оно не оставляло меня с тех пор. Оно чудилось мне в победных криках воинов. Оно звучало меж строк хвалебных песен слышимым лишь мне рефреном. Оно отравило каждый мой триумф. Всю жизнь я положил на то, чтобы смыть эту горечь, но тщетно. Что толку мне в восторгах слабых, когда я презираем равным? Однако, от тебя я не слышал с тех пор ни оскорбления, ни хвалы... Что в этом смешного?

– Всё, Филипп! Всё от начала до конца! Не оскорбление – крик бессильной зависти был началом всему. Я всегда завидовал твоему уму, величию и гению, и тот день не был исключением. Ты в очередной раз меня превзошел, и я, желая хоть как-то отыграться, не придумал ничего умнее, чем выместить обиду бранью. Стыдно было невероятно, но об извинениях, конечно, не могло быть и речи. Так всё и началось для меня.

Он оставил свой обычный полунасмешливый тон и заговорил глухо, медленно, запинаясь через слово:

– Уязвлять словом – удел слабых. С тех пор я никогда не позволял себе... бросаться словами. Зависть никуда не делась. Она душила меня, лишала покоя. В минуты своих величайших триумфов я думал о том, что затеваешь ты. Каких вершин достигнешь? Что воздвигнешь? Какой сосед следующим вручит тебе ключи от столицы? – он покачал головой. – И вот теперь ты, служивший вечным образцом для подражания, говоришь мне, что сделал всё это лишь для того, чтобы доказать мне, что я был неправ! Впечатляющий способ убеждения... Да и я хорош. Оба хороши!

Деметрий замолчал и уставился на карту так, словно впервые увидел её. Не нравилась ему карта. А может, и сама Ойкумена чем-то не устраивала. Он хмурил брови и морщил

лоб, не то вспоминая, не то что-то высматривая. Сдвинул несколько фигурок, потом вернул их на место и даже поднял опрокинутого гоплита, водрузив его на прежнее место рядом с надписью “Козий Дол”.

– Надо же, – пробормотал он наконец. – А ведь кто-то пытался изобразить на этой карте наше величие. В жизни не видел более лживого рисунка.

– Лживого? – удивился Филипп.

– Границы, города, гарнизоны... Всё это чушь собачья. Здесь, – он ткнул в значок на западном побережье, – был город Эйон.

– Помню. Ты сжёг его, велел разрушить до основания и рисовать руины на всех картах в назидание тем, кто посмеет оказывать тебе сопротивление.

– Всё так. А рядом – видишь – ущелье, в которое сбросили две тысячи трупов горожан. Тоже рисуют, для пущей остратки.

Филипп в ответ лишь молча пожал плечами. На то она и война. Сожжёшь один город – десять других хорошенько подумают и сдадутся без боя.

– Вот здесь, – Деметрий высмотрел пометку на территории Филиппа. – Была Гоноесса. Ты велел поступить с ней так же. Ага, вон и ущелье, как без него? Остальные не отмечены. И напрасно.

– Да кому нужны на карте все могилы и пепелища? Двух достаточно.

– Нужны, все нужны. В назидание тем, кто посмеет утверждать, будто слова – всего лишь звуки. Хватать их за загривок, – Деметрий с усилием сжал кулак, показывая, как схватит воображаемого пустослова, – и тыкать, тыкать в неё носом и приговаривать: вот тебе твои звуки, вот что от них бывает – мир пополам и кровящи по колено. Вот тогда хоть какая-то польза будет от наших завоеваний. Надо же – из-за одного слова... Глупо-то как!

Он уставился на Филиппа.

– Может, это повод остановиться, а?

– И стать всеобщим посмешищем? – фыркнул тот. – Оглядеться не успеешь, как обнаружишь себя сидящим на колу вместо трона, а дело довершит ушлый преемник.

– Мы *уже* посмешище! Один принёс свою жизнь в жертву обиде, другой – зависти. Кто как, а я чувствую себя редкостным дураком.

– Я тоже. Но...

– Забирай свою деревню и оставь меня в покое...

– Нет!

– ...и слово. Слово – беру обратно. Уж теперь-то ты точно никакое не ничтожество. Ты – герой всей Ойкумены и повелитель её половины, величайший из людей...

Так камень из пращи бьёт по шлему на излёте – гул в ушах, мир плывёт перед глазами, и ты замираешь на несколько мгновений, с невиданной остротой осознавая, что жизнь не покинула тебя, отныне став немного иной и обретая новые краски. Деметрий ещё что-то говорил, размахивая руками над картой, но остальная часть его речи словно не существовала для Филиппа.

– Поверить не могу... – прошептал он.

– Ну, так что? – донёсся откуда-то издалека голос. – Доволен? Мир?

– Мир?

Филипп попробовал слово на вкус: не горчит ли? Всё должно было быть иначе – война, победа, застенки, кающийся пленник... Но раскаяние равного – не чета испуганному бляению раба в колодках. Конечно, ему это всё ещё предстоит. Правитель, отдавший землю по первому требованию, обречён, но война за земли если и будет, то потом и, может даже, не с ним, а сейчас...

– Мир! – Филипп счастливо рассмеялся и сдёрнул со стола карту, заставив фигурки разлететься по шатру. – Вечный

мир! Более мне от тебя ничего не нужно. Зови своих холоуёв, сейчас всё подпишем. Хризофо-он!

Он взглянул на Деметрия и вдруг снова посерьёзшел.

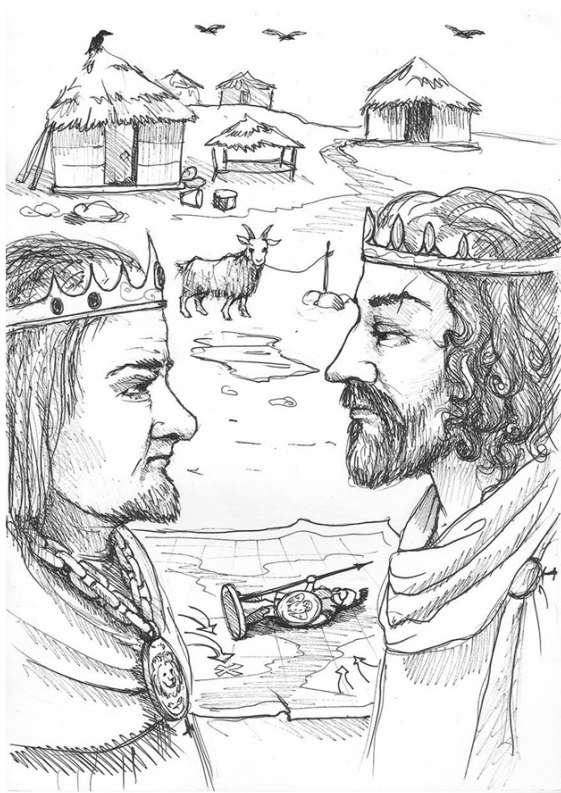
– А как же ты?

– Что я?

– Прости... – с виноватым видом развёл руками Филипп.

– Я не знаю, как помочь тебе. Твоя зависть...

– О, не беспокойся, помощь не требуется, – улыбнулся Деметрий. – Детская обида вместо величия духа... Жизнь, потраченная на то, чтобы произвести впечатление на того, кто тебя терпеть не может... Я тебе больше не завижую.

ЗНАМЕНИЕ

Мэр Кёниге давно устал лавировать в толпе, уворачиваться от повозок и перепрыгивать через разложенные на земле тюки и ящики. Его новый камзол пропитался потом и был порван в нескольких местах, а щегольской бархатный берет потерялся при первом же падении, однако состояние одежды волновало его сейчас в последнюю очередь. Мэр спешил, мысленно кляня себя за то, что слишком стар и грузен для бега. Ему казалось, что если он поторопится, то успеет что-то изменить.

Суэта сворачивающегося табора лишь казалась хаотичной. В ней каждый человек и предмет знали своё место и направление, никто не путался под ногами у остальных, не толкался и не мешал. Видя, что он торопится, бродяги уступали дорогу и даже пару раз помогли удержать равновесие, когда Кёниге спотыкался. Он лишь поспешно кивал в ответ и нёсся дальше. На благодарности дыхания уже не хватало, и он страшно стыдился своей бестактности по отношению к учтивым обитателям табора.

Добравшись до места, где ещё вчера стоял дворец, он остановился, тяжело переводя дух и начал озираться в поисках Предводителя. Тот уже приближался, ведомый девушкой, которая что-то живо объясняла ему на ходу, показывая на Кёниге.

– Здравствуйте, господин мэр.

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Обернувшись, Кёниге обнаружил пару мальчишек, один из которых тащил легкое складное кресло, а другой – кувшин и большие глиняные кружки. Он сел, с наслаждением вытянув гудящие от напряжения ноги и сделал первый глоток пива, наблюдая, как напротив него раскладывают столик и точно такое же кресло для Предводителя. Подошедший вождь бродяг улыбнулся, жестом пресёк его попытку подняться для приветствия, пожал руку и устроился напротив. Пива он налил себе сам.

– Что происходит, Эрхе? – выпалил мэр, едва дождавшись пока все удалятся за пределы слышимости. – Почему табор снимается?

Предводитель отсалютовал ему кружкой и отхлебнул пива. Эрхе всё ещё улыбался, но когда он заговорил, веселья в голосе не чувствовалось.

– Пришло время уходить, – сказал он. – Не беспокойся, все, кто связан контрактами и другими обязательствами, останутся до истечения срока.

Этого можно было и не говорить. Бродяги очень серьёзно относились к обязательствам, и всегда доводили дела до конца.

– Почему? Ещё вчера вы никуда не собирались. Ты что, подписал охранный контракт на полгода, заранее зная, что сегодня вы уходите?

– Нет, – грустно улыбнулся Эрхе. – Я получил Знамение лишь сегодня утром и очень рад, что этого не случилось вчера. Теперь у тебя есть полгода на то, чтобы принять меры по защите границ без нашей помощи.

Знамение! Это было кошмаром для любого правителя, на которого свалилось счастье в виде табора бродяг. Лучших соседей пожелать было невозможно: дружелюбные, умные, изобретательные, предприимчивые, а в случае надобности –

превосходные бойцы. Они располагались там, где никому не мешали, быстро осваивали язык и культуру коренного населения и делали всё возможное, чтобы не доставлять соседям беспокойства. Они могли сидеть на месте от нескольких недель до пары поколений – торгуя и заставляя цвести даже самую неблагодарную землю, уча и учась, сражаясь плечом к плечу и помогая в случае невзгод.

Богатство окрестных земель, благодаря их энергии и знаниям, взлетало до небес, а на границах воцарялся мир. Даже самые беспокойные соседи сидели тихо. Одни хотели, чтобы табор, когда придёт время, откочевал к ним, а другие помнили что обычай велит бродягам во время переходов разорять земли тех, кто поднял на них оружие. Деньги рекой лились в казну и города выходили из берегов, растекаясь далеко за пределы привычных стен.

Увы, любой Золотой Век имеет свой предел, и в случае с бродягами он завершался после получения Знамения. Спустя считанные часы после него на месте их передвижных городов не оставалось даже мусора. Каждый дом, равно как и каждый предмет в этом доме, легко разбирался, быстро упаковывался и легко транспортировался.

– Знамение...

Мэр помолчал, подбирая слова. Никаких разумных доводов, способных заставить их остаться, в голову не приходило. Нет, они ни за что не согласятся. Бродяги помешаны на своем Предназначении. Даже пытаться не стоит.

– Ты знаешь, как сильно я хочу, чтобы вы остались, мой старый друг, – наконец вздохнул он. – А я знаю, что за всю историю ещё никому не удалось убедить вас остаться...

– Так и есть, – кивнул Эрхе.

– ...поэтому я изо всех сил постараюсь не пытаться тебя уговаривать.

– Спасибо. Ты не представляешь, как трудно дается каждое “нет” в таких разговорах.

– Я всю жизнь ждал и боялся этого момента. Надеюсь, это поможет мне пережить ваш... и твой уход. Но ты можешь хотя бы сказать, что это за Знамение такое? Что это было? Вещий сон? Гром с молниями? Что?

Эрхе ответил не сразу. Несколько мгновений он внимательно изучал Кёниге, словно пытаясь решить, стоит ли отвечать, после чего спокойно произнес:

– Сегодня утром мальчик лет шести бросил в меня грязью и обозвал вонючим бродягой и нищесбродом.

Мэр не поверил своим ушам. Сначала он принял это за некое иносказательное вступление, однако продолжения не последовало, и он почувствовал, как ярость и обида медленно закипают в нем.

– Мальчишка? Всё это из-за сопливого пацана, который кидается грязью?

Ответом был молчаливый кивок.

– Что за глупости? Да я... сам лично ... – от волнения он не находил нужных слов, – я собственноручно поймаю гадёныша и высеку так, что месяц сидеть не сможет! Ты только покажи мне его, я...

– Ни в коем случае! – покачал головой Предводитель. – Ребёнок не виноват. Ты-то как полагаешь, это он сам придумал или воплощает то, на что не решились взрослые? А слова? Он сам их придумал или повторяет услышанное от старших?

– Пожалуй, ты прав... Знаешь что я сделаю? Я найду родителей... Всю семью! Прикажу вышвырнуть в пустыню вместо вас. Или повешу... Нет, я их...

– И что ты скажешь остальным? Что так будет со всяким, кто будет плохо думать о бродягах? Прокричишь с балкона ратуши и пошлешь глашатаев повторить твои слова всем, кто их не слышал? Карать за мысли – это как тушить пожар хвостом.

– Ну и пусть тогда думают. Какое это имеет значение?

– Большое, дружище. Увы, слишком большое. Мысли – начало поступков. Мы, бродяги, предпочитаем уходить после первого, а не после второго. Рано или поздно кто-нибудь окажется достаточно глуп, чтобы попытаться нам навредить, а мы в долгу не останемся. Если мы уйдем сегодня, все будут помнить, как хорошо было, когда рядом жили бродяги и насколько хуже стало, когда они ушли. Разве лучше будет, чтобы люди помнили вражду? Рано или поздно любой народ перестает ценить те выгоды, которые дает сосуществование...

– Поверить не могу, – взревел Кёниге, нисколько не заботясь о том, что его теперь слышат лишние уши. – Всё это из-за того, что кто-то нёс чушь в присутствии шестилетнего пацана! Что за бред? Эрхе, вы не можете нас покинуть из-за чьей-то дурацкой болтовни! Вы знаете, как мы вас любим и уважаем. Всем известно, что никакой ты не нищеврод, а бродяги – друзья. Как вы можете бросать нас из-за такой ерунды?

Эрхе жестом попросил его замолчать. Разлил остатки пива по кружкам и отсалютовал мэру:

– За твой народ, почтенный Кёниге! Ты можешь гордиться своими людьми, друг мой. Восемьдесят пять лет и двадцать четыре дня мы жили бок о бок как одна семья, и это много, намного больше, чем обычно. Мы не перестанем быть друзьями именно потому, что бродяги уходят вовремя. Спустя несколько поколений мы вернёмся и всё ещё будем друзьями. Жаль, конечно, что нас с тобой уже не будет на свете.

– Но из-за болтовни одного-единственного идиота...

– Уже не одного. Ребёнок слышал слова, предназначенные для ушей другого. Если бы кто-то одёрнул говорившего, малыш не воспринял бы сказанное как должное. Однако, ответом было, в лучшем случае, молчаливое согласие. Конечно, человек мог просто ворчать под нос, но рано или поздно он этой мыслью поделится.

Мэр вздохнул, заглянул в опустевший кувшин и с сожалением поставил свою кружку на столик. Заметив это, Эрхекивнул ожидавшему неподалёку мальчишке. Тот подбежал.

– Хотите ещё, почтенный Кёниге?

– Да, пожалуйста, – жажда всё ещё давала о себе знать.

– Сейчас сбегая. Заодно берет принесу.

– Берет?

– Да, сестра нашла его. Наверное, уже почистила.

– Пусть... Кх-хааа... – внушительный бас мэра неожиданно дал петуха, в носу защипало и ему пришлось отвернуться, притворно закашлявшись. Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь увидел, как на глаза столь почтенного мужа наворачиваются слезы.

– Пусть оставит себе, – произнёс он со второй попытки. – На память.

* * *

Когда он возвращался домой, было ещё светло: обычай бродяг предписывал не задерживаться для прощания и двигаться быстро. Пешему было за ними не поспеть. Рядом с Кёниге хмуро плелись немногочисленные счастливики, вовремя прознавшие о беде и успевшие добраться до исчезнувшего города, чтобы перекинуться с уходящими друзьями парой прощальных слов. Навстречу им двигался целый поток взволнованных горожан, которые при виде мрачного мэра и его спутников понимали всё без лишних вопросов и поворачивали обратно.

Лишь один человек выделялся в общем потоке. Это был всадник средних лет в дорожном костюме, явно отправившийся в долгое путешествие. В седле перед ним устроился чумазый шестилетний мальчишка. Эти двое не стали возвращаться и, казалось, воспринимали происходящее как должное. Сойдя на обочину, они провожали взглядами толпу.

– Папа, ты уверен, что надо было так делать? Ты всегда говорил, что бросаться грязью и обзывать – это плохо, а сегодня сам попросил. Посмотри: теперь все расстроились.

– Помнишь, я рассказывал тебе про Знамение?

Мальчик серьёзно кивнул:

– Когда видишь его, надо бросать все дела и прогонять бродяг любым способом, иначе будет плохо. Почему плохо?

– Потому что, если их вовремя не прогнать, бродяги исчезнут. Просто-напросто больше не сдвинутся с места и станут как все. Они должны путешествовать, всем помогать, учиться у одних, а потом учить других. А кто-то должен следить за тем, чтобы они не сильно засиживались на одном месте. Сейчас мы поедem, найдём город, возле которого они останутся и снова будем за ними присматривать. Нет-нет, обещаю, что тебе больше не придётся делать плохие вещи. Если хочешь, мы даже пойдём к Эрхе и извинимся, конечно, не рассказывая, что это из-за Знамения. Пусть он думает, что мы следовали за ними именно с этой целью.

Мальчик с явным облегчением кивнул и спросил:

– А как выглядело Знамение?

– Я увидел, как их дети построили игрушечный табор, в котором домики не разбирались. Это значит, что бродяги захотели остаться насовсем.

ТРИ ВИДА ЛЖИ

– Пошла запись, – сообщил голос за кадром.

– Как мне к вам обращаться?

– Куратор. Назовите своё имя.

– Солодов Андрей Андреевич.

– Пожалуйста, покажите в камеру раскрытый паспорт. Ближе. Теперь страницу с адресом. Достаточно, спасибо. Андрей, я должен убедиться, что вы понимаете, на что идете. Что вы должны будете сделать?

– Ну... После того, как мы закончим записывать, вернуться домой и ждать звонка. Получив звонок, ехать куда скажут и ждать захвата в заложники.

– Вы сейчас в здравом уме?

– Да

– Находитесь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения?

– Нет

– Вас заставили пойти на это убеждением, угрозами или шантажом?

– Нет

– Почему вы идете на это?

– Ради денег.

– Какая сумма?

– Десять процентов от того, что они сумеют выторговать.

– Вам было обещано ещё какое-либо вознаграждение? В форме услуги, бартера или денег?

– Нет.

– Вы осознаёте риск, на который идёте?

– Да.

– Подробнее, пожалуйста.

– Люди, которые будут держать меня в заложниках, не причинят мне вреда ни при каких обстоятельствах и настоящего оружия у них не будет, но я могу пострадать при штурме, если до этого дойдет.

– Вы понимаете, зачем мы делаем эту запись?

– Да. Чтобы гарантировать молчание и оплату моих и ваших услуг... И ещё она может быть использована в суде, в том числе, против меня.

– Совершенно верно. У вас есть вопросы?

– Да. Можно пока выключить камеру?

– Нет, все просьбы и дополнительные условия должны быть записаны. Никакие тайные договоренности силы иметь не будут. Итак?

– Нет у меня никаких просьб. Так, уточнение. Там все заложники будут подсадные? Терпеть не могу истерик и прочего подобного. Настоящие, скажем так, нервничать будут.

– Все подсадные, не беспокойтесь. С настоящими заказчики просто не справятся. Не тот контингент.

– Надо же... – фыркнул Андрей Андреевич. – Малохольные – а туда же. Они что, другого способа заработать не нашли?

– Это больше, чем просто заработок. К нам обращаются в первую очередь те, у кого нет ни денег, ни силы, ни власти. На таких всем плевать и проблемы их никому не интересны. Сегодняшние клиенты – не исключение. Но скоро для них всё изменится. Благодаря нам – и вам, их услышат.

– Да уж, такое не проигнорируешь. Захват заложников попадёт по все газеты...

– Вы отвлекаетесь. У вас есть ещё вопросы?

– Нет.

– Тогда работаем. Конец записи”

* * *

– Ну, как вам?

– Сыграл как настоящий артист.

– Так вы согласны?

– Рискуешь ты, Андрюша, – покачала головой Галина Никитична. – Ох, как рискуешь. Привлекут тебя за соучастие.

– Пусть попробуют! Лесков не адвокат – зверь. Меня сухим из воды вытащит, а вам условный срок выхлопочет. Это ведь уже не террор выходит, а мошенничество, совсем другая статья. Мы с остальными заложниками ещё порепетируем как следует, чтобы в показаниях не путаться – и дело в шляпе. Да, стоит всё это дорого, но ведь не мы же платим!

– Ты уж взрослый парень, должен понимать, что деньги не из воздуха берутся. Городская казна и так дырявая была, а тут ещё и это. Полгорода озеленить хватило бы.

– Это если бы их там кто-то на озеленение пускать соби-рался. Мечтайте дальше.

– Не надо было их брать...

– Да сколько ж можно! – Андрей с досадой стукнул кулаком по чемодану, на котором сидел, тому самому, что старушка позавчера принесла на захват под видом бомбы. – Я вам уже сто раз говорил: деньги надо было требовать обязательно. Ну, что это за условия – отменить переезд Ломоносовской библиотеки и снос здания под жилую застройку? Они потому так с переговорами и тянули, что не могли поверить, будто других требований нет.

– Андрюша...

– Нет, хватит уже этих уговоров! Нравится вам или нет, но запись я прямо сейчас отнесу следователю. Как ни крути, я не смогу прятать вас у себя вечно.

– Андрюша...

– Хватит, я сказал! – он снова врезал кулаком по чемодану, но добился лишь того, что старая библиотекарьша аккуратно взяла его за запястье и проникновенно заглянула в глаза. – Ну, что?

– Андрюша, не колоти так сильно. Я вас тогда обманула. Бомба в чемодане настоящая...

ОПЯТЬ

- Опять вы?
- Опять. С тем же вопросом.
- И ответ будет тот же: земли всё так же не видать.
- Слушай, сделай что-нибудь. Нам уже срочно. Инстинкт!
- Что такое инстинкт?
- Это когда что-то надо прямо сейчас, а иначе у нас начнется паника и мы всех перекусаем.
- И что, от этого земля на горизонте появится?
- Не думаю. Но нам будет уже всё равно. Ничего личного, просто невозможность следовать инстинкту сделает нас невменяемыми...
- Ясно. Дай подумать...
- ...и вам придётся нас перебить. А ты обещал спасти всех...
- Заткнись уже, пока у меня у самого этот... инстинкт не начался... Так... Бочка вас устроит?
- Вот эта? Годится! Дорогая, живее! Залезаем! Всё, мы готовы! Давай нас за борт.
- Экие вы шустрые. Ну, в добрый путь, крысоньки! Берегите себя!
- Спасибо, Ной!

СКАЗКА О ТРЕВОГЕ

– Что, опять? – устало вздохнул старый ортопед.

– ‘п’ть...

– Кто на сей раз?

– Х‘олохи.

– Как же, как же, геологи, – понимающе закивал врач. – Иссякающие запасы углеводородных энергоресурсов, надо понимать? Вижу, случай с гидрологами вас ничему не научил.

Он жестом показал, что потерпевшей лучше пока молчать и обратился к практиканту:

– Так-с, выюноша, извольте. Практиковаться подано. Что мы здесь наблюдаем?

– Ммм... Ушиб... нет, скорее, перелом челюсти. Носовое кровотечение, – забормотал молодой человек, осматривая пострадавшую, – рассечение левого надбровья. Левая рука... вывих плечевого сустава... гематомы...

Врач, слушая вполуха, качал головой, глядя на пациентку. Очки его блестели скорее сочувственно, чем укоризненно. Конечно, тревогу они опять подлечат и выпишут, но вскоре неотложка вновь привезёт её сюда.

Нигде ей не было спасения. В заповедниках её били лесники и экологи, в океанах – рыбаки и океанологи, в грунтовых водах – ранее упомянутые гидрологи. Все хотели получить грант, и чтобы привлечь к себе внимание, били тревогу по малейшему (а порой и просто надуманному) поводу.

А уж как её отделали, когда она имела неосторожность укрыться среди малоимущих перед парламентскими выборами! Полгода в гипсе с ног до головы заставили её проявить повышенную осторожность и искать убежища в местах поглуше, но и там – геологи. К счастью, проблемы их давно у всех на слуху, поэтому на сей раз тревогу били больше для порядка.

– Вы к нам прямо как на работу ходите, – пошутил практикант, завершая осмотр. – Оставались бы уже насовсем.

– Эгхм! Молодой человек! – предостерегающе рыкнул старый ортопед, и юноша, буркнув что-то вроде неловкого извинения, замолк.

Тревога в ответ лишь вздохнула. Она не хотела оставаться в больнице. Страшнее, чем депутаты перед выборами, её били только врачи: они знали, где больнее. И если обычные врачи лишь тайком отвешивали редкие оплеухи, то члены профсоюза в день выписки тащили её на площадь и били на показ. Возиться и лечить её заново им не хотелось, поэтому когда тревогу били медработники, всё проходило быстро и без особых последствий.

* * *

– Вы, голубушка, уж постарайтесь аккуратнее, – уже в который раз напутствовал её врач при выписке.

И тревога в очередной раз постаралась. Она скрывалась в детских садах и тюрьмах, в притонах у наркоманов и в школах, в университетах и на армейских складах, на границе и в плодородном слое, в атмосфере и на периферии. Но повсюду её находили и били. И никому не было до этого дела.

Наконец, не найдя уже другого места, тревога поселилась в сердцах власть имущих. И тут случилось неожиданное. Власть имущие не стали бить тревогу. Вместо этого они быстренько вывели капиталы, собрали чемоданы, сбежали из страны и избавились от тревоги.

СКАЗКА О БОДРОСТИ ДУХА

– Здравствуйте.

– Будет вам, голубчик! Какое на нашем свете может быть здравие?

– Ну, конечно же, душевное! Да вы устраивайтесь, устраивайтесь и, будьте любезны, рассказывайте. Я весь внимание.

– Понимаете, в последнее время я чувствую, что уже не тот. Ощущение... Как бы это? Будто паутиной какой подёрнулся, что ли? Забываться стал...

– Известное дело. Годы берут своё.

– Ох, берут... Так я, грешным делом, думал, что уже ничего с этим не поделаешь и совсем уж на покой пора, но вот давеча встретил Александр Сергеича и надивиться не мог. Этакий живчик! Так и вертится, аж глаз за ним не поспевает. Я слёзно упросил его раскрыть тайну столь завидной бодрости духа и он рекомендовал вас как лучшего ка... ко... Как это будет?

– Коуча.

– Да-да-да-да-да... Точно! Именно это слово. Вы ему как школьную программу и выпускные экзамены прописали – его не узнать прямо. Нельзя ли и мне как-то... Ну, понимаете...

– Понимаю. Случай у вас, прямо скажем, типичный: лежачий образ жизни, апатия и всё, что из этого следует. Попробуйте для начала что-нибудь простенькое. Скажем, вертеться в гробу с полуночи до третьего кочета...

– Вот и Александр Сергеевич тоже советовали. Но, ей богу, никак не могу себя заставить.

– Хе-хе-хе... Батенька, зачем же самому себя заставлять, когда есть я? Сейчас разберёмся. Вы, случаем, не музыкант? Музыкальных классиков очень, знаете ли, бодрит, когда их растаскивают на сэмплы. Рэпчик, хип-хоп...

– Простите, я не по музыкальной части.

– Так, значит, писатель? Школьная программа, конечно не резиновая, но...

– Увы...

– Может, вы философ? Если мы запустим ваши цитаты в социальные сети...

– И снова – увы...

– Поэт? Художник? Скульптор? Тоже нет? Критик? Да кто же вы такой?

– Архитектор.

– Работы ваши остались?

– Да, в столице. Я и карту принёс. Смотрите: вот здесь, здесь и здесь.

– Хмм... Добротно строили. Жильцам, поди, и придраться не к чему. Разве что, лифта нет.

– Помилуйте, какие лифты при царизме? Да и этажей всего три в самом высоком...

– Вот это сейчас особенно некстати. Но ничего, сейчас я что-нибудь... Ага... Вы только посмотрите на эти узкие лестницы и двери! Ну, конечно же! Сейчас мы поселим на верхнем этаже пианиста! Минуточку... Оп... Готово!

– Но, позвольте! Я ничего не...

– Сейчас, сейчас... Видите, как они подъезжают? Вот они открывают кузов... И...

– Боже, у них рояль!

– Именно! Пожалуйста, переместитесь чуть подальше, чтобы меня не задеть и ни в коем случае ни за что не хватайтесь. Подозреваю, вращение с самого начала будет весьма стремительным.

КАРА НЕБЕСНАЯ

– Господи, уже полцарства вымерло! За что караешь?

– А у вас царь нагрешил

– Ну так пусть сам и вымирает. Нас-то за что? Царей не выбирают.

– Ещё как выбирают! Ты ж сам со всеми стоял на площади и кричал его на царство.

– А как не кричать-то было? Пришёл главный жрец, говорит, что Ты на него указал. Все знают, что Ты говоришь его устами и, поди, понимаешь, что делаешь. Вот и кричали, порядок знаем.

– Ну вот! Признаёшь же, что кричали. Вы выбрали – вам и ответ держать.

– Неисповедимы пути Твои.

– Воистину.

– А что он хоть натворил-то? Это за то, что двести тысяч человек вырезать приказал, а часть собственноручно умертвил?

– Нет. На то была воля Моя.

– А-а... Значит, это из-за того, что он всех девок в городе перепортил?

– За деяния сии восплачет он в аду слезами горючими.

– Ну, не знаю... Из-за налога на храмы?

– Это его личное дело со жрецами, пусть сам и разбирается. Мне до денег дела нет.

- Всё, сдаюсь. Так что он там натворил?
- Думал о сиськах в постный день.
- Нихрена себе повод уморить полцарства...
- Что?
- Аллилуйя, говорю. Я уж было решил, что это из-за того, что он велел в храмовые благовония толчёную пальму добавлять из экономии.
- То-то я думаю, откуда в храмах вонь жжёными тряпками. Ах, подлец! Ну я его...
- Господи, остановись! Это всего лишь...
- БАБАХ!
- ...слухи. Э-э, ладно, теперь уже знамение.
- Знамение – это ты хорошо придумал. А за царя не беспокойся. Нового выберете. Я тебе укажу кого, ты всем передашь.
- А разве это не главный жрец должен делать?
- Главный жрец теперь ты. Старый – он там рядом с царём стоял и вообще давно меня чем-то бесил.
- Его-то за что? Как я людям объясню?
- Ну, придумай что-нибудь. Я ж тебя главным за то и назначил, что ты очень ловко придумываешь мотивы к моим поступкам.

НА СТРАЖЕ ГАЛАКТИКИ

- ПРОСНИСЬ, ГАЛАКТИКА В ОПАСНОСТИ!
- (*вскакивает*) А? Кто здесь?
- Мы. Хранители Знани-и-и-й!
- Где вы?
- А нас не ви-идно. Только слы-ышно.
- Ничего себе! А что вам надо?
- Скорее, хлопай в ладоши.
- Зачем?
- СКОРЕЕЕ!!!
- (*хлопает*) Ладно, ладно. Только не надо больше так орать!
- Ты теперь последний Страж Галактики-и.
- Почему? Из-за того, что я хлопнул?
- Нет, из-за того, что ты Избранный. Только Избранный может быть Стражем Галактики.
- Избранный? Почему именно я?
- Вселенная указала на тебя.
- Чем? Блин... Стойте! А почему "последний"?
- Все остальные Стражи погибли-и!
- Эй, я не хочу так!
- Вселенная указала на тебя, этого не изменить.
- Охренеть... А как защищать-то?
- (*медленно удаляясь*) Хлопай два раза в день в ладоши-и. Это отгоняет зловонных космических крокодилов. Только

Страж Галактики может их отогнать. Если этого не делать – они тут всех сожрут.

– И всё?

– (*издалека*) Да-а-а. Но каждый де-ень дважды.

– Эй, вы что, уходите? Эй, погодите! Ё-моё, что ж теперь делать-то? Да ну, чушь какая – крокодилы, галактика... Не буду хлопать!

Первый неуверенный хлопок раздался спустя полчаса.

ЗАЧЕМ?

– ...Зачем только ты привёл меня в этот ужасный мир!

– Как зачем? Ты хоть раз в жизни бывал счастлив?

– Бывало, конечно. Но ненадолго.

– Вот! Не дай я тебе жизнь – почувствовал бы ты эти моменты?

– Но в остальное-то время... Ты только посмотри, что тут творится!

– Не нравится – не живи. Но лучше бы ты научился ценить мгновения...

ЛУЧШИЕ

Пришельцы встретили его по обыкновению радушно:

– Приветствую! Мы постарались воссоздать привычную для вас атмосферу и температуру, – заявил тот, которого земляне называли Розовым.

Приборы подтверждали: атмосфера годилась для дыхания и не содержала опасных примесей.

– Вам будет удобнее без шлема?

– Давайте проверим.

После долгой возни и не без помощи пришельцев он сумел отстегнуть шлем и сделал несколько осторожных вдохов. Воздух как воздух. Кроме непривычного, отдающего гнильцой запаха, всё в порядке.

– Вы чувствуете себя комфортно?

– Вполне.

– Желаете снять и скафандр тоже? Мы приготовили для вас... – транслятор смущённо пискнул, поперхнувшись незнакомым понятием, и забубнил: “...постамент, устройство, трон, седалище..”.

Розовый некоторое время терпеливо внимал. Поняв, что перевод неадекватен, он простёр сразу три щупальца в направлении уже знакомого по прошлым визитам столика с закусками. Это был почти человеческий, явно заранее отрепетированный жест.

Инопланетяне быстро и легко воспринимали новые идеи. Месяц назад они узнали, что такое земная мебель и уже через несколько дней соорудили столик. Потом они открыли для себя понятие гостеприимства и с большим энтузиазмом начали претворять его в жизнь. Интересно, ходят ли они теперь друг к другу в гости?

Несколько прошлых визитов были посвящены вопросам о питании землян, после чего стол обзавёлся синтезированным угощением. За этим открытием последовала неловкая сцена: пришельцы не учли, что человек не сможет вкусить угощения не сняв шлема, что в, свою очередь, было невозможно, поскольку для дыхания ему требовалась атмосфера с определённым содержанием кислорода. Рассказав о том, чем привыкли дышать земляне, Антон забрал продукты для исследования и был таков. Анализ показал, что копии фруктов, бутербродов и даже более сложных блюд были безупречными и вполне годились в пищу. Оставалось только гадать, чем удивят пришельцы при следующей встрече.

Сегодняшним сюрпризом было кресло. На вид мягкое, удобное и, кажется, даже раскладывающееся в кровать.

– Это называется кресло.

Пришелец крикнул что-то на своём языке.

– ...кресло, – бодро сообщил транслятор.

Избавиться от скафандра было сложнее, но усилия того стоили: кресло оказалось именно таким удобным, каким выглядело.

– Вам комфортно?

– Вполне. Спасибо.

– В прошлый раз мы обсуждали, почему человечество выбрало именно вас для того, чтобы представлять вашу цивилизацию. Вы ответили, что это потому, что вы являетесь особенным, даже выдающимся индивидом. В чём это выражается?

– Это сложно объяснить... – он едва успел укорить себя за оплошность. На такое вступление пришельцы всегда реагировали одинаково:

– Пожалуйста, хотя бы попытайтесь. Мы постараемся понять как можно больше.

– Попытаюсь. Итак, я хорошо подготовлен для полётов в космосе и контактов с внеземными цивилизациями. Психически устойчив...

– Простите, требуется уточнение. Вы хотите сказать, что представители вашей расы психически неустойчивы?

– Нет, просто я легче перенесу стресс от общения с другой расой и трений, неизбежных при столкновении с чужой культурой. Что ещё? У меня высокий уровень интеллекта... Относительно высокий для моей расы.

– Это очень хорошо, – одобрил Розовый. – Продолжайте.

– Я... Здоров и хорошо физически развит... Ещё... Красивый.

– Что это значит?

– Э-э... Предпочтительный партнёр при нашем способе размножения.

– Вот как? Очень интересно, спасибо.

– Смелый... Далеко не каждый решился бы на такое путешествие. Простите...

– В чём дело? Почему вы остановились?

– Мне очень трудно продолжать. Этическая дилемма. С одной стороны, я стараюсь честно и правдиво отвечать на ваши вопросы...

– Это тоже считается достоинством?

– Да. ...с другой – хвастовство... перечисление признаков, по которым превосходишь остальных... считается у нас предосудительным.

– Почему?

– Открыто подчёркивая собственные достоинства, ты можешь расстроить и унижить тех, кто ими не обладает и усту-

пает тебе. Это считается плохим и постыдным. Предполагается, что люди сами разглядят и оценят твои достоинства, и специально акцентировать на них внимание не следует. Это называется быть скромным.

Явно потрясённые, пришельцы замолкли на несколько минут. Если они при этом и обменивались впечатлениями, то каким-то недоступным для восприятия землянина способом. На вид они оставались совершенно неподвижными, если не считать подергивания щупалец.

– Быть скромным – тоже хорошо? – проскрипел, наконец, транслятор.

– Да.

– И в этом вы тоже превосходите большинство земель?

– Полагаю, да.

Они снова замолкли, а когда попытались заговорить, аппаратура не сразу справилась с переводом.

– Мы ... поражены, потрясены, ошеломлены, в замешательстве, не можем поверить. Всегда ли ваша раса подвергает наивысшей опасности лучших представителей генофонда?

– Регулярно.

– Вы хотите сказать, что ваша цивилизация ... увядает, деградирует, разлагается, приходит в упадок?

– Совсем наоборот!

– Нелогично! Лучшие гибнут, худшие – размножаются. Значит, каждое следующее поколение будет слабее и глупее.

Антон не был готов к такой постановке вопроса и поначалу растерялся. Действительно, как же так получается? Он задумчиво посмотрел на Розового, потом на Крапчатого. Поискал взглядом Синего, но тот ещё в начале разговора скрылся в недрах корабля. Больше никого на борту не было. Серый – четвёртый из экипажа – сейчас гостил у землян.

И тут до него дошло. Больше никого! Пришельцы как-то упоминали о численности своей расы. Что-то порядка сотни

тысяч. Конечно же, для них потеря каждого индивидуума – существенный удар, особенно если это цвет генофонда.

– Вы мыслите категориями своей расы, – сказал он. – Нас – миллиарды. Конечно, определённый процент лучших из нас гибнет, пытаясь справиться с возникающими кризисами, но именно благодаря этому немало и выживает. Кроме того, такие герои служат примером для подражания. Другие стремятся стать такими же, как они, и это тоже, в определённой степени, компенсирует потери.

– Это многое объясняет, – согласился Крапчатый. – Однако, для нас невыносимо оставаться сторонними наблюдателями. Наши этические нормы не позволяют бездействовать в такой ситуации и обязывают сделать всё возможное для устранения опасности, угрожающей Лучшим.

Последнее слово было произнесено с таким значением, что даже транслятор ухитрился выделить его интонацией. И был во всём этом некий настораживающий подтекст, не угроза – неясный повод для беспокойства. Антон почувствовал, как всё ощущение “комфорта”, над которым так трудились пришельцы, в один миг улетучилось, уступив место страху, однако взял себя в руки. Система перевода была далека от совершенства и регулярно порождала недоумения.

– Что вы имеете в виду? – осторожно переспросил он.

– Мы давно подозревали, но отказывались верить очевидному, списывая всё на неточности перевода. Тем не менее, мы сразу начали подготовку к вашему спасению.

– Спасению? От чего?

– Мы решили увести вас в безопасное место. Туда, где ваша раса не сможет подвергать вас незаслуженному риску. До сегодняшней встречи оставалась надежда, что это не понадобится. Однако, подтвердив сейчас наши худшие подозрения, вы не оставили нам выбора. Пожалуйста, не беспокойтесь. Мы изучили вас достаточно, чтобы обеспечи-

вать комфортными условиями существования неограниченно долгое время.

Сила тяжести начала увеличиваться: верный признак того, что корабль ускоряется. Антон беспомощно посмотрел на скафандр. Самостоятельно в него втиснуться не получится, тем более, достаточно быстро для бегства. И даже если каким-то чудом получится – что толку? Он не сможет покинуть корабль без помощи пришельцев.

– Вы с ума сошли!

– Нет, – коротко отозвался Розовый.

Он потянулся к передатчику, но Крапчатый заметил это движение и любезно предупредил:

– Связь заглушена.

– Вам следовало спросить моего мнения, – возмутился Антон. – С чего вы взяли, что я соглашусь с вами лететь?

– Я уверен, – спокойно парировал Крапчатый. – Что мы достаточно изучили понятия самопожертвования и чувства долга. Для нас совершенно очевидно, что вы ответили бы отказом. Извините за причинённые неудобства. Мы не могли бросить вас в таком положении.

Верно, он ответил бы отказом. С этой точки зрения решение выглядело столь логичным, что Антон не сразу нашёлся с ответом.

– Вы забываете, что мои спутники расценят это действие как акт агрессии! Сейчас на борту нашего корабля находится ваш представитель. Он будет уничтожен, когда они поймут, что вы делаете!

– Логично, – сухо отозвался Розовый. – Мы учли этот вариант, поэтому послали худшего из экипажа. Его не жалко.

– Они не остановятся на этом. Дело может кончиться войной на истребление. Человечество не потерпит существования расы, которая похищает людей. Вам больше не будут доверять.

– Угроза несостоятельна. Мы не собираемся продолжать общение с вашей расой. В нашем понимании, вы иррациональны и безумны, и ничем хорошим это не кончится.

– Вы не понимаете! Война означает гибель множества лучших представителей моей расы. Спасая одного меня, вы подвергаете риску сотни тысяч таких как я.

– Неверно. Мы прекрасно понимаем, что означает война с вашей расой, однако приняли все меры к тому, чтобы в обозримом будущем вы нас не нашли. Местоположение нашего ...дома, базы, гнезда, родины ... вам неизвестно даже приблизительно, а бессистемный поиск может затянуться на сотни ваших поколений. Риском повторного случайного столкновения можно пренебречь.

– Всё-таки, вы плохо изучили мою расу, – вздохнул Антон. – Да, к вам в корабль зашёл лучший из лучших, однако вдали от своей расы я стану самым обычным. Особенно, если поместить меня в комфортные условия. Только конкуренция, испытания и кризисные ситуации заставляют нас проявлять свои лучшие качества. Без этого я перестану быть лучшим. Долг перед обществом делает меня таким, а ваши действия, как минимум, бессмысленны, поскольку они меня от этого общества изолируют.

Пришельцы снова надолго замолчали. Теперь уже не осталось сомнений в том, что у них есть не только голосовые способы общения: очередное изменение силы тяжести свидетельствовало о том, что навигатор получил команду погасить скорость.

– Ваши доводы ... сокрушительны, несут истину, убедительны ... – проскрипел Розовый. – Решение увезти вас основывалось на неполных данных и было ошибочным. Для того, чтобы вы оставались лучшим, нам придется либо непрерывно создавать вам ... вызовы, сложности, испытания, проблемы... , либо поймать ещё несколько представителей вашей расы, чтобы заставить вас конкурировать. Мы приносим глу-

бочайшие извинения и готовы немедленно вернуть вас обратно.

– Вы поможете нам объясниться с вашим экипажем? – переводчик не передавал интонаций, но голос Крапчатого прозвучал как-то заискивающе. – Решение о прекращении контактов с вашей расой ошибочным не является и остается в силе. Мы возвращаемся исключительно с целью вернуть вас и принести извинения, после чего сразу улетим. Очень не хочется, чтобы нам стреляли вслед.

Антон кивнул, но потом вспомнил, что пришельцы не понимают человеческих жестов и сказал:

– Конечно... И мне понадобится помощь, чтобы надеть скафандр.

Похоже, ответ их устроил, поскольку сразу после этих слов ожил передатчик:

– Антон... Антон... Антон, как слышишь? – монотонно повторял капитан.

– Слышу хорошо. У нас тут вышло некоторое...

– Потом! У нас проблема! – не слушая перебил его капитан. – Мне срочно необходимо поговорить с Розовым! Серый отказывается возвращаться и просит убежища. Говорит, что хочет остаться с расой, которая заботится о слабых и убогих, а не использует его как расходный материал.

ПРИТОН

Притон был самым обычным – подвал частного домишки в пригороде. Главный вход спрятан в одной из пристроек и ловко замаскирован под стенд со столярным инструментом. Размещённые на нем пилы, рубанки и ещё три дюжины вещиц, названий и предназначения которых Борис не знал, выглядели ухоженными и часто используемыми. Наверняка, в домике живёт плотник, который всё это точит, смазывает, протирает от пыли и регулярно применяет по назначению. Вон, даже какой-то наполовину доделанный столик возвышается над грудой стружки и обрезков. На вид мастерская как мастерская. Профессионалы.

Ни видеокамер, ни звонка, ни сигнализации в помещении не наблюдалось. Хозяева полностью полагались на маскировку. Кому надо – знает как войти, а для остальных это просто мастерская.

Рита, помощница из волонтеров-дружинников, в недоумении вертела головой, пытаясь понять, зачем они забрались в этот сарай. Она поправила висевшую на плече сумку с наручниками и посмотрела на командира в ожидании дальнейших указаний. Он приложил палец к губам и показал на браслет с часами: ждём. Молча. Она кивнула в ответ.

Ждать пришлось минут десять: до оврага, где был спрятан запасной выход, Махе и Лаки пришлось добираться пешком.

Наконец, браслет на руке коротко завибрировал – раз, другой, третий. Пора!

Борис сдвинул одну из дощечек на стенде, и удовлетворённо хмыкнул: замок нашёлся именно там, где обещано, и даже тип его совпадал с описанием, полученным от информатора. Отмычку он приготовил заранее, и провозился две минуты, как на экзамене. Стенд со столярным инструментом бесшумно сдвинулся, открывая вход в подвал.

Тишина. Мягкое ковровое покрытие, неяркий свет, слабо отражающийся от звукопоглощающего пластика стен. Кондиционированный воздух приятно холодит лицо и чуть-чуть, на самой грани восприятия, пахнет какими-то цветами. Хороший притон сразу выдаёт атмосферу.

Борис побежал, даже не потрудившись обернуться и дать команду Рите. Едва слышное позвякивание наручников в сумке, безошибочно выдававшее её местоположение, усилилось: она следовала за ним. Ему ненадолго показалось, будто он не просто бежит по коридору, а спасается от катящейся следом бочки с металлическими шариками, настолько громким в этой тишине казался издаваемый её сумкой едва слышный лязг. Даже шагов, скрадываемых ковровым покрытием, было почти не слышно.

Коридор скоро закончился, разбившись о стену Т-образным перекрёстком. Левое ответвление преграждала дверь, правое вело в зал, заставленный блестящими белыми контейнерами. Борис толкнул дверь и ввалился в тесную, хорошо освещённую каморку. Её обитатель, застигнутый врасплох, вскочил из-за уставленного мониторами стола, опрокинув огромную кофейную чашку с надписью “Покой нам только снится”. Это был плюгавый мужичок предпенсионного возраста с усталым лицом, наполовину лысый, неопрятно бородатый и, судя по состоянию одежды, холостой.

Рассмотрев незваных гостей, он вздохнул и вопросительно кивнул на растекающийся по столу кофе. Дождав-

шись отрицательного покачивания головой, пожал плечами и протянул руки Рите, уже успевшей достать наручники.

Так бывало всегда – спокойно, без сопротивления и без единого слова. Лишние хлопоты таким типам ни к чему. Они ведут себя паиньками при задержании, охотно сотрудничают со следствием, если таковое случается, а на следующее утро выходят под ручку с адвокатом, в худшем случае, внося залог, и принимаются за старое.

– Где остальные? – спросил Борис.

– Я один, – голос у мужичка оказался скрипучим.

Из зала донёсся приглушённый топот. Борис иронически усмехнулся, но арестованный поспешил разочаровать его:

– Это ваши с черного хода. Я здесь один. Ночная смена.

– Рита, проверь.

Она молча выскользнула за дверь и почти сразу сообщила:

– Вижу Маху и Лаки. Больше никого.

– Молодец. Маха! – крикнул он, приоткрыв дверь. – Обыщи и опечатай кабинет. Рита, задержанного пока в зал и смотри за ним. Лаки! Займёшься со мной обыском.

Зал отличался от коридора только размерами и освещением. Всё прочее – кондиционер, звукоизоляция, окраска и даже запах были такими же. Ах, да, и контейнеры. Именно в них содержался ответ на вопрос о срочности операции. При тоны не нарушали напрямую ни одного закона и громить их не спешили, даже узнав точное местоположение. Значит, дело не в заведении, а в содержимом. Борис решил, что раз уж ему навязали эту операцию с прицепом из пары олухов-добровольцев, он имеет право на моральную компенсацию в виде удовлетворённого любопытства.

Ему достаточно было беглого взгляда, чтобы определить, что первые несколько контейнеров пусты. Он направлялся к следующему ряду, увлекая за собой все ещё недоумевающего Лаки, когда услышал за спиной сдавленный вскрик и обернулся.

Рита, бледная как стена, позабыв про арестанта, стояла рядом с ближайшим контейнером, зажав рот руками и не отрываясь таращилась в смотровое окошко. Мужичок за её спиной тихо давился смехом.

– Рита! – рявкнул Борис. – Приказ был не вертеть башкой по сторонам, а охранять задержанного!

– Л... лейтенант. Там внутри человек...

– Знаю.

Он подошёл и заглянул в смотровое окно. Внутри лежал, раскинув руки, наголо бритый мужчина лет тридцати с небольшим. Глаза его были закрыты, лицо, не выразившее ничего, кроме блаженного покоя, было Борису не знакомо. Ну, Маха! Инструктаж она, значит, провела. Надо потом узнать, чего она им там наплела. Он отвернулся и собрался было возобновить поиски, но Рита опять его остановила.

– Лейтенант! Он дышит!

– Конечно, дышит. Они тут все живые. Надеюсь.

– А... Что с ними? – подал голос Лаки.

– Спят.

– Чем это их так накачали?

– Ничем. Просто спят.

Почему-то это всегда действовало на новичков сильнее всего. Спят. Просто спят с безмятежными лицами, начисто игнорируя происходящее вокруг. От этой мысли человека неподготовленного охватывал какой-то суеверный ужас. Лаки и Рита попятились от контейнера, стараясь ступать бесшумно. Тут арестованный не выдержал и с какой-то даже обидой в голосе заявил:

– Зря стараетесь. Полная свето- и звукоизоляция. Хоть пляшите у него на голове – не услышит.

Мужчина в контейнере улыбнулся и перевернулся на бок.

– Ты – заткнись, – буркнул Борис. – Лаки, пошли. Держись рядом со мной, докладывай обо всём, что сочтёшь подозрительным.

Тот кивнул и последовал за лейтенантом, косясь на контейнеры.

– Зачем они здесь, лейтенант?

– Чтобы спать.

– И всё? А почему не дома?

– Дома у них соседи шумят, машины под окном сигналият, собаку в семь утра выгуливать, даже если выходной и на улице дождь.

– Собаку... Да... – тихо повторил Лаки голосом человека, всю жизнь кротко несущего крест собаководладельца и успешного смириться с мелкими бытовыми неудобствами такого симбиоза.

– ... младенец животом мается, муж храпит, с работы могут позвонить среди ночи, у кошки течка... – по памяти перечислял Борис типичные показания задержанных клиентов притонов. – Ну, и так далее. А тут, в капсуле, их никто не побеспокоит, даже если захочет. Никто даже не знает, где их искать. Притон-то тайный... Лаки! Что там?

Он поспешил вернуться на несколько шагов назад, к контейнеру, который не привлек его внимания, однако, заинтересовал Лаки настолько, что тот замер над ним вытаращив глаза. Дружинник при его приближении вздрогнул и покраснел, словно был пойман за чем-то постыдным. Всё ясно. Обитательница контейнера – ухоженная и отлично сохранившаяся женщина лет пятидесяти, спала небрежно, отбросив скомканную простыню. Видно, кроме лица, было немного, и именно попытка Лаки найти ракурс, с которого можно разглядеть побольше, привлекла внимание Боба.

Лаки действительно был везунчиком. Со второй попытки Борис узнал в спящей супругу генерального прокурора, ранее виденную им на новогоднем банкете – очевидно, настоящую причину рейда.

– Отставить! – рявкнул лейтенант для порядка. – Здесь тебе не порносайт. Продолжать осмотр!

Лаки покраснел ещё больше и с виноватым видом ринулся выполнять поручение, но ничего подозрительного, разумеется, не нашёл.

– Шестьдесят восемь человек, все выглядят спящими, признаков насилия на телах не обнаружено, – отрапортовал он полчаса спустя. – Жду дальнейших указаний!

– Ждать, пока вылупятся.

– Вылупятся?

– Мы обязаны извлечь их, установить личности и перепроводить в участок для снятия показаний, а затем вернуть по домам. Однако, контейнеры снаружи не открываются и никакого способа достучаться до наших цыпляток нет. Система сама всё откроет, когда они продрыхнутся. Есть ещё аварийное вскрытие на случай отказа системы, но запускается тоже изнутри. Вскрывать силой, кроме крайних случаев, не рекомендуют: можно их там повредить нечаянно. Поскольку случай у нас не крайний – устраиваемся поудобнее, ждём и оформляем их по мере поступления. Часиков за восемь-девять разберёмся.

– Лейтенант, разрешите вопрос, – почти перебила его Рита.

– Разрешаю.

– Только не смейтесь... Я не вижу состава преступления. Люди просто приходят сюда и спят. Почему притон – тайный? И почему мы здесь?

– Вот, кстати, мне тоже интересно, – подал голос арестованный. – Разве есть закон запрещающий послать всё к чертям и выспаться?

– Спать не запрещено, – отчеканил Борис. – Послать всё к чертям и выспаться – тоже. Запрещено пропадать без вести, ставя на уши родственников, работодателей и полицию. Ну, один раз пошёл и поспал с комфортом, ну два – так нет же, подсаживаются как на иглу и начинают сбегать в притоны каждый день. А кто-то там, – он ткнул пальцем в потолок, –

остаётся разгрести все дела, которые они в это время делали бы. Ладно, если кто-то просто вместо них мусор выносит, а то ведь бывает, что с работы вылетают, бизнес теряют, семью. Ну, и к нам, опять же, вопросы... Две тысячи пропавших без вести каждый месяц только в нашем округе! И иди пойми, кто из них действительно похищен, а кто в притоне прохлаждается. Уяснили?

Дружинники поспешно закивали.

– Отлично! А теперь оба марш в участок. Доложить обстановку Эдуарду Алексеевичу, сдать ему задержанного, сообщить, что мы с Махой остались на хозяйстве и ваша помощь больше не нужна. Вопросы есть? Выполняйте.

Они ушли, косясь по пути то на ряды контейнеров, то на арестованного. Так смотрят люди, для которых статистика раскрываемости по пропавшим без вести – пустой звук. Маха, давно закончившая возиться с компьютерами, стояла прислонившись к стене и провожала их насмешливым взглядом, прихлёбывая из кружки с надписью “Покой нам только снится”.

– Что это ты там пьёшь?

– Кофе.

– Отставить!

Она вскинула брови и уставилась на него в ожидании разъяснений.

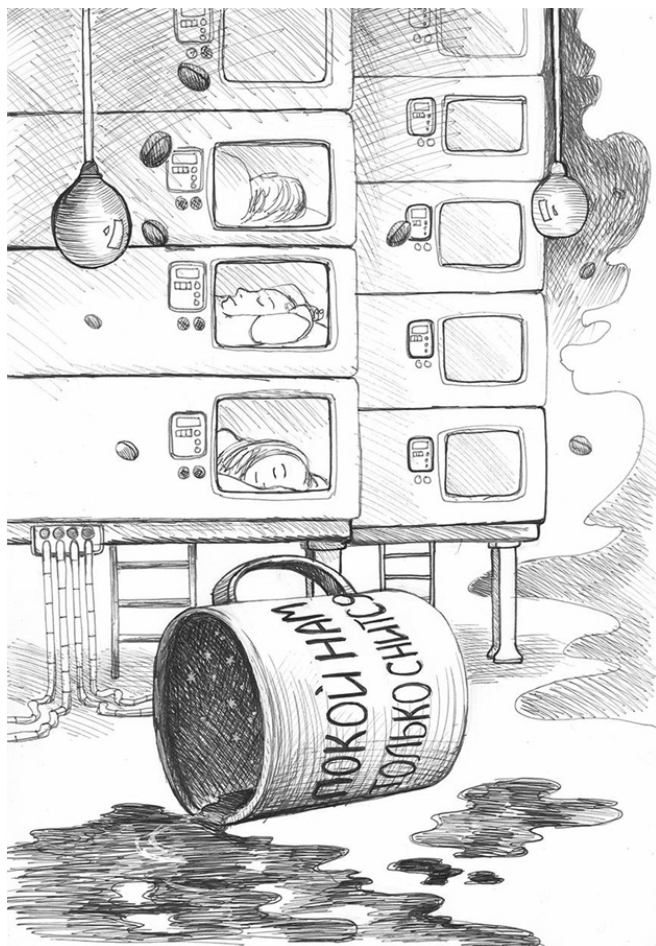
– Я допью... Ты же капсулу подготовила? Ну, вот и ложись.

– Но ведь сегодня твоя очередь...

– Будешь должна. Иди, иди, я покараулю. Не спится мне что-то.

Маха не заставила себя уговаривать и бодро затопала к контейнеру с номером 18, по пути сунув ему в руку кружку с кофе. Для приёма вылупляющихся достаточно одного человека и нет ничего плохого в том, что мающийся без дела напарник как следует вздремнёт. А он своё ещё успеет на-

верстать. Возможность поспать в изолированной от мира капсуле с кондиционером выпадает каждую пару месяцев, а вот увидеть, как генеральный прокурор возвращает в лоно семьи беглую супругу – такое случается даже не каждый год, и он не мог позволить себе пропустить этой милой сценки. Интересно, почему ей-то дома не спалось?

МОЙ ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ

Звонок возвестил о прибытии очередного посетителя. Точнее, посетительницы. Немолодая приземистая женщина аккуратно прикрыла за собой дверь, потопталась на пороге, косясь на выдавший её колокольчик, после чего сделала вид, будто рассматривает ближайшие витрины. Большого ей, вошедшей с залитой солнцем улицы, не позволяя увидеть полумрак салона.

– Я здесь.

Она вздрогнула и завертела головой, пытаясь определить источник звука. В свое время я провел долгие часы выверяя акустику в приёмной, чтобы найти единственно правильное положение кресла, и теперь голос мой, гулкий и удачно отражённый стенами, звучал, казалось, отовсюду. Мое “здесь” воспринималось не иначе, как “езде”.

Пока она озиралась, я успел натянуть белые шёлковые перчатки с золочёными пряжками и взять трость с набалдашником в форме головы не то шакала, не то добермана. Есть вещи, которые надеваются лишь затем, чтобы быть в нужное время красиво снятыми. Эти перчатки как раз из таких. Целый день ходить в них – руки потеют. Да и маркие они. Однако, встречать клиента в перчатках и с тростью – совсем не то же, что с, так сказать, голыми руками. Это производит впечатление.

Женщина, всё ещё шурясь и моргая, направилась вглубь приёмной, туда, откуда, по её мнению, донёлся мой голос. Двигалась она медленно, что давало возможность присмотреться к ней повнимательнее. Вид измученный, одета ярко и безвкусно. Волосы сожжены химической завивкой, а помада столь чуждого ей оттенка, что губы кажутся скорее наклеенными, чем нарисованными. Мой клиент, вне всякого сомнения. Лет 60, хотя тут легко и ошибиться. Несчастные люди всегда выглядят старше своих лет.

– Сюда, пожалуйста.

На сей раз разглядев меня, гостя уверенно преодолела оставшееся расстояние и замерла возле гостевого кресла, дожидаясь приглашения сесть. Не дождавшись, устроилась на краешке, готовая вскочить, если вдруг я стану возражать против такого самоуправства. Некоторое время мы молчали. Она собиралась с мыслями, пытаясь придумать, с чего начать, а я просто ждал и продолжал её изучать. Руки дрожат. Лицо грустное, мятое. Глаза красные. Недавно плакала?

Я ждал. Знать, когда говорить, а когда хранить молчание – важнейшая часть моей работы, настоящее искусство. Как клиент сам себя накрутит – так никто его не накрутит, и мешать ему в этом было бы в высшей мере расточительно.

– Здравствуйте, – наконец негромко произнесла она. – У вас очень хорошие рекомендации...

Разумеется, хорошие. Я коротко кивнул, сохраняя суровую мину.

– Я... – немного помявшись продолжила гостя.

– Тссс, – я приложил палец к губам и негромко произнёс. – Знаю.

На лице её ненадолго мелькнул суеверный ужас: он знает! Ещё бы “он” не знал! “Ему” достаточно беглого взгляда на пальцы со следами от колец и проколотые мочки ушей без серег, чтобы понять цель визита. Те, кто посоветовал ей об-

ратиться ко мне, непременно со значением шепнули, что украшения могут помешать действию и потому лучше оставить их дома. Значит, не по руке гадать пришла и не на суженого.

Я положил трость на стол, снял и бросил поверх неё перчатки, проследив, чтобы их пряжки, изукрашенные блестящими стекляшками, были непременно видны и ткнул носком ботинка в спрятанную под столом кнопку. И без того слабое освещение потускнело настолько, что поначалу мы едва различали друг друга. В наступившей тишине замок входной двери шелкнул столь громко и отчётливо, что гостья едва не подпрыгнула вместе с креслом.

– Нельзя, чтобы чьё-то вторжение помешало сеансу, – пояснил я.

Она кивнула и хотела что-то сказать, но я опередил её.

– Не говорите ничего, пока я вас о чём-то не спрошу и сохраняйте спокойствие.

Заявил я это с таким видом, будто ей действительно было что сохранять. Она, конечно же, страшно волновалась и теперь, боясь всё испортить, попыталась скрыть волнение, отчего лишь ещё больше разнервничалась. Самое время, чтобы протянуть руку и поправить фитили на паре стоящих на столе массивных чёрных свечей. Четыре секунды... три... две... одна...

– Агнис... – тихо, но властно произнёс я, вытирая под столом пальцы о заранее припасённую тряпочку.

Химическая реакция в фитилях завершилась почти одновременным возгоранием. При таком освещении запросто могло показаться, будто пламя явилось из ниоткуда в ответ на мой приказ, и лишь через мгновение после этого на чёрном бархате стола материализовались матовые чёрные колонны свечей. Женщина испуганно уставилась на огни, потом – вопросительно – на меня.

– Сохраняйте спокойствие. Дышите глубоко и ровно... – уже почти шептал я, зажигая от свечей ароматические палочки и размещая их на подставках вдоль края стола. – Медленнее. Глубже.

Я долго учился разговаривать настолько тихо, чтобы собеседнику приходилось прислушиваться. Это настраивает их на нужный лад, вынуждая тоже понижать голос и поменьше болтать.

– Готовы?

Боясь произнести хоть слово, женщина кивнула. Они всегда боятся и кивают. На самом деле, она была ещё не готова, но ей не обязательно было об этом знать. Скоро. Уже скоро. Надо только внимательно следить за её зрачками и ритмом дыхания, не забывая читать зловещим шёпотом заклинание.

Готова!

– Теперь смотрите внимательно! Второго шанса не будет! – всколыхнув разделявшую нас завесу ароматного дыма, я медленно потянул вверх покров из чёрного шёлка.

Явившийся нашим взорам хрустальный шар наполнился светом чёрных свечей. Женщина уставилась на него, подавшись вперёд, вскрикнула и попыталась что-то сказать, однако с первой попытки не преуспела. В то же мгновение я набросил на шар покров и укоризненно произнёс:

– Молчание! Я же просил!

– Простите...

– Успели разглядеть?

Она виновато глянула на меня исподлобья и кивнула.

– Не думала, что это она. От некоторых людей просто не ожидаешь...

– Понимаю. Не вы первая, не вы последняя. Увы!

Издав подобающий случаю сочувственный вздох, я выложил на стол колоду таро с золотыми узорами на чёрной рубашке. Настало время финального аккорда.

– Что ж, давайте посмотрим, что с этим можно сделать...

* * *

– Спасибо, – она даже попыталась улыбнуться на прощание. – Я сделаю всё, как вы сказали. Но знаете... До сих пор не могу поверить...

Я в ответ лишь кивнул, изобразив понимающую улыбку, и принялся по одной собирать карты, демонстрируя при этом величайшую сосредоточенность, словно порядок, в котором я возвращал их в колоду, и впрямь имел какое-то таинственное значение. Она немного помедлила, явно не решаясь что-то спросить, однако, с моей точки зрения, сеанс уже был окончен. Я задул свечи и снова ткнул ботинком кнопку под столом. Стало светлее. Она снова вздрогнула, услышав щелчок замка и решила больше ни о чем не спрашивать.

А вот и гонорар. Я кивнул, давая понять, что заметил, как она положила конверт на край стола, но подчёркнуто игнорировал его, пока не услышал прощального звонка колокольчика. Цена ей известна, надуть мага с оплатой никто не решится, а упускать возможность заработать ещё пару очков к репутации ясновидящего было бы нелепо.

Поверить она не может, как же... Они приходят с готовым списком подозреваемых, но всякий раз пытаются изобразить удивление. Ох, уж эта инстинктивная потребность в поиске виноватого! Дурацкая, постыдная попытка самообмана, дарующая временное утешение, но не решающая настоящих проблем.

Те, кто приходят ко мне – эти ещё ничего, они, по крайней мере, пытаются искать доказательства. Хотя бы такие, как видения в хрустальном шаре. Чёрт его знает, кого из друзей или родственников они видят, но мне иной раз кажется, что вместо шара кое-кому стоит подсовывать зеркало. Так было бы честнее, ведь шар ещё никогда на моей памяти не отражал смотрящего, хоть люди и величайшие мастера по созданию проблем самим себе. "Так это же он!", – вскрикивают. "Так я и знала, что это она", – сколько угодно. А вот "Ой, это же я!", – ни разу. Действительно, странно.

Опять же, перед мнимыми злодеями, которых видят в шаре, неудобно. Я, конечно, призываю не предпринимать никаких активных действий, утверждая, что сам всё решу магическим способом, практические советы исподтишка даю под видом гаданий. Но, как говорится, осадочек остаётся. Наверняка, кто-то не выдерживает и начинает мстить мнимому недругу. Тихо, по мелочам. А может, и не по мелочам даже.

Иногда мне кажется, что я, вместо того, чтобы служить громоотводом, лишь увеличиваю количество зла в мире. Но что изменится, если я не буду показывать им шар? Ничего! Подозрение всё равно рано или поздно перерастёт в уверенность, но не будет никакого мага, который с загадочным видом понадувает щёки над картами и заверит, что всё будет урегулировано на астральном уровне. И тогда они примутся за дело сами.

Мне нравится утешать себя мыслью о том, что я предотвращаю множество более серьёзных бед. Однако, я не вижу бед несостоявшихся, а вот о тех, что случаются после моих сеансов, иногда становится известно. Всегда находятся такие, кто от отчаяния или злобы не довольствуются одной лишь помощью мага и пытаются мстить. Тогда вместо утешителя я чувствую себя подлецом и обманщиком, ломающим судьбы.

В такие дни я беру шар, подолгу пристально разглядываю его и размышляю о том, не ошибся ли я стезёй. Конечно, нашлись те, кто поверил в мои обещания магического вмешательства и отложил месть. Быть может, благодаря именно мне. Но как тогда быть с теми, кто всё-таки мстил? Может, это из-за меня? Никак не могу решить, добро я несу или зло. А главное, должно ли меня это вообще волновать. Не слишком ли у меня много совести для того, чем я занимаюсь?

И ещё думается: своєю ли жизнью живу? Ведь мечтал же стать актером и даже учился. Кто же меня заставил бросить всё и податься в маги – тот старикан, что продал мне чудо-

шарик? Нет, сам, всё сам. Но, вот беда, до сих пор не уверен, правильно ли я поступил. Особенно когда вспоминаю выражение облегчения, осветившее сморщенную физиономию седобородого продавца.

Нет, я не увижу ответов в хрустальном шаре. Он совершенно обычный на вид и ничем не отличается от других, стоящих на витринах магазинов. В свойствах его можно было бы даже сомневаться, не проверь я его в день покупки. Ведь увидел врага, настоящего, злейшего, всё совпало. Однако, с тех пор шар для меня всегда остаётся прозрачным, даже когда пытаюсь провести все подготовительные ритуалы над самим собой.

Быть может, дело в том, что теперь мне известно, что всё, кроме шара – бутафория. Может даже, чем чёрт не шутит, во мне вдруг прорезался дар настолько сильный, что магия шара надо мной не властна. Впрочем, сомневаюсь. Я не встречал достоверных свидетельств существования магии. Все известные мне коллеги по цеху – либо сознательные шарлатаны, либо полусумасшедшие, сами верящие в магическую природу собственных манипуляций, ничем не отличающихся от моих, давно объясненных скучной наукой.

Так кто же я – глупец, купивший у жуликов самый обычный шар и с тех пор живущий обманом или собственный злейший враг, которого магический шар отказывается показывать самому себе? Ох, не выдержу я этой неопределённости, однажды возьму и специально заведу себе врага. Да позлее такого, чтоб наверняка убедиться.

ПРО ИМПЕРАТОРА И ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВО

– Какая подлая, мелочная месть – создавать культ обожествления Императора! – брезгливо процедил Император глядя в окно. Колышущаяся на площади людская масса ему не нравилась: она распевала прославляющий его гимн.

Человек в расшитой золотом сутане, к которому обращался Его Величество, не ответил. Вместо этого он поднял ладони ко лбу, затем широко развел руки в стороны, и низко поклонился, отставив правую ногу назад. Казалось, он изготвился по первому намёку броситься к монарху и заключить его в восторженные объятия. Движения его были отработаны как у гимнаста, и в каждом из них, как и в подобострастной улыбке, чувствовалась многолетняя привычка. Император так и не повернулся к нему, но мог наблюдать за пантомимой по слабому отражению в оконном стекле.

– Да хватит уже паясничать... Т-твое Преосвященство! – он скорее выплюнул, чем произнёс титул гостя. – Кривляться будешь перед своими клоунами. Если уж добился аудиенции – изволь говорить прямо и отвечать на вопросы!

– Как будет угодно Вашему Величеству, – приторно пропел человек в сутане, выпрямляясь. – Но вы не изволили задать вопроса.

– Я изволю требовать, – прошипел, оборачиваясь Император, – чтобы ты сию секунду перестал валять дурака. Последнее, во что я поверю – так это в сказку о том, что ты за три года превратился из моего ненавистника в поклонника.

Его собеседник, наконец, позволил себе улыбнуться, кивнул и без приглашения плюхнулся в ближайшее кресло, закинув ногу на ногу. Подобострастие на его лице сменилось ехидством.

– Так-то лучше, – буркнул Император. – Итак, скажи мне, дорогой поэт, неужели действительно стоило оболванивать всех этих людей ради одного лишь удовольствия видеть, как меня стошнит от их лести?

– Вот только не надо валить с больной головы на здоровую, – улыбнулся гость, поправляя сползший с задранного колена подол сутаны. – Это не моя заслуга. Они уже давно были прекрасно оболванены и прямо сходили с ума от любви к своему драгоценному Императору, но не находили слов, чтобы её выразить. Посуди сам...

Его Преосвященство поддёрнул широкий рукав повыше, чтобы лучше было видно, как он загибает униженные перстнями пальцы, и принялся считать.

– Им хорошо в Империи. Они гордятся победами её армии над тщедушными Запредельными Княжествами. Они небогаты, но сыты и не особенно бедствуют. Они знают, что если будут хорошо себя вести, то могут быть более или менее уверены в завтрашнем дне. Они знают, кому за это следует быть благодарными. Благодарность их, – он торжественно воздел к потолку сжатый кулак и, потрясая им после каждой фразы, провозгласил, – столь велика, что они готовы отдать всё, что имеют! Исполнить любой каприз! По первому требованию государя!

Казалось, увлечшийся первосвященник вот-вот сорвется на крик, словно перед ним не одинокий скептический слушатель, а сонмы верующих, но это было лишь обычной уловкой опытного оратора.

– Я, – неожиданно понизив голос и изобразив смирение произнес он, – всего лишь облёк их мысли в наиболее подходящие слова, чем и сделал их счастье... – тут он взял точно выверенную паузу и закончил с умильнейшей улыбкой, – совершенным.

– Но зачем? Зачем? – Его Величество покосился на площадь и заметно содрогнулся. – Чего тебе стоило просто издать очередной том...

– Да кому он нужен, этот том? – непочтительно перебил Его Величество глава обожествляющего его культа. – Кто станет читать его, да ещё и вслух? А начни я дразнить тебя в одиночку – кто бы меня услышал? Вот они...

Его Преосвященство встал и в несколько шагов преодолел разделявшее их расстояние. Двигался он степенно, но шагал при этом широко и размашисто. В трех метрах от Императора контрольное ожерелье на его шее начало ненавязчиво сжиматься, а на обтянутой сутаной спине зажглось несколько красных точек лазерных прицелов: охрана бдила, и даже не одного неверного движения, а самой мысли о нём было бы достаточно, чтобы...

Однако, гость замыслил иное. Остановившись у окна на минимальном из дозволенных протоколом расстояний от Его Величества, он улыбнулся и воздев руки над головой послал приветствие толпе. Вид дорогого вождя рядом с официально-отечески улыбающимся Императором, лишил толпу остатков рассудка. И без того могучий рёв её многократно усилился.

– Они, – почти крикнул Его Преосвященство, – другое дело. Хор толпы нельзя не услышать.

– Звукоизоляция! – скомандовал Император и приветливо помахал собравшимся рукой.

Несколько секунд они молчали, заново привыкая к тишине, и первосвященник продолжил:

– Честная сделка: мне их глотки, им – лучшие слова для кумира. Тебе – испорченные нервы. А главное – мне нужны были гарантии, что они продолжат преследовать тебя до конца твоей жизни, даже если со мной что-нибудь... этакое случится. Ни один тиран в здравом уме не станет истреблять или перевоспитывать оголтелых лоялистов.

– Что ж, этот раунд за тобой, – скупой улыбнулся Император. – Так кто же, по твоему мнению, их оболванил? Уж точно не моя пропагандистская машина. Я такой задачи перед ней не ставил. Всё больше до их мозгов достучаться пытался, чтоб к лучшему стремились, державу строили и рулить не мешали. Условия создавал, стабильность какую-никакую...

– Они сами, – вновь непочтительно перебил Его Преосвященство. – Точнее, обычные человеческие инстинкты, животная потребность в вожаке, на которого можно переложить бремя принятия решений. Вот именно так, чтобы жить себе тихонечко, а думает за тебя пусть кто-то другой. Ты обеспечил все их основные потребности, кроме этой.

– М-да... Может, и впрямь некоторые годятся лишь на то, чтобы в свободное от работы время любить вожда...

Император задумался и некоторое время молча расхаживал вдоль окна, почёсывая переносицу. Наконец, видимо, придя к какому-то решению, хмыкнул и покосился на Его Преосвященство.

– Нервы, говоришь? Ну-ну... Только ты не учёл одной маленькой детали. Полезные идиоты бесят лишь тогда, когда они чужие. И ни один уважающий себя политик такой возможности не упустит...

– Что? Какой ещё возможности?

Его Преосвященство на мгновение перестал быть похожим на властителя душ и вдохновителя толп, и сквозь новую личину показался прежний поэт – одинокий, растерянный и недовольный жизнью человек. Минута слабости быстро миновала, но не ускользнула от внимания Императора.

– Возможности возглавить то, что не можешь остановить, – улыбнулся Император. – Повелеваю: государственной религии – быть. А Твоему Преосвященству быть при службе и дирижировать сим балаганом. Министерский оклад и все полагающиеся льготы.

– Но...

– А куда ещё тебя девать? – Император, передразнивая, начал загибать пальцы. – Ты при деле будешь. При деньгах. Гадости про меня писать перестанешь. По крайней мере, под собственным именем.

– С чего ты взял, что я соглашусь?

– С того, что деньги над тобой властны. Ты приехал сюда в авто премиум-класса, а золотые побрякушки на тебе стоят больше, чем ты официально заработал за последние лет десять. Если ты откажешься, я найду другого желающего быть Преосвященством, а ты всё это потеряешь. Коль скоро тебе достало цинизма использовать этих людей, да ещё и разбогатеть на этом, то возглавлять государственную религию – занятие как раз по тебе. Только не зарывайся, слышишь? Людей приставлю прослушивать проповеди и проверять тексты.

Пришедший в себя поэт саркастически улыбнулся:

– Как можно, Ваше Величество?

– Тебе ли не знать, как можно? – скривился Император. – Жаль, конечно, что такому талантищу лучшего места не нашлось, но, видать, на то мы и Империя...

Он развёл руками, словно извиняясь за столь неуклюжее мироустройство, после чего выудил из кармана блокнот, сверился с какими-то записями и одарил священника столь приветливой улыбкой, что тот вспотел под сутаной.

– И напоследок... Давай-ка, дружок, потолкуем по поводу десятины, которую ты собираешь от моего имени. – он выдержал паузу, давая Его Преосвященству как следует заволноваться, и продолжил. – Формально она принадлежит мне,

не так ли? Но это поэт хорош когда голоден, а со священником всё в точности наоборот. Семь процентов из десяти – мои, остальные – твои до тех пор, пока культ содержится в образцовом порядке. Отсюда пойдёшь сразу к министру финансов, он даст реквизиты для перевода...

Почувствовав приглашение к торгу, Его Преосвященство воспрял духом и быстро парировал:

– Нет, тебе – три, но зато больше никаких массовых песнопений на улицах.

Он не испытывал ни малейших угрызений совести по отношению к восторженным идиотам на площади, с самого начала бывшим для него лишь средством для отмщения. Он не рассчитывал потерять их так рано, но и не ожидал, что за них дадут хорошую цену. Отработавший своё инструмент всегда лучше вовремя продать, чем потом просто выбросить.

– Ишь ты... – азартно включился в игру Император. – Шесть. И ты больше не сочиняешь про меня гимнов.

– Три с половиной. И ты больше не пишешь про меня стихов...

– Чёрт с ними, с гимнами. Пять. И у Императора исключительное право назначения главы церкви.

– ... только если назначение пожизненное.

– Договорились! Аудиенция окончена.

– Я тебе это припомню, – обиженно пробормотал поэт, направляясь к двери. – И грабёж этот, и службу и стихи...

– Не сомневаюсь.

Подождав, когда за Его Преосвященством закроется дверь, Император снова повернулся к окну и некоторое время любовался площадью. На ней ничего не изменилось, но теперь она ему нравилась.

– Готов поспорить на свою половину десятины, томом тут не обойдётся, – улыбнулся Император. – На сей раз мне удалось взбесить его так, что он выдаст целый десятитомник. Положим, четыре-пять томов он потратит на то, чтобы от-

плеваться ядом в мой адрес, но остальное-то! В прошлый раз это были настоящие шедевры!

ПРО ИМПЕРАТОРА. ВЫБОРЫ

– Поздравляю с днём рождения!

Император взял с поданного лакеем золотого подноса пухлый пакет из красной бумаги, усыпанной серебристыми звёздами, и вручил Личному Отравителю Существования. Тот с подозрением покосился на Его Величество, повертел подарок в руках и не распаковывая швырнул на пол. Привычный лакей подобрал пакет и с поклоном протянул государю.

– Ай, что за человек! – восхитился тот. – Кремень! Ну, почему на меня работает всякая подлая слякоть, а такие, как ты, лишь обливают презрением?

Отравитель поморщился, но так и не проронил не слова. Они уже много раз спорили об этом и ответ Императору был хорошо известен.

– Нет, ты всё-таки, посмотри что там. Тебе понравится, я уверен, – отечески увещевал его Император, но ответом ему было все то же презрительное молчание. – Ну, хорошо. Сам заворачивал – сам и открою. Смотри!

Он развязал пышный бант, на увязывание которого потратил целый час, и безжалостно разорвал красивую обёртку. На золотой поднос посыпались какие-то бумаги и брошюры.

– Вот, – Его Величество выудил из стопки сложенный вчетверо плакат и развернул, демонстрируя имениннику.

– Что? – каркнул Отравитель. – Выборы? Нет, это уже слишком! Есть предел издевательствам, которые я готов терпеть...

– Но я же серьёзно!

– Серьёзно? И я – главный кандидат от оппозиции?

– Да! Тебя выдвинули сами избиратели. Миллиард подписей, представляешь? Как тут было не уступить народному волеизъявлению?

Отравитель снова поморщился. Он прекрасно знал, что в Империи найдётся и десять миллиардов дураков и продажных шкур, готовых подписать любую удобную Императору петицию. Но это, по крайней мере, лучше, чем если бы его кандидатуру предложил лично Его Величество.

– И в случае поражения ты просто уйдёшь в отставку и отдашь мне трон?

– Обещаю! – торжественно провозгласил Император и нажал на кнопку, замаскированную под крупный изумруд на одном из его перстней.

Невидимый оркестр взревел, приглашая невидимый хор присоединиться к веселью. Сотни голосов грянули гимн, начинавшийся поздравлениями с днём рождения и завершившийся нагромождением пафосных пожеланий будущему спасителю отечества от тирании. Отравитель слушал с лицом человека, который борется с тошнотой из одной лишь солидарности с рабочим классом, которому потом придётся за ним убирать. От комментариев в таком шуме пришлось воздержаться.

– Ну, каково? Нравится?

– Не нравится, – буркнул Отравитель. – Но я обязан попытаться.

При всём своём отвращении к тирану, он вынужден был признать, что обещания свои тот всегда выполняет. По крайней мере, обещания, данные своему лучшему врагу. И пусть такое предложение могло исходить лишь от человека,

полностью уверенного в победе, пренебрегать им было бы глупо.

– Когда выборы?

– Через месяц, аккурат на нашу десятую годовщину, – воодушевлённый согласием Император так и сиял.

– Десять лет... – прошептал Отравитель. – С-сволочь!

* * *

– С-сволочь, – снова повторил Отравитель, рассматривая таблицу с результатами голосования.

Он был трезво мыслящим человеком и не ожидал от затеи никаких чудес, однако, знай он заранее, как это скажется на оппозиции... Противников власти нашлось великое множество. Он даже смог позволить себе публично отказаться от предоставленного государством избирательного фонда и вести кампанию за счёт одних лишь пожертвований. Часть из них, правда, поступила от того же государства через подставных лиц, но ему пришлось закрыть на это глаза. Любой намёк на сотрудничество с властями только усугубил бы ситуацию.

Оппозиция, и без того не бывшая единой, из расколотой стала раздробленной. Одни увидели в выборах последний шанс сбросить Императора мирным путём, другие заявили, что кандидат, проживший десять лет во дворце, не может считаться независимым, третьи поддержали других кандидатов, прочие принялись плодить конспирологические теории и объединяться со сторонниками. Теорий оказалось ненамного меньше, чем сторонников, и смятение в умах царило неслыханное. В результате дисциплинированный электорат Императора проголосовал поголовно, а из сторонников Отравителя в выборах участвовала едва половина. Разгром был полным.

– Не казни себя, – сочувственно молвил Император. – Ты бы не смог отказаться от такой возможности. И уж если на-

живать себе язву, то лучше от неудачной попытки, чем от упущенного шанса...

– Но почему ты объявил о выборах именно в мой день рождения? Это какой-то утончённый садизм?

– Во-первых, я хотел сделать себе подарок на десятилетие нашей совместной работы. От тебя же не дождёшься. А во-вторых, это тебе за переворот, который ты запланировал аккурат на мой день рождения пять лет назад.

– Пять лет ты ждал случая, чтобы отыграться? Ну ты даёшь!

Он повернулся к Императору, развалившемуся на диване с огромной кружкой чая и сборником стихов любимого поэта.

– Жениться тебе надо, Твое Злопамятное Величество. А то ты весь нерастраченный пыл тратишь на меня. Изводил бы себе потихоньку Императрицу, как положено семейному человеку. Тёща бы у тебя была, дети, прочие родственники. Тогда бы и необходимость в дурацких розыгрышах отпала.

– Жениться мне как раз нельзя, – покачал головой Император. – Изрядная часть оппозиции сидит тихо именно потому, что я немолод и у меня нет наследника. Они собираются меня пережить и готовятся к захвату власти. По крайней мере, они так утверждают. Пока я холост и бездетен, они не будут предпринимать никаких активных действий. Опять же, наследники – это столько возни. Вдруг они окажутся бестолочами? Вдруг неспособны править? Сделаешь одного – высокий риск того, что окажется неподходящим. Сделаешь много – передерутся. Да и для того, чтобы понять, годится он или нет, понадобится ждать долгие годы. Другое дело – ты.

– Я?

– Не зря же я все эти десять лет обсуждаю с тобой все мало-мальски серьёзные решения и, тем паче, их последствия. Ты уже прекрасно понимаешь, как работает госу-

дарственная машина. Вот представь, что ты оседлал бы её тогда, десять лет назад, без связей, опыта и репутации, не зная, в чём ты прав, а в чём заблуждаешься. Долго бы ты просидел на троне? Каких дел бы наворочал?

– Ты действительно полагаешь, что это стоит десяти лет унижений?

– Стоит и двадцати. Конечно же, стоит. Хотеть власти – недостаточно. Надо уметь ею правильно распорядиться. И теперь, когда ты умеешь, уже не важно, как ты её получишь – по наследству, по закону или силой. В любом случае, ты справишься и не натворишь ерунды. Кстати, – Император сделал вид, что только сейчас спохватился. – Поздравляю тебя с десятой годовщиной совместной работы. Держи!

Его Величество вручил ему увесистую коробку. Отравитель хотел было по привычке швырнуть её обратно, но после недолгих колебаний решил не повторяться и, храня на лице безразличное выражение, разорвал обёртку. Открыв крышку, он вскрикнул и отбросил коробку прочь, словно обнаружил внутри клубок змей. Выпавшая из неё золотая корона покатилась, дробно стуча рубинами и алмазами по паркету, и остановилась у самых ног Императора. Тот поднял её, бегло осмотрел в поисках повреждений и с улыбкой произнёс:

– Понимаю. Но я и не прошу тебя надевать её сегодня. Она будет ждать тебя в Казначействе, в твоём личном сейфе. Заберёшь в день, когда получишь власть.

Он лукаво улыбнулся.

– Да-да, я снова не оставляю тебе выбора.

ЧЕТВЁРТЫЙ ШАНС

Сделки с дьяволом интересны тем, что не всегда понятно, с какой стороны дьявол.

Вадим Панов, "Анклавы"

1. Незнакомцы

– Молодой человек, купите душу!

Я чуть не остановился от неожиданности. Вот уж чего не следует делать, когда посреди улицы предлагают что-нибудь купить, так это останавливаться. В этом районе приобретать даже что-то нужное, да ещё и у случайного прохожего, неразумно. Народец здесь живет всякий, и предложения можно услышать самые неожиданные. Позавчера, например, я видел на столбе объявление, гласившее: “Срочно продаётся дверь от благоустроенной квартиры”. Быстро прикинув, до чего надо было докатиться, чтобы продавать душу прохожим на улице, я прибавил шагу.

Продавец оказался настырным. Он догнал меня и пошёл рядом.

– Молодой человек...

– Отвали. Денег нет.

– Ах, это... – отозвался он. – Деньги мне не нужны, будьте покойны.

Голос его – молодой, без пропитой хрипотцы и нотки отчаяния – совсем не вязался с образом человека, предлагающего столь экзотический товар. Впрочем, откуда мне знать, как должен выглядеть типичный продавец душ? Покупатель – это да, сия личность давно детально описана классиками и современниками. Что же касается продавца... Я покосился на него, чтобы рассмотреть получше и оценить возможную угрозу.

Лет двадцать пять на вид. Интеллигентного вида, аристократически красивый брюнет с короткой, ухоженной стрижкой и аккуратными усиками и бородкой. Одет в хороший новый осенний плащ поверх рубашки и отутюженных брюк, на шее – элегантный, в тон, шёлковый шарф. Лицо приветливое, смотрит открыто и чуть насмешливо. Приличен до безобразия. И на психа, на первый взгляд, не похож.

Скучающий мажор в депрессии, решил я. Или голубой пикапер в поисках приключений. Мне на таких везёт, хоть я и совсем не по их части. В любом случае, мне не грозит ничего страшнее выслушивания какого-нибудь не очень оригинального бреда.

– Так продаёшь или деньги не нужны? Ты уж определись.

Я позволил себе ухмыльнуться и замедлил шаг. Всё-таки, любопытно, какую лапшу он начнёт вешать дальше. Экзотика, как ни крути.

Мой интерес был замечен и оценен:

– Знаю, звучит странно, но я готов всё объяснить! Только история у меня длинная. На улице, на ходу, неудобно. Вы не против, если мы присядем?

Он кивнул на приличного вида кафе-кондитерскую в полуквартале от нас и, заметив мою кислую гримасу, поспешно добавил:

– Я угощаю.

Почему бы и нет? Место людное, по темечку не отоварит, если вдруг что. Кофе с булочками опять же. Нет, лучше с

круассанами. С горячими. То, что нужно невыспавшемуся человеку в эту холодину и слякоть. Ни слова не говоря, я направился к заведению, высматривая по пути столик поуютнее.

2. Хез

Только бдительный и осторожный человек может позволить себе быть любопытным. Я демонстративно проигнорировал столик, предложенный продавцом душ, равно как и другой, предложенный официантом, выбрав место в дальнем углу, откуда хорошо просматривался вход. Для того, чтобы усесться спиной к стене, столик пришлось отодвинуть.

Новый знакомый в ответ на эти манёвры лишь понимающе улыбнулся и кивнул. Официант же, уверенный в том, что ему придётся расставлять всё по местам после нашего ухода, принял заказ с подчёркнуто недовольной миной.

– Давай хоть познакомимся. Я Виталий, – соврал я, едва мы остались одни.

– Хезкиягу.

Он произнёс этот набор звуков как-то не по-русски, с заметным придыханием, отчего “г” получилось похожим на “х”, да и понять, с какого звука начинается сия тарабарщина было затруднительно. Не было таких букв в русском алфавите. До сих пор у него проблем с дикцией не было. Видимо, какой-то другой язык.

– Чего?

– Имя такое, из Ветхого Завета. Можешь звать меня просто Хез.

От имени веяло пылью веков и божьей карой не пойми за что. В самый раз имечко для продавца душ.

– Врёшь, поди.

– Вру, – согласился он. – Но ты первый начал.

– Я первый? Ну... да. погоди! Ты что, про душу серьёзно?

– Абсолютно.

Псих. Или наркоман. Как определить, что человек под наркотиками? Зрачки, вроде, расширяются? Движения медленные? Определяют же как-то! Я попытался незаметно рассмотреть его зрачки. Получилось заметно и ничего особенного я в них не высмотрел. Зрачки как зрачки. Хез осмотр никак не прокомментировал, лишь чуть скривился, словно пытался сдержать улыбку.

– Существование души до сих пор не доказано, – авторитетно заявил я, чтобы хоть как-то прервать неловкое молчание. – На священные писания и бред астральных шарлатанов можешь не ссылаться. Они голословны.

– Надо же... – пробормотал он. – Вот на материалиста я ещё ни разу не попадал. Доказывать существование души...

– Даже не пытайся, – подхватил я, стараясь не слишком откровенно ликовать.

Тут Хез, похоже, немного обиделся. Голос его стал набирать силу и исполнился сарказма.

– Рациональный ты мой и здравомыслящий, – процедил он. – Считай для удобства, что души нет, а я сумасшедший. Предположи, что я буйный, у меня обострение и единственный способ от меня отделаться – это поддакивать и соглашаться. Это не так, но в это тебе будет легче поверить без особых доказательств.

– Тут полно народу. Если я позову на помощь...

– Валяй, – фыркнул он. – Выстави себя идиотом. Я к тебе пальцем не прикоснулся. Психиатрическое освидетельствование подтвердит, что я нормален. Думаешь, я расскажу им, что хотел продать душу? Ха-ха!

Влип. Хотя... Я молча встал и направился к выходу. Проходя мимо Хеза, я готов был в любой момент отразить удар или другую неприятность, которую он заготовил на случай отказа, но напрасно. Он всего лишь провожал меня задумчивым взглядом. Оказавшись спиной к нему, я осторожно огля-

нулся через плечо и прибавил шагу, чтобы поскорее увеличить расстояние. Между лопаток противно чесалось.

– Ты даже не желаешь знать, что я за неё хочу?

Вот ведь змей! Мне действительно было любопытно. В конце концов, я ж не Сатана какой-нибудь и вряд ли у меня есть то, что он попросит. Просто узнаю, с великим сожалением откажусь и уйду. Даже за стол садиться не стану. Пусть подавится моим круассаном!

Пришлось вернуться. Не кричать же ему об этом на весь зал. На нас и так уже смотрели. Я заметил пару многозначительных усмешек, а пожилой, но ещё крепкий мужик, принимавший у продавца торжественного вида картонную коробку с тортом внутри и бантиком снаружи, подумал, что содомиты совсем распустились и уже в общественные места ходят, чтобы публично устраивать друг другу сцены. Ему очень хотелось накинуться на нас с разъяснениями, но он боялся помять торт. Я не умею читать мыслей, разумеется. Просто некоторые люди очень громко думают.

– Ладно, что ты за неё хочешь? – спросил я вполголоса.

– Чтобы ты оставался в живых, пока эта душа находится у тебя. Не вечно, конечно. Но лет двадцать – достаточно.

– Ну-ну. А для себя чего хочешь?

Я ухмыльнулся, но он совершенно серьёзно ответил:

– Покоя. Мне достаточно знать, что она больше не мучается и живёт у хорошего человека.

– Живёт? А где она у меня жить будет?

– Считай, что нигде. Ты же считаешь, что её нет, верно? Получится, что я приобрету покой, а ты ничего не потеряешь. Ну, разве что двадцать лет ещё проживешь.

– Можно подумать, я их без твоей помощи не проживу.

Тут он, наконец, улыбнулся. На мой взгляд, совершенно некстати и весьма снисходительно.

– Дорогой Виталий, или как тебя там! Твоя тонкая душевная организация и склонность к суициду по надуманным

поводам у тебя на лбу написаны. К психологу можно не ходить! – говорит, а сам, зараза, не на лоб – на запястье показывает, где шрамы остались. – Тут какая-никакая, но ответственность, в следующий раз дважды подумаешь, прежде, чем глупости творить.

– А вот это, – говорю, – не твое дело, Хез. Или как тебя там...

– Евгений, – улыбнулся он и погрустнел. – Правда. Не мое дело, конечно. Но правда и то, что я ей столько обеспечить не могу. Утром у доктора был, уже у третьего... Он сказал “лет пять”. Порадовал, стало быть... Остальные... меньше давали.

Он вдруг быстро заморгал и отвернулся. Мне немедленно всё стало ясно. И ещё – стало неловко. Оказывается, человек в утешении нуждается, у него дурные вести, крыша едет, и, с учетом обстоятельств, не удивительно, что едет. Получи я подобный приговор, ещё не такой цирк устроил бы. Насчет тонкой душевной организации Хез... то есть, Евгений... то есть, Женя всё правильно угадал. Я немедленно расчувствовался.

Оставалось немного вариантов – либо стоять столбом, либо ободряюще похлопать его по плечу и вернуться на прежнее место, чтобы сделать вид, что покупаю его несчастную душу и подарить безнадежно больному человеку хоть какую-то надежду. Я выбрал второе. Хлопать пришлось осторожно. Уже занося руку, я вдруг подумал, что стоит уточнить, не заразно ли это, хотя и не понятно, как спросить потактичнее.

На улице у входа в заведение громко сплюнули. Я обернулся на звук. Мужик с тортиком неодобрительно смотрел на меня через стекло. “Понял, да?” – подумал он громко, присовокупив к этой нехитрой мысли ещё несколько, позаковыристей. Я кивнул с самым невинным видом. Он мрачно отвернулся и пошёл не оглядываясь. На его удаляющейся спине было написано обещание ещё встретиться и показать.

– Хорошо, – сказал я, усаживаясь на прежнее место. – С ценой понятно. Просто прожить двадцать лет – получается, что я как бы даже и не плачу, поскольку и так собирался это сделать. А для тебя это просто огромное приобретение.

Он кивнул, стараясь не показывать облегчения.

– Предположим... Только предположим, что я соглашусь... – тут я позволил себе скептически улыбнуться. – Душу ещё даже не научились обнаруживать, а ты, получается, уже знаешь, как её передать кому-то другому. Как ты собираешься это сделать?

– Как-как – по старинке. Способ давно известен.

Он развернулся, снял аккуратно сложенный плащ со спинки стула и начал копаться в его недрах, стараясь не нарушить тщательно выверенных складок. Я наблюдал за его действиями с благоговейным ужасом человека, привыкшего носить первое, что выпало поутру из шкафа. Люди, с маниакальной тщательностью следящие за одеждой, всегда казались мне одержимыми, которые не убивают небрежно одетых прохожих вроде меня лишь потому, что боятся забрызгать свои нежно лелеемые шмотки.

– Вот, – сказал Евгений, протягивая мне картонный пенал, похожий на те, в которые некоторые уличные художники упаковывают свои скетчи. – Ознакомься.

Рука его заметно дрожала от волнения. Чем более заинтересованным я выглядел, тем сильнее он нервничал, очевидно, боясь, что сделка сорвётся. Я быстро сообразил, как открывается картонный цилиндр, извлек из него рулон плотной бумаги и осторожно развернул.

Текст был написан от руки неуклюжим почерком типичного представителя информационного века, привыкшего печатать и отвыкшего писать, но очень старающегося сделать всё красиво. Я пробежал документ по диагонали, не поверил своим глазам и начал вчитываться. Прочёл дважды.

Глухомань и средневековье. Сумерки духа под пятою мракобесия. Воображение живо нарисовало сырой подвал с цепями и жаровнями, тщедушного еретика на дыбе и немых монахов в дерюге, конспектирующих вопли несчастного.

Думали ли они, что века спустя кто-то выкопает в неведомых исторических архивах их сочинение, слегка подправит и всерьёз возьмется совать на подпись первому встречному? Договор о продаже души. Вместо имени Сатаны оставлен приличных размеров пробел для имени покупателя, внизу – место для подписи. Названная Женей цена честно прописана, без всяких дополнительных условий и оговорок. Кроме необычности предложения, придаться не к чему.

– Имя, как ты понимаешь, придется указать настоящее, – осторожно подал голос Женя, заметив, что я взялся перечитывать договор в третий раз.

Я поднял на него глаза, собираясь напомнить, что ещё ничего не намерен подписывать, и подавился своим язвительным замечанием. Женя больше не был решителен и самоуверен. Он был бледен и жалок, очень старался не смотреть умоляюще, но ничего не мог с собой поделать. Безнадёжно больной, медленно умирающий человек, больше всего нуждающийся сейчас хотя бы в лживом утешении, которое мне ничего не будет стоить. Бредни дремучих инквизиторов – всего лишь бредни, сколько ни называй их договором. Души нет. А он – есть, ещё живой и уже очень несчастный человек, ради которого стоит довести эту дурацкую игру до конца.

– Ручка есть?

Женя взял пенал и вытряхнул из него две ручки – обычную шариковую и перьевую. Следом за ними выпала игла от медицинского шприца в пластиковой упаковке, которую он поспешно подхватил со стола и зажал в кулаке, покосившись на зал. Напрасно. На нас давно не смотрели. Посетители уткнулись в меню, кофе с пирожными и салаты, а официант игнорировал сочтя бесперспективными.

Я как мог аккуратно вписал в “договор” свое имя и протянул бумагу Жене. Он снова покосился на равнодушный зал, вытащил иглу из упаковки, быстро ткнул себя в указательный палец правой руки и схватился за перьевую ручку. Подпись кровью – надо же! Чистое Средневековье.

Он не спешил. Сидел, задумчиво переводя взгляд с капельки крови на пальце на ручку. Едва я успел подумать, что на такое варварство и мракобесие действительно надо сначала решиться, как он шёпотом чертыхнулся, снова вытащил иглу, измазав кровью упаковку, и проткнул себе левый указательный палец. Ну, конечно! Если ты правша, то правый указательный в качестве чернильницы неудобен.

– Скажи, если кто-то приблизится, – негромко попросил он. – Не хочу, чтобы видели.

Я кивнул, и он принялся аккуратно выводить подпись. Возился долго: сказывалось отсутствие навыка. Прокколол палец ещё раз. Долго, стараясь делать это без шипения и присвиста, дул на подпись, помогая ей быстрее высохнуть. Наконец, осторожно тронув свой автограф и убедившись, что он не размажется, свернул бумагу, упаковал в пенал и протянул его мне.

– Благодарю тебя, Алексей, – торжественно сказал он. – От всей души благодарю.

– Думаю, ещё никогда эта фраза не была настолько уместной, – усмехнулся я, и он расхохотался вместе со мной. Лицо его в тот момент было совершенно счастливым.

Я протянул руку и взял у него пенал с договором. Разумеется, ничего особенного при этом не произошло.

3. Леха и здравый смысл

В ту ночь я долго не мог уснуть, всё думал о договоре. Подписать-то я его подписал, но так до сих пор и не понял, с кем. Женя, определённо, был человеком, пусть и немного

спятившим. Ничто не указывало на обратное. Узнать о нём побольше не получилось. По завершении сделки, он окончательно погрузился в апатию, словно она отняла у него последние силы. Приветливый и уверенный в себе поначалу, он заметно сдавал с каждой минутой, и пенал протягивал уже дрожащей рукой. На попытки продолжать разговор реагировал вяло. Посидев ещё немного для приличия, он пожаловался на самочувствие, попросил счёт, расплатился и, ещё раз поблагодарив на прощание, ушёл.

Я ворочался, всё пытаюсь определить, помог я ему на самом деле или, наоборот, навредил. Быть может, из-за того, что я ему подыграл, он окончательно спятил? Мои знания в области психиатрии ограничивались псевдонаучно-популярными статьями, из тех, что коллективное бессознательное распространяет в социальных сетях, сопровождая выводами столь дикими, что даже дилетант вроде меня хватался за голову в ужасе за будущее человечества. Придя к выводу, что ничего в этом не понимаю, я решил не забивать голову допущениями и обратился к здравому смыслу.

– Представь себя на его месте, – рассудительно молвил здравый смысл, со вздохом закатывая рукава и принимаясь раскладывать смешавшиеся мысли по полочкам. – Жить тебе осталось пять лет в лучшем случае. Карьера теряет смысл. Подвигам не хочется. Обязательства перед семьёй... Кольцо у него на пальце было? Нет. Видимо, нет таких обязательств. Друзья-родня и любовницы, если есть – от этих привязанностей лучше избавиться, чтобы людей и себя не мучать. Короче, полностью свободен. Душу пристроил в хорошие руки, телу терять уже нечего. Какие у нас тогда варианты?

– Самоубийство или во все тяжкие на дорожку!

Здравый смысл многозначительно умолк, довольный тем, как в очередной раз всё ловко расставил по местам.

Я вскочил с кровати, нашарил в темноте штаны и принялся спешно одеваться. Просунул ногу в одну штанину и

долго пытался найти вторую. Она была на месте, но вход в неё отсутствовал. Я боролся со строптивой тряпкой, стараясь не терять отвоёванных позиций и потому всячески вертел её вокруг уже одетой ноги. Наконец, я взбесился и решил, что вход в штаны будет там, где я решу, попытался применить силу и в результате даже сумел пропихнуть ногу до середины голени, после чего запутался окончательно, выругался и плюхнулся задом на кровать. Ну и чёрт с ними, так пойду, решил я и начал шарить в поисках рубашки.

Шарить стреноженным было неудобно. На расстоянии вытянутой руки рубашки не нашлось, а попытка встать успехом не увенчалась. Я потихоньку начал остывать. Первый порыв прошёл, чем не преминул воспользоваться здравый смысл, всё это время снисходительно наблюдавший за моей суетой.

– Ты куда это на ночь глядя?

– Надо его найти!

– Зачем?

– Самоубийство же.

– Балда ты. Если он заранее всё так планировал, то уже управился. У него несколько часов на это было. Хочешь тащиться ночью через полгорода в этот отстойник, чтобы полюбоваться на труп? А ведь ты даже не знаешь, где его искать!

– Да, но...

– Если суицид, то он уже. Если во все тяжкие, то не мешай человеку. Спать иди лучше.

– Уснёшь тут... Раз ты такой умный, то может ещё и объяснишь мне, что не так со штанами?

– Свет включи, наконец, дятел.

Я включил. Здравый смысл великодушно промолчал. Вот за что его люблю – он никогда не опускается до саркастических замечаний когда оказывается прав.

Раздеваюсь я небрежно. Левая штанина оказалась вывернутой наизнанку, что в темноте и спешке было совершенно

неочевидно. Пропахивая в нее ногу, я на четверть вывернул её обратно и так застрял. Выбравшись из вероломной тряпки, я мстительно запустил ею в самый дальний угол, мысленно пожелав ей быть обгаженной котом, уткнулся носом в подушку и уснул.

4. Хозяин

Снился мне, разумеется, Женя. Он сидел на подоконнике моей совершенно пустой спальни, уже не элегантный и прилизанный, а просто домашний. На нём была рваная футболка и застиранные семейные трусы. Лицо его было бледным и опухшим, с синими мешками под глазами, борода оказалась втрое длиннее, чем при первой встрече и в своей неопрятности напоминала мочалку. За окном светило солнце, других подробностей видно не было.

– Здравствуй, хозяин.

– Хозяин?

– Купил – значит хозяин, – отрезал он. – А ты думал, всё понарошку? Ну, конечно, ты так и думал! Что ж, вынужден тебя разочаровать. Или поздравить. Это уж как смотреть на вопрос...

Влип. Вот теперь действительно влип. Что я с ним теперь буду делать? Я так его и спросил.

– Да ничего не надо со мной делать, Живи как жил. Сил я из тебя не высасываю, вмешиваться ни во что не собираюсь. Даже могу не разговаривать и не сниться, если хочешь.

Ну, если так, то, пожалуй, и впрямь не из-за чего волноваться. Конечно, нельзя будет жить как ни в чём не бывало, зная, что владеешь чьей-то душой, но к этому наверняка можно привыкнуть, как привыкают к новому шраму или серьге в носу. Сам я серег не носил, но по рассказам людей, этим делом увлекающихся, знаю. В Африке, вон, местные жители блюдца в нижней губе носят, и по фотографиям не

скажешь, будто они от этого испытывают какой-то дискомфорт. А тут подумаешь – вторая душа, которая ещё и обещает вести себя прилично.

Опять же, в отличие от блюдца в губе, будет с кем поговорить. Из здравого смысла собеседник так себе, он подает голос только когда меня надо повоспитывать.

– Зачем сразу “не разговаривать”? Ты человек в общении приятный и не дурак. Будет интересно. Болтай. Только не мешай во время работы и...

– За личную жизнь не беспокойся. Отключаться буду наглухо.

– А... – замялся я. – Ну, спасибо. Привыкать, конечно придётся.

Мы помолчали. Женя поёрзал на подоконнике и выразительно посмотрел на угол, где в реальном мире стояло кресло.

– Ты позволишь поставить тут немного мебели? Я не могу без твоего согласия.

– Ставь.

Я был заинтригован. Откуда он её возьмет? Точнее, взял. Одно кресло немедленно материализовалось в углу. Другое ткнулось мне под коленки. Вдоль стены появилась кровать, рядом с ней – тумбочка с ночной лампой и стопкой книг. На окнах появились шторы, на полу – пушистый коврик. Свет в окне погас, сменившись ночной тьмой, лампа на тумбочке включилась. Стало уютно.

– Женя, – спросил я усаживаясь в кресло. – а что сейчас с твоим телом происходит?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Ходит где-то. Живёт.

– Я боялся, что ты... что оно самоубийство совершит.

Женя хихикнул и покачал головой.

– Вот это вряд ли. Ему сейчас без меня хорошо. Гудит, поди, на радостях. С неделю в сознание не придёт.

Это было очень странное ощущение – мира, вставшего с ног на голову. Совсем недавно я считал, что тело без души – это нормально. Души как бы не было, за всё в ответе был мозг с его памятью и воображением, гормоны всяческие. А теперь-то... Если душа есть и она определяет личность, то тело без души – теперь это стало ненормальным. Вот оно ходит теперь – опустевший набор из костей и плоти, управляемый мозгом и буруеваемый гормонами – и что-то ведь там где-то делает. Вытворяет!

Как это вообще можно уложить в голове и понять, что осталось? Получалось какое-то уравнение. Человек минус душа равно... Чему равно? Я посмотрел на Женю, и мне стало жутко. Если убрать то, что из себя представляет Женя, то выходит... Ой-ёй-ёй что выходит. Зомби какой-то. Тело может разговаривать и передвигаться. Счёт оплачивать может. А кроме этого?

Женя, с интересом наблюдавший за мной, наконец, подал голос:

– Да ты не переживай, хозяин. Всё с ним будет в порядке.

Мне стало противно. Я чувствовал себя гадким рабовладельцем и угнетателем. Сразу захотелось дать ему свободу. Я ведь даже в компьютерных играх всегда всех освобождаю, а уж если в какой-то книге владелец верного раба, исполненного лучших душевных качеств, не спешил даровать ему свободу, я просто с ума сходил от ненависти к вымышленному угнетателю. Слово мне не нравилось.

– Ты можешь перестать называть меня хозяином? Имя ведь знаешь!

– Могу. Но лучше не надо, – серьёзно ответил он. – Я должен помнить, что ты здесь хозяин.

– А то что? – насторожился я.

– А то во всё вмешиваться начну, жизни учить, командовать тобой начну. Есть много вещей, в которых я лучше тебя разбираюсь. Тут только начни – не заметим, как увлекусь и

растопырюсь во всю ширь и назад в рамки ты меня уже вряд ли загонишь. Тесно нам с тобой станет вместе – хоть вой.

– Ладно... – рассеянно сказал я. – Посмотрим.

Я решил хорошенько обдумать его слова напару со здравым смыслом, когда тот придет в себя. После сегодняшнего он вряд ли остался настолько же здоровым, как прежде.

– Поживём – увидим. Доброй ночи, хозяин.

– И тебе.

5. Те же и яичница с колбасой

Кот не подвёл. Штаны поутру встретили аммиачной вонью, которую я учуял лишь подняв их с пола и ощутив, что пальцам мокро. Шипя проклятия и брезгливо тряся в воздухе осквернённой рукой, я кинулся в ванную.

Кран кашлянул в подставленные ладони скопившейся за ночь ледяной ржавчиной, но тут же, словно спохватившись, с виноватым урчанием выдал ровную струю прозрачной воды. Я посмотрелся в забрызганное зеркало и не обнаружил в нем ничего, что могло бы меня обрадовать.

– А тебе бы пошла борода, хозяин.

Голос Жени звучал не в голове, а откуда-то со стороны правого плеча. Я машинально оглянулся, потом снова посмотрел в зеркало. Опухшая небритая рожа с мешками под глазами – это явно я. Больше никого. Пожалуй, даже странно было бы, объявись Женя во плоти. Или нет? Не думаю, что после такой ночи меня можно чем-то удивить. Звучит – и пусть звучит, ладно. Человек, купивший душу, не должен удивляться тому, что ещё вчера считал сверхъестественным.

– Такая, знаешь, сантиметров двадцать-двадцать пять, – продолжал Женя.

Ничего подобного! С такой бородой и без мускулатуры я стану похож на пассивного дровосека. В памяти живо всплыл характерный типаж, виденный накануне – тонконогий, с

жирной задницей и нелепым брюшком, торчащим из-под модно расстегнутой клетчатой рубахи. Я не хотел иметь ничего общего с этими гротескными существами.

– Так подкачайся.

Я вздрогнул. Он читает мои мысли!

– Не все. Только когда ты откликаешься на мои слова.

И то хорошо. Я не всеми мыслями готов делиться. Что до стиля, то женин стиль мне нравился больше.

– Это привычка, которую вырабатывают годами. Не для твоего темперамента.

Я вспомнил, как он возился с плащом и пришел к выводу, что не готов к такому самоистязанию. Это как с восточными единоборствами – хочется уметь вот так красиво, но десять лет тренироваться по часу в день – так ну его, есть дела поважнее.

Мы хранили молчание до самого холодильника, и лишь взявшись за замызганную ручку с потрескавшимися от времени пластиковыми вставками, я почувствовал, как внутри что-то сжалось от отвращения. Женины чувства можно было понять. Я этого холодильника чистым никогда не видел. Так и получил его при переезде, с облупившейся эмалью и забрызганной разноцветной едой дверцей. Одно время очень хотелось заклеить все это безобразие рекламными магнитами всяких магазинов, но мне быстро надоело.

Полупустые полки напоминали рыбы скелеты, погребённые под объедками неудавшихся кулинарных экспериментов. В очередной раз подумав, что неплохо было бы разобраться и повыкидывать откровенно несъедобное, я достал из ячейки в дверце пару яиц, кусок колбасы и ещё бодрую половинку томата.

– Хозяин, стесняюсь спросить, но мне лучше знать заранее. Про какие интимные моменты ты говорил? У тебя явно нет женщины.

А не твое дело, подумал я. Мало ли какое дело не терпит свидетелей. Что, всё перечислять?

– Понял. Буду отключаться при малейшем подозрении. И сам говори, не стесняйся.

Хороший вопрос – когда ему отключаться, думал я, отмывая сковородку от вчерашнего ужина. Когда я только что проснулся, любой комментарий может вывести меня из себя. Борода эта. Холодильник. А про женщину – это было особенно обидно, ибо давно было чистой правдой, и этот факт меня удручал.

– Я не специально. А хочешь – помогу найти. Должна же быть от меня хоть какая-то польза.

Тут я обиделся. Можно подумать, сам не найду, если захочу. Эта мысль воскресила воспоминания о двух-трёх последних находках. Они были таковы, что Женя, с которым я невольно поделился этими образами, охнул и надолго замолк. Видимо, собирался с мыслями, чтобы должным образом посочувствовать.

– Слушай, хозяин... Но по ним же с самого начала было видно, что они ненормальные. Тебе никто не говорил, что надо доверять инстинкту самосохранения? Вокруг полно женщин, которые не станут красть у тебя деньги и продавать твою мебель барахольщикам. Я уж не говорю про наркотики. Что значит “рылом не вышел для нормальных”? Очень даже вышел. И уж поверь, у средней женщины с самооценкой ещё хуже, чем у тебя. Они сами про себя так думают. Даже когда ты потерял голову от счастья в их объятиях... Зря ты так мелко колбасу шинкуешь. Сгорит.

Ну, начинается. Сейчас он ещё начнет рассказывать о вреде полуфабрикатов.

– Зачем, если ты и сам знаешь? Не понимаю только, что заставляет тебя продолжать этим питаться?

Блин, надо было перед покупкой уточнить, не придерживается ли он какого-нибудь пищевого культа. Кусок медового торта, который он тогда заказал к кофе, усыпил мою бдительность.

Женя в ответ лишь хихикнул, но я уже завелся. Как же меня бесит, когда лезут в тарелку! На работе приходится отдельно обедать. Все на диетах или хотят на диету и всякий раз обсуждают еду друг друга с таким видом, будто в жизни не находили своим мозгам лучшего применения. Тревожный признак, скажу я вам.

Кулинарные предпочтения в наше время всё больше напоминают религии, вот только практиковать религию ныне считается не очень прогрессивным, а заморачиваться с едой – как раз наоборот.

Но велика ли между ними разница?

Священные писания про еду есть, с заповедями и поучениями.

Толкования к ним – в изобилии.

Пророки – сколько угодно.

Святые угодники – сонмы, как полагается. Причём, большинство ещё живы и вещают.

Проповеди и религиозные диспуты? Полный интернет.

Бытовая демонология тоже хорошо проработана. Чеснок вызывает агрессию. Вода чтоб только минеральная. Сахар вреден. Салаты – для лошадей. Овсянка – кал. Чипсы вредны. В суши сырая рыба. От жирного жиреют.

Сектантский сленг? Сколько угодно. Еду называют углеводами и белками. Овощи и фрукты – источниками витамина А, В или С, либо сорняками. Мясо – мертвечиной.

Храмы? Не у каждой секты, но есть. Я про рестораны и пабы, разумеется.

Священная еда? А как же без неё? Пиво. Органика. Чай. Салат. Шашлык. Как-то видел сайт любителей тэмпура. Там была обширная статья-введение, в которой ни разу не написали просто "тэмпура". Всегда и непременно это был "нежный тэмпура", никак иначе.

Атеисты, еретики, сектанты, юродивые и раскольники – полный комплект.

Достаточно?

Похоже, после того, как религию раскритиковали в пух и прах, весь нерастраченный пыл был перенаправлен на еду. Неужели действительно существует некая базовая потребность в жизни праведной, которая активизируется, если попадётся достаточно убедительный свод правил, соответствующий душевным чаяниям?

Знаешь, чего религиям и диетам не хватает для полноты сходства? Всего одной детали – священных войн. Соевых походов и мясных джихадов не хватает. Пельменных войн и противостояний Цветной и Белой Капусты.

Мне нравится думать, что таких войн не будет, но слишком уж много тут стало фанатизма. Всякое может быть. Религиям тысячи лет, а обожествление еды – вещь сравнительно новая и ещё развивающаяся. Что будет, когда на смену государственным религиям придут государственные диеты? Как скоро полковой диетолог будет причащать праведных воинов зелёным горошком, благословляя на бой с проклятыми фасолеедами?

Ты как хочешь, а я решил не удивляться, если вдруг что-нибудь этакое грянет. И знаешь, что я тогда сделаю? Отыщу секту, божество которой устраивает всемирные потопы по заявкам праведников, пробьюсь в самые главные сверхправедники и выклянчу воды по самый Эверест и ещё чуть-чуть сверху. Такого человечества уж точно не будет жалко. И воду, опять же, можно всем, так что сгинут не во грехе.

Пусть лучше дельфины правят миром, раз люди за два миллиона лет эволюции не поумнели.

И вообще, хватит наглеть. То бороду тебе подавай, то спортом займись, то колбаса тебе не угодила. Заткнись и не лезь ко мне больше. Ещё не хватало, чтобы всякие ментальные паразиты учили меня жизни!

6. В поход за счастьем

Вымакивая желток с тарелки хлебной коркой, я напряженно думал о том, как быть дальше. Здравый смысл был болен. Он лишь слабо простонал, что мои бледный вид, вялость и раздражительность суть типичные симптомы хронического недосыпания и к двоедушию отношения не имеют, после чего взмолился о пощаде, каковую великодушно получил. Насильно мил не будешь. Что ж, можно пока пожить и без здравого смысла. Я пустил мысли на самотек.

Предложение помочь с поисками подруги мне нравилось. Главное – следить, чтобы он лез с советами в нужный момент, а в ненужный – наоборот, не лез. Вреда, если подумать, от него действительно никакого, а вот пользу можно было бы попробовать извлечь. Это же целая душа, прожившая четверть века, она наверняка ещё что-то умеет, кроме как следить за внешностью и соблазнять девиц. Пока не похоже на то, что мы подружиться, как бы он передо мной ни стелился, но поживем – увидим.

Ощущение присутствия ещё одного человека пропало, едва я приказал Жене заткнуться. С тех пор он себя никак не проявлял. Правда, я дважды позвал его, дабы убедиться, что мне не померещилось. Он честно отзывался: “Я здесь, хозяин!” и снова исчезал. Мне хотелось поболтать, но я всё ещё дулся.

Убедив себя, что работать в таком состоянии всё равно не смогу, я позвонил шефу и сказался больным. Шеф скрипел: план горел, рабочих рук, как всегда, не хватало. Ему очень хотелось видеть меня в офисе, но он прекрасно понимал, что уговоры не помогут. Участковый врач у меня удобный, на слово верит и справку даст без вопросов. Даже язык показать не попросит. Что он, языков, что ли, не видел?

Шеф с надеждой спросил, буду ли я на работе завтра, и, получив заверения, что скорее всего да, отключился. Дел там

и впрямь было невпроворот. Мы переезжали на новые сервера, начались летние продажи, а следить за сайтами было некому.

– Терпи шеф, директором будешь, – шепотом пожелал я и стал смотреть в потолок, размышляя над тем, как привести мысли в порядок, как теперь жить, а главное – чем занять себя в этот выходной.

Планов, конечно, скопилось много – недоделанных дел, идей и проектов, но точно так же, как меня не стоило подпускать к чему бы то ни было серьезному на работе, и в личных интересах чего-либо глобального предпринимать тоже не следовало.

– Душа не на месте. Вот как это называется.

Не знаю, зачем я произнес это вслух. Видимо, хотел поделиться мыслью с кем-то. С Женей, например. Но тот послушно молчал.

– Женя.

– Да, хозяин.

– Блин, это невыносимо! Называй меня по имени... Я приказываю!

– Слушаюсь. Но я тебя предупреждал...

– И оставь этот подобострастный тон. Меня с него тянет на блёв. Скажи лучше вот что. Ты как-то хотел помочь мне с поисками подруги.

– А ты готов?

– Да.

– Тогда в душ. Потом в парикмахерскую. И в магазин за новыми штанами.

Но ведь эти ещё достаточно новые. А что до котовых художеств, так их можно отстирать

– Вот и прихвати их тогда с собой. Сравнишь с точно такими же новыми и почувствуешь разницу. В этих ты можешь подцепить только какую-нибудь самку панка.

Начинается. В кино после такого всё принимается быстро вертеться, героя показывают в парикмахерской, у маникюрши, у стилиста, а потом идёт нарезка в каком-нибудь магазине с модными тряпками, которые он быстро меняет и кривится, рассматривая себя в зеркало до тех пор, пока не оказывается в чём-то, что он и его друзья радостно одобряют. После этого они едут вершить подвиги или развлекаться, оставляя зрителя недоумевать, чем же вот этот набор тряпок так отличается от предыдущих, не менее идиотски выглядящих. Думаю, это какой-то специальный кинематографический приём и у него даже есть название.

Так вот, со мной ничего подобного не случилось. Я помылся, побрился, забежал в парикмахерскую, купил новые штаны, ботинки и пару рубашек. Монтажера, который втиснул бы все это в полминуты экранного времени, рядом не оказалось, поэтому в четыре часа дня я, уже изрядно уставший, обедал в какой-то забегаловке, стилизованной под китайскую. Курица по-сычуаньски и чай. Еда мне не нравилась, равно как и то, что половина выходного уже прошла, но ни отдохнуть, ни привести мысли в порядок, ни хотя бы обзавестись подругой я так и не сумел.

Женя, внимавший этому заунывному внутреннему монологу, наконец, не выдержал:

– Леха, но в магазине штанов была очень красивая продавщица.

Это точно.

– Она тебе нравилась, а ты ей даже слова не сказал.

Я вспомнил её. Блондинка с серыми глазами, стройная и обманчиво хрупкая на вид. Что такой кукле понадобилось в обычном магазине с обычными мужскими штанами? Ей бы больше подошёл бутик, причем в качестве не продавщицы, а покупательницы. Эта фея задрипанных джинсов была слишком красива и слишком хороша для человека, бредущего раз в неделю.

– Слишком хороша? Не морочь себе голову! Чтобы ты ни придумал, она откажет тебе по какой-то другой причине.

Да какая разница, по какой? Результат в любом случае будет одинаковым.

– С чего ты взял? Это она тебе сказала?

Нет, конечно. Я же с ней парой слов не обмолвился. Стеснялся.

– Вот что я тебе скажу, Леха. Если ты так уверен, что тебя все равно отошлют, то терять тебе нечего. Иди и попробуйся. Хуже не будет.

А лучше?

– Лучше может быть вполне. Да пойми же ты, красивым женщинам не чуждо ничто человеческое. Они так же как и все не любят одиночества.

С чего он взял, что она одинока? С такими-то внешними данными! Да за ней толпы поклонников должны увиваться.

– Ты ж не в поклонники метишь. Продолжать увиваться после отказа тебя никто не заставляет. И ещё. Не забывай про одну маленькую деталь. Красивые женщины многими воспринимаются как показатель статуса. Вокруг неё увиваются не столько поклонники, сколько желающие сделать из неё побрякушку, вроде бриллиантовой запонки или личного шофера.

Замечательно. Мне придется конкурировать с бандитами и мажорами! Очень вдохновляет.

– Болван! Не все женщины готовы играть такую роль. Кое-кому нужна любовь или что-нибудь подобное, искреннее, от души. Да, черт тебя возьми! Хватит мямлить! Продавала бы она штаны, если бы была готова стать чьей-то побрякушкой?

– Придержи-ка язык, – забывшись буркнул я вслух.

К счастью никто вокруг не обратил на меня внимания.

– Извини. Меня взбесила твоя нерешительность.

Я обиделся на него и велел заткнуться. Потом допил чай, подумал ещё немного и пришел к выводу, что нечто разумное в его словах есть. Как-то слишком логично для человеческих отношений, но все равно. В чем он наверняка прав – так это в том, что от попытки хуже не станет.

Я забежал в туалет в надежде найти там зеркало и оценить внешний вид. Зеркало, к сожалению, нашлось, и увиденное едва не стоило мне остатков решимости. И вот это недоразумение сейчас пойдет соблазнять прекрасную богиню штанов? Тут я вспомнил про Женю и решил не отступать хотя бы ради того, чтобы утереть нос этому наглому хлыщу. Кое-как восстановив прическу, я направился обратно в магазин, стараясь не думать о том, что не умею завязывать и вести беседу с незнакомками. Да, не умею, но надо же на ком-то тренироваться. Поэтому я иду тренироваться. Вот!

Женя молчал. Мне почему-то казалось, что он наблюдает за мной со снисходительной улыбкой.

7. Фея задрипанных джинсов

– Девушка, у меня тут проблема. Я купил у вас джинсы, и там... Извините, как вас зовут?

– Оля.

Слово “проблема” ей не понравилось. Она посмотрела на меня настолько неприветливо, насколько позволяла должность. Заученная полуулыбка и лёд на дне серых глаз.

– А меня Алексей. Вот, взгляните...

Я расстегнул ремень и несколько верхних пуговиц и зашарил вдоль внутреннего шва на уровне пояса.

– Тут что-то царапается...

При взгляде на неё стало ясно: всё пропало. Она выглядела несколько ошарашенной таким представлением, но ещё не определилась с реакцией. Похоже, сейчас она возмутится и отпустит такое замечание, на которое обернётся весь магазин и я стану посмешищем.

– ... думаю, какая-то нашивка, – по инерции пролепетал я и обмер, чувствуя, как уши начинают гореть.

Самое обидное, что там действительно что-то царапалось, и по дороге в магазин это нечто казалось отличным поводом, чтобы завязать разговор. Устраивать публичный стриптиз из этого, конечно, не стоило.

Похоже, Оля поняла причину замешательства и милостиво пришла на помощь:

– Дайте я взгляну.

Она провела пальцами вдоль внутреннего шва, сказала “Ага!” и дернула за мою новую рубашку, что-то в ней с треском порвав.

– Вот, – провозгласил надо мной ангел небесный, протягивая оторванный от рубашки картонный ценник. – Забыли снять.

Слова с большим трудом доходили до меня, всё ещё пребывавшего в мире блаженства. Мир этот был мал и равнялся по площади отпечаткам четырёх подушечек пальцев, таких тёплых, нежных и сильных, осчастлививших меня случайным прикосновением к спине во время поисков треклятого ценника. Чувствуя, что краснею и окончательно теряю дар речи, я стоял с картонным прямоугольником в одной руке, расстегнутыми штанами в другой и глупой улыбкой на лице. На большее я сейчас не был способен. Мне надо было как-то пережить то, что мой мир только что стал больше в полтора раза: передавая добычу, она коснулась моих пальцев. Всё. Я бревно. Счастливое, бессловесное и безнадежное.

Женя, выручай. Я знаю, ты умеешь. Делай что хочешь, но не упусти её.

И он не упустил.

8. Геометрия любви

В любовных треугольниках всё просто. Представляешь участников в виде вершин. Каждая вершина к кому-то по-

ближе, от кого-то подальше. Соединяешь их мысленно линиями, расстояния прикидываешь – и сразу видно, кто в выигрыше. Тот, кому до остальных дольше всего тянуться.

Геометрия изучает в первую очередь красивые и исполненные гармонии треугольники. Равнобедренный с острой вершиной – очень удобный вариант, там достаточно беглого взгляда, чтобы понять, кому следует откланяться и уйти. Или прямоугольный, где часто без линейки понятно, чей катет длиннее. Равносторонний и вовсе фантастика – все всех любят одинаково. Так тоже бывает. С остальными чуть сложнее, но и там давно всё изучено. Целый раздел про это есть. Так и называется – решение треугольников. Взял линейку и транспортир, измерил, прикинул – и тычешь в отвергнутую вершину: вы, да вот вы, подите прочь и не усложняйте отношений.

Но то геометрия, теория. Природа же симметрии не терпит. Настоящие любовные треугольники гармонии лишены начисто. Особенно такие, как наш. Кланяться я могу сколько угодно, но выйти из себя в буквальном смысле этого слова не могу. Можно бесноваться и напоминать, кто в теле хозяин, но отрицать очевидное – глупо. Они влюбились друг в друга по уши, и Оля, не зная о моем двоедушии, прекрасно различала нас с Женей. Я ей не нравился настолько, что во время встреч с ней приходилось полностью уходить на второй план, предоставляя Жене свободу действий. Это выглядело как очень глубокий сон, перемежающийся случайными обрывками любовных сцен.

Женя, надо отдать ему должное, принимал всё с огромной благодарностью и старался, чтобы это как можно меньше меня расстраивало. Он следил, чтобы встречи не были слишком частыми, никогда не упоминал о ней, тщательно уничтожал все следы её пребывания и как мог старался загладить свою невольную вину, но всё это мало помогало.

Он хотел быть как можно незаметнее и полезнее. Брал на себя управление телом во время всяких нудных занятий,

вроде совещаний или спортзала, в который я всё-таки записался. Мышцы крепили, стан становился все спортивнее, начальство рассыпалось в комплиментах и грозило повышением, но мне от этого было не легче.

Мерзкая ситуация. Нелепая. Неразрешимая.

Они без ума друг от друга, жаждут быть вместе, но вынуждены довольствоваться жалкой парой часов в неделю. Она ведь даже ночевать не может остаться. Уж не знаю, как он ей это объяснял, но уверен, что это стоило немалых душевных сил и без вранья не обошлось. Лгать любимому человеку – что может быть гнуснее! Он не жаловался, зная, каково мне приходится.

Я-то всего лишь хотел найти себе женщину, поначалу даже без каких-либо серьезных планов. Нашёл, влюбился, но теперь не могу с ней встречаться и вынужден предоставлять свое тело, фактически, сопернику, чтобы он мог любить её. Мне было не привыкать к тому, что женщина выбирает другого. Рано или поздно я сумею выкинуть её из головы, как уже делал ранее, но найти другую – нет. Это будет невозможно скрыть, и у Оли непременно появится масса неприятных вопросов. Она уже сейчас наверняка задумывается о том, почему их свидания всегда так коротки и почему нельзя остаться на ночь.

Поддерживать статус-кво тоже не получится. Женя не сможет выкручиваться вечно. Рано или поздно вопрос будет поставлен ребром. Они желают проводить вместе ещё больше времени. Этак, глядишь, и до семьи дело дойдет. Что прикажете делать? Я и так по несколько раз на дню передаю ему бразды правления, когда она звонит по телефону.

Если задуматься, я Олю практически не знаю. После первых нескольких встреч, когда всё стало очевидно, после болезненного выяснения отношений с Женей и очередного приказа заткнуться, после неудачной попытки развить отношения, мне пришлось смириться с неизбежным и уйти на

второй план. Отношения он как-то спас, но мне лучше было ей больше не показываться. Выкинуть её из головы я смогу. А из жизни – нет.

– Может, правду ей скажем? – нарушил молчание Женя, превращая внутренний монолог во внутренний диалог.

И что это изменит? Пусть даже она поверит. Что сделает любой разумный человек, услышав такую новость?

– Найдёт хорошего психиатра. В лучшем случае.

И попросит дядю доктора, чтобы он вылечил меня от меня.

– Не думаю, что это возможно. Мы оба настоящие.

В таком случае, у нас три варианта – провести остаток дней в психушке, получить пожизненный курс каких-нибудь забористых лекарств или симулировать исцеление, отдав тело под полное управление одного из нас. Третий – самый лучший, но он возвращает нас в исходную ситуацию. Если только...

– Понимаю. Хорошо, Леха. Спасибо за всё время с ней, которое ты подарил. Я поговорю с ней и...

– Не надо!

Я схватился за голову и с воем уткнулся лицом в подушку. Тело, конечно, моё. Я хозяин и мне решать, как оно будет жить, но жалко же их, чёрт побери. И себя жалко. Как ни поверни – пострадают все трое.

Будь проклят день, когда мы встретились и моё дурацкое любопытство! Ведь жил бы себе как раньше. Дом-работа-дом-пивко с ребятами в выходные. В интернет бы тупил и в телевизор. В кино бы кого-нибудь водил, в отпуск бы летал ненадолго куда-нибудь на деньги, которых не имею. Может и спортом бы каким занялся или сделал что-нибудь общечеловечески полезное. Что мне стоило тогда просто пройти мимо, сделав его проблемой кого-то другого?

– Пожалел ты меня, Леха, – сказал Женя. – Ты доброе дело хотел сделать и за то тебе буду благодарен до конца жизни. И мне теперь... стыдно.

Ему-то чего стыдиться? Сердцу не прикажешь, особенно если физически оно не твоё. Любовь – это же какие-то там гормоны-феромоны, процессы физические и химические в мозгу. И раз уж тело одно на двоих, то и накрыло нас обоих. Человек минус тело равно душа. Чёрт его знает, где заканчивается одно и начинается другое, но вот, извольте, одно влюбленное тело, которое всегда одинаковое, а влюбленные души в нём – разные, есть из чего выбрать. Могу ли я винить её за выбор?

– Нет, не за это... Точнее, не только за это. Я... Прости, я был не до конца честен когда продавал душу.

– Что? Это как? – от удивления я заговорил вслух, чего со мной давно уже не случалось.

– Моё тело было полностью здорово.

– Так за каким хреном тогда тебе это понадобилось?

– Прости...

– Хватит извиняться. Рассказывай!

– Хорошо. Делай потом что хочешь. Только выслушай до конца.

9. Как правильно спасти гениев

Ты хоть раз в жизни восхищался чьим-то талантом по настоящему? Не просто ходил на концерты или выставки, не просто добавлял в любимый плейлист, чтобы слушать как фон во время работы или прогулки, а жил этими звуками, ждал, когда гений сотворит ещё что-нибудь и блаженствовал от предвкушения, зная, что каждое новое его творение прекраснее предыдущих? Знаешь это ощущение – когда весь остальной мир перестает существовать до момента, пока не утихнет последняя нота?

У меня был такой кумир. Игорь Вадимович Китов. Забавное имя, конечно, совсем не сценическое. Публике он известен под именем Страйк. Ну и что, что любишь другую музыку. Помнишь же? Ну, вот.

Я всегда хотел играть на гитаре. Учился специально. Зайди в любую музыкальную школу, загляни в глаза ученикам – и сразу поймешь, кого родители волевым решением туда определили, а кто сам попросился. Я из третьих, из тех, кто хотел, но родители не пустили. Я напросился вольным слушателем, а родителям врал, что гуляю. Дома тренировался. И важнее этого ничего для меня не было.

Я освоил гитару и флейту. Гитару – потому, что это нравилось мне, а флейту – потому, что директор, преподававший часть предметов, питал к ней мало кем разделяемую слабость, и я был единственным в потоке, кто всерьез ею занимался. Не удивлюсь, если только из-за этого меня и взяли. Получалось у меня просто отлично. Настолько хорошо, что всего через год родители, услышав, как я играю, сдались и сами меня в музыкальную школу отвели. Гордились очень: талант, самородок. Директор в ответ только кивал и улыбался.

Казалось бы, сбылась мечта – живи и радуйся. Но я же обычным человеком был. А что делает обычный человек, достигнув желаемого? Конечно же, начинает желать большего. Пусть не сразу, и даже не на следующий день, но уж послезавтра-то наверняка спохватится, почувствует эту неведомую пустоту не пойми где и замечется, не зная, хвататься ли ему за голову или за сердце. Вот же, было что-то совсем недавно. Хотелось до умопомрачения – и вдруг не стало. Нечем теперь жить, а, стало быть, и незачем. Надо срочно эту пустоту заполнить.

И попытался я утолить эту жажду другой жаждой. Захотелось сочинить что-нибудь этакое, чтоб на века. Чтоб зажило своей жизнью, вплетаясь в чужие мысли. Есть же такие мелодии – слышишь их краем уха и сразу они в голове твоей звучать начинают. Ты можешь годами не знать, как они называются, пытаться напеть знакомому музыканту, чтобы он подсказал, полжизни мечтать услышать от

начала и до конца, чтобы умереть счастливым. Это и стало моей новой жадой.

Увы, второго чуда мне судьба не подарила, поскупилась. Играл я всё лучше, да только чужие вещи, а своей собственной, даже не гениальной, а самой простенькой так сочинить и не смог. Часами импровизировал, ночей не спал – ни в какую. Видимо, мутант я какой-то, урод редкостный, особой породы. Исполнитель от природы и от природы же не композитор. И бился я в эту стену четыре года, но никакое упорство не помогало.

А потом я услышал его. И возненавидел с первых аккордов, ибо сам я никогда такого создать не смогу. Он владел моей мечтой и жил моей идеальной жизнью. Удивительное чувство. Я ненавидел, но не слушать не мог. Нашел все записи, которые только сумел и слушал, слушал. А он продолжал выдавать мелодии одну прекраснее другой.

Однажды я словно очнулся, осознав, что уже месяц не прикасался к гитаре. Все эти годы не было дня, чтобы я не ласкал её струн, и вдруг – месяц. Это казалось вполне естественным. Зачем осквернять эфир никому не нужными звуками, когда есть Он? Тот, кто убил во мне мечту. Обе мечты – и прошлую, и нынешнюю. Я мог сколько угодно ненавидеть его за это, но перестать жить его музыкой не мог.

Никогда, слышишь, никогда не интересуйся личностями тех, кто создает шедевры. Довольствуйся лишь их творениями, тем, что живет собственной жизнью, в отрыве от своих Демиургов, ибо душа творца, тем более, гения, может скрывать гадюшник, по сравнению с которым ящик Пандоры безобиден, словно музыкальная шкатулка. Я здесь с тобой потому, что однажды не уберёгся.

Это случилось спустя полгода после того, как я в последний раз прикоснулся к струнам. Мне по секрету, с большим значением и придыханием рассказали, что Страйк когда-то давно продал душу Дьяволу за талант. Вот тогда-то к зависти

и ненависти добавилась обида. К тому моменту я уже смирился с собственным поражением и пытался хотя бы проникнуться к победителю уважением, раз уж никогда не смогу его превзойти. Но Дьявол – это было нечестно.

Он, конечно, не подозревал даже о том, что у нас был какой-то поединок. О самом моём существовании не подозревал. Но всё это не имело значения, ибо поражение моё, а значит и его победа, становились нечестными. Я должен был взять реванш и сыграть на равных. И, конечно же, это давало какой-то шанс моей до полусмерти затоптанной мечте. Я стал искать его.

Это просто, ведь, как оказалось, жили мы в одном городе. Достаточно было пару раз сходить на нужные концерты, познакомиться и выпить с несколькими нужными людьми – и вот я уже для них свой человек, меня можно приглашать выпить в более узком кругу и представить птицам более высокого полета.

Спустя две недели я сидел скрестив ноги на полу в комнате с полуободранными обоями во чреве района, населенного богемой и студенчеством и наблюдал, как мучительно возвращается к жизни страдающий похмельем Страйк. На полу я сидел потому, что кроме матраса в комнате никакой мебели не было.

В быту Страйк мало отличался от себя на сцене. Те же грязные патлы до плеч, неопрятная одежда и мягкая физиономия с грубыми чертами – иногда быть рокером удобно, не надо притворяться хотя бы в этом. К сожалению, с такого расстояния было видно и то, что невозможно разглядеть из зрительного зала. Он был далеко не молодым и очень усталым. И сидел на наркотиках.

– Страйк.

– Пшел нафиг...

– И не подумаю.

– Чего тебе? В бубен захотел?

– Держи, – я протянул ему открытую бутылку пива. Специально холодным сохранил, чтобы произвести впечатление посильнее.

Это сработало. Его мутно-голубые глаза стали более осмысленными. Он без лишних слов выхватил бутылку из моих рук и жадно осушил.

– Круто. Вот прям то, что мне сейчас надо. А ты кто?

Вместо ответа я протянул ему вторую бутылку. Он расправился с нею чуть медленнее, уже отдавая должное вкусу и сделав паузу, чтобы удостоить меня звания спасителя.

– А сам чего? – спросил он, заметив что пива у меня ещё много.

Я откупорил новую бутылку и отсалютовав сделал несколько глотков.

– Можешь звать меня спасителем, мне нравится, – заявил я. Настоящего имени называть почему-то не захотелось.

– Слишком длинно, – он ничуть не удивился. Видать, всякой публики повидал за сценическую карьеру. – Буду звать тебя Спас.

– Годится.

– Так чего тебе надо? – спросил он, протягивая руку на встречу новой порции пива.

– Два вопроса, – я слегка придержал протянутую бутылку, чтобы привлечь его внимание.

– Ну? – нетерпеливо спросил он, и потянул сильнее, выдернув добычу из пальцев.

– Правда, что ты продал душу Дьяволу за талант?

Он поперхнулся, фыркнул пивом в пол и долго кашлял, пытаясь одновременно что-то произнести, но я разобрал лишь:

– И... и-и-и... пошел н-н-н...

Идти я никуда не собирался. Терпеливо дождавшись, пока он прокашляется и внятно выговорит, в каком именно направлении мне следует убираться, я переспросил:

– Так правда?

– Ещё один, ё-моё...

Он завалился обратно на матрас и повернулся ко мне спиной, всем своим видом демонстрируя, что разговор окончен. Не знал, бедолага, с кем связывается. Мы выдержали около часа. Я сидел и молчал, а он лежал ко мне спиной и делал вид, что спит. А потом я начал рассказывать. Несколько раз приходилось прерываться, чтобы дать иссякнуть потоку его проклятий и дважды – чтобы увернуться от брошенных бутылок. Хотел он того или нет, но услышал всё – и о музыкальной школе, и о его музыке, ставшей моей жизнью, и о таланте, которого мне самому не досталось. Потом я умолк, и долгое время не происходило ничего.

– Страйк...

– Пошел на...

– Я уже полгода не прикасался к гитаре.

– Ну и молодец.

Он сел, отбросил со лба лезшие в глаза патлы и посмотрел на меня исподлобья.

– И правильно сделал. Нахер ему твоя душа не упала.

– Не решай за него.

– Да тут Дьяволом не надо быть. Глянешь на тебя – и всё ясно сразу. Не возьмёт.

– С чего ты взял? Можешь хотя бы просто показать место?

– Могу. Но не хочу. Дурак ты, Спас, хоть и пиво у тебя хорошее. Да, пиво... – голос его смягчился. – Вот что. Услуга за услугу. Ты мне здоровье поправил, а я тебе расскажу как оно на самом деле есть. Давай сначала ещё по одной.

Я поспешил откупорить две бутылки и протянул одну из них ему. Он ополовинил свою одним долгим глотком, рыгнул и перешёл к делу.

– Ходить тебе туда, Спас, незачем. Если уж он мою душу не взял, так твоей и подавно плюнет. Я год его уговаривал. Каждую неделю ходил, а он всё хайло воротил. Слабо ещё

играешь, говорит, не к чему талант приложить будет. Ну, так я однажды просто послал его подальше и ушёл. Сам всему научился. Вот и весь сказ. Так что допивай свое пиво и вали отсюда. Больше я тебе ничего не должен, а место даже врагу не покажу.

Вот так мой план и рухнул, улетучилась последняя надежда на мечту. Честной его победа была, хоть он и не ведал, что участвует в поединке. Что тут скажешь? Встал я и пошёл как оплётанный. Лишь на пороге решился задать свой второй вопрос:

– Страйк, а почему ты за последние два года ничего нового не написал?

– Идёшь нахер – так и иди. Если я из-за тебя вмазаться не успею – не знаю что тебе сделаю.

Хороший ответ. Исчерпывающий. Он умирал, гений. Догорал в собственном пламени. Чистый, так и не запятнанный Дьяволом, он создал для себя ад на земле и уже был потерян для человечества. Сколько прекрасного так и не увидит свет из-за того, что он сгорит! Сколько ему осталось? Год? Два? Да какая разница, если он уже два года ничего не творит?

Тебе когда-нибудь хотелось спасти человека, которого ненавидишь? Нет, я не в счёт. Ты сначала хотел меня спасти, а потом возненавидел. У нас со Страйком все было в точности наоборот. С тобой такого не было? А вот меня угораздило. Я понял, что никогда не смогу простить себя, если покину эту комнату, не попытавшись спасти его. Себе он был не нужен, но он нужен был мне. Для удобства я считал, что он нужен всему человечеству, хоть музыка его и интересна едва ли одному из тысячи.

Специалисты в наркодиспансере наверняка делают это как-то иначе, по-научному. Они этому учились, опыт имеют, а я, в жизни не прикасавшийся к наркоте, что буду делать? Импровизировать, что же ещё!

Я понимал его как музыкант и как человек, пожираемый собственными амбициями. И просто представил себя на его месте, стараясь не домысливать того, что принесли в его жизнь наркотики, поскольку не знал, как они на самом деле воздействуют на сознание. Что бы могло вернуть меня к жизни, будь я на его месте? Конечно же, надежда!

Это сейчас я так долго рассказываю, а тогда озарение было мгновенным.

Я напустил на себя самый уверенный вид, на который только был способен, торжествующе улыбнулся и заплодировал, возвращаясь на прежнее место:

– Мо-ло-дец! Умница! Выдержал проверку. Вот теперь я её покупаю.

– Что?

Он поверил мне сразу. Это было видно по глазам. Видимо, что-то совпало с прежними воспоминаниями.

– Что слышал, – нагледя продолжал я. – Душа дозреть должна. С чем тебя и поздравляю, зрелый ты мой.

– Ещё... – он захрипел от волнения. – Ещё не твой.

– Сейчас мы это и исправим. Бумага найдётся?

К моему удивлению, бумага нашлась. А вот ручки у него не было.

– Договор должен быть создан из материалов продавца, – торжественно заявил я, упреждая вопрос о том, почему сам не прихватил канцелярских принадлежностей. – Таков закон.

Он вполне удовлетворился этим объяснением и кинулся на поиски. Случайно обнаруженным огрызком карандаша писать было как-то несолидно. Пришлось сказать, чтобы обмакивал карандаш в кровь и писал кровью. Именно у него я подцепил идею с прокалыванием пальца иглой.

Трудно ему пришлось. Кровь из наркоманов течёт неохотно, и после примерно пятнадцатого укола он просто вспорол себе иглой ладонь и макал карандаш в рану. Отвратительное зрелище, но я его выдержал, а он, старательно вы-

вода буквы под мою диктовку, не заметил, как я бледнел и зеленел при виде этой зловещей чернильницы. Сам я, опасаясь пользоваться даже стерильной иглой, полученной из руки наркомана, прокусил себе правый указательный палец и вывел под договором знак позамысловатее, стараясь не касаться кровавых букв.

Я всего лишь хотел помочь, подарить надежду. Договор писался ради одного-единственного условия: для получения желаемого он обязан был слезть с наркотиков. Я был уверен, что после этого талант вернётся к нему сам. А не вернётся – так хуже не станет.

В конце концов, я никакой не Дьявол, это просто бумажка, а я подарю отчаявшемуся человеку второй шанс.

Да-да, Леха, дальше всё было в точности как у тебя.

10. На охоту

И что мне теперь с ним делать, с душеспасителем этим, покровителем искусств и героем-любовником?

– Что хочешь, я же сказал. Я обманул – мне и ответ держать.

Интересно, все-таки, как работает этот механизм купли-продажи душ? И почему работает?

– Не знаю, у меня случайно получилось.

А первый контракт? Он сильно отличался от нашего?

– Сильно. У меня было время на то, чтобы составить текст покрасивее. Думаю, дело не в тексте.

Я тоже так думаю. И не в языке. В средние века на современном русском точно не писали. А в чем тогда дело? Кровь?

– Возможно. Но ты подписывал договор обычной ручкой. Я так и не придумал, как убедить тебя подписаться кровью. Думал, не работает, но терять было нечего.

Что ж, остаётся не так много вариантов. Дело именно в нас или в самом желании продать душу. Желание купить душу можно не учитывать, ведь ни я, ни Женя не воспринимали такую возможность всерьёз.

– Ты упускаешь ещё кое-что. В обоих случаях продавец подписывал договор кровью.

Верно. Кстати, о продавцах. Почему ты сам решил продать душу? Причём, свою, а не его. Вот, например, я с тобой не в ладах, как и ты с ним, и мне очень хочется прекратить этот бардак, но продавать я буду тебя. Почему ты подарил ему свое тело, согласившись провести двадцать лет в роли ментального паразита?

– Ты действительно не понимаешь? Как бы тебе объяснить... Ну, остановись на минутку, отвлекись от рефлексии и подумай. Из-за чего мы с тобой в ссоре? Я живу в твоём теле твоей идеальной жизнью, но без твоего участия. Ведь ты хочешь всего этого – любовь, карьера, торс Аполлона. И даже видишь, что мог всего этого достигнуть, но разменял четвертый десяток и дальше мечтаний на эту тему не продвинулся.

Прав, сукин сын. До обидного прав. У бесед с ментальными паразитами есть один существенный недостаток: им невозможно соврать. Да что там – в их присутствии ты не можешь соврать даже самому себе. Просто не успеваешь. Он ловит твои мысли прежде, чем ты успеваешь облечь их в удобную форму, завернуть покрасивее и выдать за конфетку. Признаюсь, я даже не был уверен в том, что последние три фразы произнёс Женя. Мы проговорили их почти одновременно.

И что, с Игорем так же было?

– Почти. Как он играет! Из него рвётся такое, чего мне в жизни не суметь. Но я давал ему волю часа на два в день, не больше. У самого была жизнь, самому необходимо было время на всё. Потом мы стали ссориться. Взбодрившийся по-

началу, он стал чахнуть. Он свободы хотел, а ужиться со мной не мог. Однажды после ссоры я велел ему заткнуться и не выпускал целый месяц. А потом, когда снова вспомнил о нём, подумал, а зачем было тогда огород городить и спасать гения, если носишь его с собой как забытый в кармане билет на автобус. Жить не мешает, но если сунуть руку в карман – непременно на него наткнёшься.

Ясно. Счел кумира достойным счастья более, чем он сам. И решился на широкий жест. Тихий подвиг, о котором никто не узнает. Или наоборот?

– Да! – неожиданно резко ответил он. – Я честолюбив. Знаю, ты завидуешь моей прошлой жизни, да и нынешней, если разобраться, тоже. А я считал её, прошлую, бесполезной. Ну, кто вспомнит обо мне лет через сто? Внуки, если повезёт. Да и то, ходить на могилы предков и листать семейные альбомы нынче не модно. Все будущим живут. Или хотя бы настоящим. Его музыка переживёт века. Что мы теряли?

Он подписал себе приговор, подсев на наркотики, и больше уже ничего бы не сочинил. В моём теле он может продолжать творить. Мы договорились, что он будет подписывать всё моим именем. Да и кто ему поверит, если он подпишет настоящим? Несколько шедевров, сочинённых от моего имени – совсем небольшая плата за возможность продолжать жить. Знаешь, что я подумал? А ведь я изобрел способ сохранять лучшие умы человечества вечно. Были бы добровольцы. Представь, что душа Паганини или да Винчи дожила бы до наших дней! Кому от этого было бы хуже? Только нескольким жалким коптителем неба, исчезающе маленьким на фоне всего остального человечества и, по большому счёту, никому не нужных. А эти – эти точно нужны.

Ишь, распелся соловьем, подумал я. Да дорвись люди до такой возможности, не гении бы кочевали из тела в тело, а другие совсем люди – облечённые силой, властью, деньгами, наконец. Ну, в лучшем случае, государство лет через сто нач-

нёт процесс контролировать и каких-нибудь преступников вместо смертной казни приговаривать к ношению душ. Сколько из этих душ будет принадлежать гениям, а сколько другим нужным людям – догадаться несложно.

– Пожалуй, ты прав. Но можно же как-то выкрутиться? Можно что-нибудь придумать.

Мне бы придумать, как выкрутиться из сложившейся паршивой ситуации. Судьбы человечества меня сейчас волновали куда как меньше.

– Ты что, не понимаешь? Мы станем богатыми людьми, если запатентуем этот способ. И уж кто-кто, а мы-то в новом мире не пропадём. Именно мы. Ты, конечно, злишься на меня, но я всё ещё благодарен тебе за второй шанс. Лучшее, что я могу для тебя сделать – поделиться плодами открытия...

Предложение, конечно, интересное, но как быть с последствиями?

– Придумаем что-нибудь.

Придумаем! Я, например, прямо сейчас не могу придумать, что делать с душой, которая умудряется жить в моем теле лучше меня самого. Она, чёрт её поberi, счастлива, исполнена оптимизма и фонтанирует планами на радужное будущее, особенно когда получает управление.

Знаешь что, Женя? Быть может, это душа у меня такая, ни на что не годная? Ты в этом теле за полгода добился большего, чем я за тридцать с копейками лет. Причём, добился того, чего мне не хватало все эти годы. Никогда не чувствовал себя настолько ненужным. Нет, не ври, даже тебе я не нужен. А уж ей и подавно.

Уравнение с душой, телом и человеком – куда сложнее. Имеет значение, что за душа и что за тело. Тут математических формул не рассуропишь, ничего не обозначишь иксами и игреками.

– Ну, почему же? Тело Алексея плюс душа Алексея равно Алексей. Тело Алексея плюс...

Он осёкся, но я продолжил вслух:

– ...плюс душа Евгения равно любовь. Прямо хоть выходи во двор и малюй осколком кирпичика во всю стену эту вечную истину. В формуле счастья нет места для души Алексея. И это так же верно, как то, что счастье не будет полным, если выдавать его по чайной ложке. Я, тот, которому не нашлось места, стою на пути чужого счастья. Лучшее, что я могу сделать в такой ситуации...

– Леха, нет!

О, да! Собираемся. Сам сказал: “Делай что хочешь”. И я хочу именно вот этого. Давненько мы не продавали душ прохожим на улице.

Бумага, ручка и карандаш нашлись, вместо иглы от шприца пришлось взять английскую булавку.

11. Никчёмная душа

– Спасибо, Ваня, – я встал и торжественно пожал руку нового знакомого.

Было ему лет двадцать на вид, кудрявый, кареглазый, двигается угловато, словно подросток. В ухе – серьга, на левом запястье браслет из бисера, под куцей курточкой – футболка с черепами и похожим на паутину логотипом какой-то металл-группы. Я уже давно не разбирался в молодёжных субкультурах, но этот Ваня выглядел весьма прилично и вменяемо для неформала.

Больше всего он напоминал студента с факультета каких-то точных наук. Гуманитарий на его месте взялся бы спорить, а этот потребовал доказательств. Доказать я ему ничего не успел. Едва услышав о договоре и подписи кровью, он пришел в восторг и попросил документ, чтобы посмотреть. Текст ему понравился.

Задав несколько уточняющих вопросов, он согласился купить душу. Причём, всерьёз согласился, заявив, что прия-

тели-сатанисты просто удавятся от зависти при виде такого договора, да ещё и подписанного кровью. Идея двоедушия его откровенно забавляла, хотя он и повторил несколько раз, что не очень-то в это верит, но ему плевать, лишь бы документ на руки получить.

Всё-таки, неформалы – ребята с придурью, хотя этот выглядит вполне психически здоровым. Домашний мальчик, заигравшийся по молодости в андеграунд. Лет через пять-семь он выбросит всё это из головы и станет скучным семейным дядькой, а документ подарит тем же сатанистам, ибо выбросить жалко, а жене показать неловко. Ну и пес с ним. Важно было, что он согласился.

– И тебе спасибо, Леха!

Он выхватил у меня из руки скрученный в трубку свиток и бережно положил в сумку.

– А когда душа, говоришь, ко мне переселится?

– Придется немного подождать. Обычно после смерти, – соврал я. – Хотя бывает и раньше. Не знаю от чего зависит, откровенно говоря.

– А, ну ладно, – отмахнулся он.

Мысленно он давно был не с нами. Он уже прикидывал, как бы побыстрее добраться до дома и похвастаться новым приобретением. Я не стал его задерживать.

– Опять осечка.

Я не мог не согласиться с Женей. Это была уже третья неудачная попытка. Когда договор срабатывал, переселение происходило мгновенно, но нам сегодня не везло. Душа, к сожалению, всё ещё была на месте.

Мне необходимо было поразмыслить, но оставаться в этом кафе было нежелательно. Ваня мог вернуться с каким-нибудь дурацким вопросом, а мне больше не хотелось тратить на него свое время. Я вышел в унылый сентябрьский вечер и оценил обстановку. По небу дрейфовали жидкие тучи, изредка роняя на землю случайные капли. Что ж, про-

гулка отменяется, да и время уже позднее. Нам лучше поспешить домой.

Нам. Не помню, когда я привык говорить о себе во множественном числе. Привычка эта родилась незаметно, в процессе общения с Женей, во времена, когда мы ещё пытались строить какие-то совместные планы.

“Итак, что мы имеем?” – думал я полчаса спустя, трясясь в автобусе спиной к движению и провожая взглядом фонари за окном. Три подписанных кровью договора, полностью совпадающих по содержанию с моим – и все не сработали. Мы уже знаем, что дело не в тексте, не в желании купить или продать душу и даже не в крови.

– Или не только в них, – поправил Женя.

Или не только в них. Что ещё общего в двух удачных сделках, которые нам известны?

– Я.

Верно, он. Но его мы только что пытались продать Вите. После второй неудачи я решил, что моя душа по каким-то причинам не продаётся и мы, после долгих споров, сошлись на том, что в третий раз стоит попытаться продать Женю, ибо совместное проживание стало невыносимым. К нашему удивлению, это тоже не сработало. Значит, дело не во мне и не в нём. Есть что-то, что мы проглядели или о чём мы даже не подозреваем...

– Идея! Леха, выходим на этой остановке. Быстрее, пока двери открыты.

Я едва успел выскочить из автобуса, в спешке толкнув какую-то бабульку и оттоптав чью-то ногу.

– Затупят в свои телефоны и остановок не видят... – успела проворчать вслед бабулька, после чего закрывшиеся двери автобуса отсекали меня от дальнейшего потока негодования.

Зачем мы тут вышли? Микрорайон Юбилейный. Довольно приличный спальный район. Я бывал здесь днём.

Ареал обитания высших слоёв среднего класса и успешных малых предпринимателей, людей не богатых, но при деньгах. Кусты вдоль дорог подстрижены, много опрятных маленьких парков и детских площадок, где в песочницах почти нет окурков.

Куда дальше?

Я бывал здесь редко. Друзей у меня в Юбилейном не было, а здешние жильё, забегаловки и магазины были не по карману. Не моё место, одним словом. Женя указал на одну из высоток в глубине узкой улочки с односторонним движением.

– Я там жил. Или живу. Как смотреть на вопрос.

Вот оно что! Если он ведёт меня к своему жилищу – значит нам предстоит свидание с Евгением во плоти. Мне тоже стало любопытно, на что он похож сейчас, с гением внутри. Но ему-то это зачем?

– На месте разберёмся. В худшем случае, просто проведем и дёрнем по пивку. Интересно же, как он там. Знаешь, до меня ведь только в автобусе дошло, когда я знакомые места увидел. Мы ведь уже год вместе, не забыл?

Забудешь тут...

– А музыка где? Ты слышал по радио или хоть где-нибудь о хите, сочинённом от моего имени? За год ни звука. Я понимаю, что влияния в музыкальной индустрии у меня нет, но его опыт и связи никуда не делись. Он знает к кому обратиться. Этот человек не мог не прогреметь, но – тишина. Надо узнать, в чём дело. Хотя бы посоветуемся. Он ведь один жил в чужом теле. Может, подскажет чего... Код сорок восемь – двадцать шесть.

Я набрал код на замке подъезда и направился к лифту вдоль увешанных зеркалами стен и кадров с фикусами. Прилично – плюнуть негде. Только швейцара на входе не хватает!

– Седьмой этаж.

Лифт был странный. Этаж надо было указывать на консоли снаружи. Отсутствие привычных кнопок в кабине как-то даже пугало с непривычки. Интересно, сколько людей, впервые оказавшихся во чреве этого металлического ящика, звонили диспетчеру, в панике вопрошая, где тут кнопки с номерами и как отсюда выбраться.

– Квартира четырнадцать.

Это что же, две квартиры на этаж? Ну, буржуи! Женя хихикнул. Его забавляло моё замешательство при виде этой кажущейся роскоши.

Звонить пришлось трижды. Внутри кто-то был, но к двери подходить не спешил. Наконец, послышались неуверенные, шаркающие шаги, совершенно не ассоциировавшиеся в моей памяти с Женей, которого я запомнил подтянутым и энергичным. Тем не менее, это был он. Точнее, то, во что он превратился. Судя по внешнему виду, эти месяцы для него прошли в сплошном запое.

– Ублюдок! – впервые на моей памяти выругался Женя. – Он опять подсел на наркотики! Моё тело...

– А, здорово! Заходи... – прохрипел не слышавший его Игорь и добавил с некоторым запозданием. – ...те. ЗаходиТЕ, да. Так правильнее.

Некоторое время мы стояли в прихожей и рассматривали друг друга. Женя молчал, но я прекрасно ощущал его страдание при виде стоявшей перед нами развалины. С месяц не брившийся, отравивший грязную шевелюру до плеч и пивное брюхо, он был совершенно не похож на аккуратного и интеллигентного молодого человека, встретившегося мне целую жизнь назад.

– Женька... – подал он голос спустя две долгих минуты. – Ты слышишь меня?

– Да, слышит.

– Прости... Ничего не вышло.

– Зачем ты снова начал колотиться, идиот? – спросил Женя, едва я передал ему управление речью. – Я тебе тело оставил в идеальном состоянии. Ну, не вышло... Мог хотя бы жить как человек.

– Колотиться? – он попытался придать себе вид оскорбленного достоинства, насколько это позволяла обстановка. – Нет, не то. Я, конечно, больной... на голову больной, да. Но я не колюсь.

– Ты под наркотиками! Прямо сейчас ты стоишь тут обдолбанный и врёшь мне в глаза!

– Успокойся, – фыркнул он. – Это всего лишь трава. Она привыкания не вызывает. Ну, если меру знать. Можно курить, а можно не курить. Просто курить мне больше... нравится. Будешь?

Он продемонстрировал зажатый меж пальцев окурок самокрутки. Пришлось поспешно перехватывать управление голосовыми функциями, чтобы перекрыть поток жениных проклятий. Эх его пробрало! Раньше он никогда не позволял себе таких выражений.

– Нет, спасибо. И больше не предлагай. Мы оба не курим и не собираемся.

– Ага, – он хитро улыбнулся. – Сейчас явно Леха говорит. Привет, Леха. А ты, Женя, уж извини, но мог и предупредить. Застал бы в сознании – шок вышел бы поменьше. Да вы проходите! Сядем, по пивку дёрнем, потолкуем.

Опять множественное число! Я привык о себе так думать, но выслушивать это от кого-то – вот это было полной неожиданностью, хотя, с учётом обстоятельств, совершенно логично. И вот это “дёрнем по пивку”! Женя произнес это несколько минут назад. Совпадение? Мне не нравятся такие совпадения. Если и душа и тело пользуются одной и той же фразой, это означает... Не знаю что означает. Рехнуться можно, если во всём подозревать закономерности. Я решил обдумать это позже, в спокойной обстановке.

– Вы по делу или так?

– По делу. Сейчас я расскажу что знаю. У нас тут проблема возникла, и Женя решил, что ты можешь нам помочь. Деталей пока не ведаю. Нам придётся немного подождать, пока он успокоится. Со мной он подробностями поделиться не успел.

– Ну, проходите... Да, проходите уже... – он застыл, уставившись на меня с таким видом, будто пытался вспомнить моё имя или откуда я здесь взялся. – Я ведь это вслух сказал уже, да? А... Ну, так давайте, давайте. А мне бы не помешало... прилечь. На самом интересном месте, понимаете ли...

– Слушай, ты как-то можешь от этого протрезветь? – спросил я, разуваясь. – Холодный душ или что-нибудь в этом роде?

– Неа, – он чуть не потерял равновесие при попытке покачать головой. – Может, и отпустит ненадолго, но потом опять накроет. Тут только... ждать... Да... о, да! Ждать... Трам-пам и ещё раз пам.

Последнюю фразу он произносил, устраиваясь на заваленном подушками двуспальном матрасе, располагавшемся прямо посреди комнаты.

– Ты рассказывай... пока, – вяло молвил он, прикрывая глаза. – Мне полежать надо. Так быстрее отпустит. Попытки сфокусироваться. Они тут лишь вредят. Надо дать мыслям течь... и вытечь без остатка. А ты давай, вплетай в их поток и свою историю. Оклемаюсь – помогу чем смогу. Весь ваш... Трам-пам-пам.

– Долго ждать?

– В идеале – до утра. Но мож и через пару часов раздуплюсь. Хотя... Не хотелось бы. Ты ночуй, если не спешишь. А... Леха, слышь, холодильник в твоём распоряжении. Но, будь ласков, пойдёшь если хомячить, прихвати пару пластиков сыра. Рок-звезды в завязке – тоже люди и имеют право на

своё маленькое утешение. На два пластика самого лучшего в мире утешения. Всё прочее – тщета. Уж поверь мне.

12. Третий шанс

– Странно, – сказал Женя. – Ведь есть же кровать. Зачем он спит в зале на матрасе? Спроси его. Леха?

Матрас. И в истории про первую встречу Жени и Страйка тоже фигурировал матрас.

– Точно! Думаю, это привычка.

Женина привычка? Это он так привык?

– Нет, я как раз терпеть не могу так спать. Как скотина в хлеву.

Выходит, это привычка Страйка, принесённая вместе с купленной душой. Часть его Я, душевная склонность. Быть может, он не любит кровати? Помнит о том, что комфортно для его прошлого тела? Что это значит?

– Что душа развивается в разных телах одни и те же привычки? Очень на то похоже. Наркотики... Я к ним не прикасался. Ублюдох...

Спокойнее. Ты знал, на какие риски идёшь, когда затевал эту авантюру.

– Да, но... Зачем он – так?

Привычка. Точно так же, как ты привык к порядку и чистому холодильнику, умеешь обращаться с женщинами – до тебя всего этого в моей жизни просто не существовало, как для тебя не существовало марихуаны. И вот ещё это – помнишь, вы оба сказали “дёрнем по пивку”?

– Так и сказали? Я не обратил внимания.

Зато я обратил. Это может быть и совпадением, но я в такие совпадения не верю. Думаю, твоя душа привила эту привычку твоему телу, а при переселении она осталась.

– Зачем гадать? Давай его спросим.

– Страйк?

Он долго молчал, никак не показывая, что услышал меня, но когда я собрался окликнуть его во второй раз, тихо ответил:

– Чего?

– Ты сказал “дёрнем по пивку”, помнишь?

– ...в холодильнике...

– Да не о том речь! Ты раньше, в прошлой жизни так говорил? Именно такими словами?

Он опять долго медлил с ответом, прежде чем вяло отозваться.

– Нет, это новое. Подцепил где-то. Тьфу... Как-то мерзко звучит. Слово-паразит... фраза-паразит... фразеологизм-пара...

Он открыл глаза и уставился в потолок с озадаченным видом. Подцепил он! Выходит, фраза сидела где-то в женском мозгу, который Страйк получил по наследству. Она ведь ему даже не нравится. Не его эта фраза.

– О чём мы сейчас? – на лице Игоря проявились признаки напряженной работы мысли. – Вот чесслово, знал бы, что вы придёте – не курил бы, а то теперь ни туда, ни сюда. Ни уплыть, ни поговорить нормально. Постоянно теряю нить разговора. Так... Мы говорили о пиве. За пивом вы не пошли. Ты хотел знать, зачем я сказал “дёрнем”... а пришли вы не за этим. За советом пришли. Да ты рассказывай.

Я рассказал. Это оказалось необычайно трудно. Женя не дал мне ничего приукрасить или утаить. Как бы это ни раздражало, но он был прав. Страйк, хоть и постоянно терявший нить разговора, был впечатлен настолько, что с видимым усилием принял сидячее положение и смотрел на нас, не перебивая. Похоже, ему хотелось что-то сказать или спросить, но вместо этого он остался сидеть с отвисшей челюстью – не то от изумления, не то из-за овладевших его сознанием каннабиноидов.

– В-во дела, – выдавил он, дослушав до конца. – Так ты пришёл ко мне подселиться. Н-ну чего, попробовать можно. Один хрен живу в вечной накурке, вдвоём веселее будет.

Последнее замечание вновь лишило Женю душевного равновесия, и я в очередной раз обрадовался тому, что не позволил ему говорить вслух. Вид руин собственного тела выводил его из себя, и малейший намёк на одобрение статус-кво он воспринимал крайне болезненно.

– Уймись. Это больше не твоя проблема, – мысленно сказал я ему. – Сейчас продашь меня – и пойдёшь жить долго и счастливо.

Я сходил в прихожую и вернулся с последним оставшимся бланком контракта в руке. Там даже было заполнено мое имя. Страйк развернул его и пробежал глазами, прицокнул языком:

– Красота! Расстарались. Не то, что я тогда у Женьки на спине писал! Но ты мне вот что скажи... – он уставился на меня с видом человека, который всё пытается узнать давно забытого старого знакомого.

– Страйк?

– А? Да... С тобой все понятно. А чьим именем подписываться мне?

Бывают моменты, когда в ответ на вопрос хочется недоуменно переглянуться с кем-нибудь третьим. Не имея возможности переглянуться с Женей, я глупо моргнул. Душа Страйка плюс тело Жени. Кто из них покупает душу?

– Пиши как есть. Душа такого-то, проживающая в теле такого-то, – подсказал Женя.

– Думаешь, всё влезет? Хм... – он встал и пошатываясь пошёл на кухню.

– Ты куда?

– Нож... Подпись кровью...

От перемены позы наркотик ударил ему в голову с новой силой.

– Вернись! Кровь тут, похоже, ни при чем. Попробуем для начала ручкой. Незачем себя зря мучать.

– Н-ну... давай... Сейчас...

Вернувшись на прежнее место, он закрыл глаза и откинулся на подушки.

– Сейчас...

Ждать пришлось минут пятнадцать. У меня начали слипаться глаза от усталости, когда он вновь ожил, и приложив договор к стене, шипя проклятия в адрес ручки, отказывавшейся нормально писать в горизонтальном положении, вывел подпись в предложенном Женей формате и передал договор мне.

Я взялся за свернутый в трубочку документ и потянул из его руки, но он зачем-то задержал его, не разжимая пальцев, а потом и вовсе дёрнул к себе. Я потянул чуть настойчивей, он тоже.

– Эй, ты чего? Передумал? – попытался спросить я и с ужасом осознал, что не могу произнести вслух ни слова.

Наконец, огромным усилием, мне удалось поднять взгляд, вдруг начавший весить не меньше тонны. И увидеть себя со стороны. Оба разжали пальцы почти одновременно, причём я больше не принимал в этом участия. Бумажный свиток с тихим шуршанием упал на пол между нами, оставив продавца и покупателя в изумлении смотреть друг на друга.

Получилось. Кровь действительно ни при чём. Дело было именно в нас. Почему?

Женя в моем теле пожал плечами и улыбнулся. Страйк пару раз моргнул моими глазами, оглядел себя и улыбнулся в ответ. Моими губами.

У меня больше не было губ. Самого тела больше не было. Тем, в котором я сейчас находился, я не распоряжался. Не мог шевелить руками, говорить, ходить – ничего не мог. Только наблюдать – видеть, слышать и чувствовать прикосновения. И думать. Мне стало страшно.

– Договор остаётся у покупателя, – Женя толкнул бумагу поближе к нам. – Спасибо. Лёха... Игорь... Огромное вам спасибо. Надеюсь, – тут он отвел глаза и поджал губы. – Надеюсь, у вас тоже всё будет хорошо.

– Давай, Женька. Удачи!

Страйк рухнул обратно на подушки и закрыл глаза.

– Будешь уходить – дверь захлопни.

И тут на нас накатила новая волна наркотического опьянения.

13. В бреду

Я представлял себе эффект от наркотика как-то иначе. Вон, люди про галлюцинации пишут, а то и про гениальные открытия. Книжки сочиняют, картины рисуют в попытке хоть как-то передать ощущения. Ярко, красочно летят под откос жизни, под треск ломающейся судьбы. Помирать – так с музыкой.

Так я себе это представлял. Но не тут-то было! Сначала мы просто лежали и не шевелились. Перед закрытыми глазами Игоря вставали смутные, нечёткие образы, поднимающиеся из глубин его памяти и подсознания, и рассеивались, едва я делал попытку к ним присмотреться.

Воспоминания из жениной жизни, до поры таившиеся в мозгу, причудливо мешались с воспоминаниями купленных душ – моей и Страйка.

Лето в середине восьмидесятых, какая-то полу-сельская местность, больше похожая на дачный поселок. Дорога, зажатая между двух высоких заборов, пыльная придорожная растительность, жёсткая и колючая от острого желания выжить даже в таких условиях. Мы идём навстречу друг другу – незнакомая симпатичная блондинка лет пятнадцати, уже вполне похожая на женщину, и я, неуклюжий и ещё не привыкший причёсываться по утрам не наощупь. На девушке

мутно-зелёная футболка с короткими рукавами и стильно застиранные шорты. Откуда-то издалека звучит модная, всего пару недель как пробившаяся в чарты “Технология”, чья музыка тогда казалась мне свежей и прекрасной и чьи бессвязные тексты мнились исполненными глубочайшего смысла и перекликающимися с непростой судьбой четырнадцатилетнего подростка.

Мы миновали друг друга – она, едва покосившаяся на меня, и я, исподтишка пожирающий её глазами – чтобы больше никогда не встретиться. Она была прекрасна, как и все девушки, встреченные в то лето. Я очень отчетливо, детально вспомнил эту встречу, хотя все эти годы меня не посещала даже тень воспоминания.

Какие ещё годы? Да я вообще “Технологию” терпеть не мог с первого до последнего звука и никогда не позволял себе выйти из дома всклокоченным! Это всё равно, что выйти в люди, предварительно искупавшись в луже и делать вид, что ничего особенного не происходит. Где вообще это было? И что значит “меня”? Кто я теперь такой?

Я – тело Жени плюс душа Страйка плюс душа Лёхи и никто из нас не может с уверенностью сказать, где чья мысль и где чья память. Что здесь уже было, что я прихватил с собой, а что выросло под влиянием душевных склонностей Страйка. Свихнуться можно!

– Нужно, бро, – проямлил Страйк, не открывая глаз. – Нужно свихнуться. И знаешь что? А мне пофиг где чьё. Так даже интереснее. Почти как кислота, только круглосуточно и кроет пожиже.

Нарколыга. Лишь бы сигануть подальше от реальности и подольше не возвращаться.

– Ты задолбал фонить, бро. Не нравится – не смотри. Сиди молча. Только не вздумай закрыться. С тобой как-то душевно кроет.

Всю жизнь мечтал о карьере катализатора наркотических приходов!

– Потерпишь, фигли... От пассажиров вроде тебя толку немного совсем. Пусть хоть это.

Он закрыл глаза, и снова перед нашим общим мысленным взором замелькали картины одна другой чуднее. Мне стало тошно и захотелось отвернуться, хотя как отворачиваться от зрительных галлюцинаций сидя у кого-то в голове, я ещё не представлял. Женя мне об этом не рассказывал, а Страйк не скажет, поскольку не желает лишиться... не собутыльника... Как же это будет?

– Сокосячника, – подсказал Страйк и заржал.

Смеялся он минуты три, с подвыванием и визгом, после чего вдруг резко иссяк и затих, видимо, в очередной раз потеряв мысль. Вновь перед глазами поплыли чудные картины. Я уже почти сообразил, как отключиться от его каналов восприятия, но не успел.

Сначала мы увидели надгробие – простецкое, из бетона или чего-то подобного. Оно было новым, но уже производило впечатление заброшенного. Трава по колено, ни цветов, ни ограды.

– Ты хоть раз бывал на собственной могиле? Не был, ясен пень. А вот я был. Одновременно внутри и снаружи!

В голосе слышалась законная гордость и почти детский, дурашливый восторг. На небольшой чёрной табличке было выгравировано смутно знакомое лицо и вместо имени – “Страйк”.

– Говорят, умер от передоза через две недели.

Я даже не стал спрашивать, через две недели после чего. После первого договора, конечно. А на самом деле что случилось?

– Да хрен его знает. Когда мы уходили, тело лежало себе бревно бревном, в потолок тарацилось. Но дышало. Оно на игле сидело и ему вот-вот пора было вмазаться, чтобы ло-

мать не начало. А оно лежит. Ну, раз две недели протянуло – значит нашло. Или кто-то его вмазывал, хотя сомневаюсь. С чего вдруг? Само оно, всё само. Знаешь, бро? А мне ведь страшно делается, когда я это представляю – живое тело без души. Ходячее, в ломке или под наркотой. Ох, натворило делов, поди.

Врет. Натворило, и он даже знает, что именно натворило.

– Ну и вру. Не твое дело. Грёбанный винт...

Ну да, конечно, проклинать наркотики и упарываться ими одновременно – это даже круче, чем одновременно быть в могиле и стоять над ней.

– Да это ж просто трава, дятел. Сколько раз тебе говорить? Ну да, я Женьке обещал не упарываться, но... Гитарист он, конечно, знатный, но композитор просто никакой. Двух нот сам сложить не может. Что мне оставалось делать? Раньше трава помогала. И кислота. А тут – ни в какую. Ну, я решил, что всё кончено и... А, похер. Хочу и курю. А будешь мне морали читать – ещё и грибов нажрусь.

В этот момент у него начались звуковые галлюцинации. Даже не галлюцинации, на самом деле, а навязчивое ощущение, будто он только что слышал звук, похожий на далёкий удар в литавры. Мозг его принялся вертеть воспоминание и так, и этак в попытке сообразить, что же это было и был ли этот звук вообще.

Я больше не мог этого терпеть и решил отключиться от происходящего.

– Блин... Куда?

Подальше от твоего бреда. Надеюсь, от этого не бывает похмелья и утро не будет чересчур ужасным.

– Вот ты дикий, – улыбнулся Страйк. – Я ж пошутил. Ну, вали, вали. До завтра... Та-ра-ра-ра...

Он сел так внезапно, что я забыл о своем намерении. Эта резкая перемена пугала, но явно не имела отношения к наркотику.

– Ну-ка, ну-ка...

Страйк кинулся в дальний угол комнаты, к стоящему там креслу и бесцеремонно смахнул на пол гору грязной одежды. Под бельем скрывался жёсткий футляр, из тех, что музыканты таскают с собой на выход.

– Ну-ка, ну-ка... Та-ра-ра-ра...

Он взял футляр и плюхнулся на его место, не потрудившись убрать оставшиеся тряпки, нетерпеливо рванул замок. В мимолётном отблеске лунного света на лаковом корпусе гитары мне почудилась улыбка облегчения.

Страйк тронул струны и поморщился: фальшивит. Привычно пробежавшись по колкам, привёл инструмент в порядок и взял пару аккордов. Отлично! А теперь... Что у нас там было? Та-ра-ра-ра...

Он сыграл вертевшуюся в голове мелодию. Раз, другой, третий... Простенькая такая и ещё немного нескладная, но – своя. Новая, нигде ранее не слышанная.

– Лёха...

В носу защипало, дыхание перехватило и захотелось моргать.

– Лёха... получилось. С тобой – получилось, – сказал Страйк и уткнулся лбом в гитару.

Забавно рыдают расчувствовавшиеся циники – едва слышно, почти без слез, а в каждом всхлипе звучит нотка удивления: “Я? Рыдаю?”. Да, мы именно рыдаем и это прекрасно. Плачь, гений, забудь про стыд. Тот, кто рождается заново, может позволить себе такую роскошь.

14. Возрождение

Жить стало невероятно интересно. Я всегда завидовал музыкантам с их концертами, творческими достижениями и поклонницами. Это моя работа – скучища смертная, да ещё и устаревает каждые два-три года, а их музыка может жить столетиями.

Для начала Страйк бросил курить траву. Ну, как бросил – стал смолить только по вечерам, а не круглосуточно. Большую часть дня мы пребывали в относительно здравом уме и трезвой памяти. Хотя, опять же, что считать за трезвую память. Редкий день обходился без доброго глотка вискаря. Но мы же творческая личность, нам вдохновение черпать надо. Нет вдохновения – черпаем вискарь.

Он играл каждый день часами. Обычно мне не нравилось то, что он выдавал. Всё-таки, не моя это музыка. Но это были мелочи по сравнению с ощущением человека, возвращающегося к полноценной жизни. Такое же исходило от Жени, когда он уходил.

Через неделю мы стали выходить в свет. Это если считать за свет ночные попойки с музыкантами и сочувствующими. Зато играли и даже пытались в пьяном угаре строить какие-то совместные планы то с басистом, то с барабанщиком, то ещё чёрт знает с кем. Поначалу всё заканчивалось болтовней и полубессознательным сексом с какой-нибудь случайной гетерой в конце вечера, однако ещё через пару недель начались репетиции.

Так и жили между травой, виски и репетициями. В отличие от коллег, мы в деньгах не нуждались. Женя оказался человеком не бедным – сдавал в аренду две квартиры, получал проценты с банковских депозитов и дивиденды с пары мелких бизнесов, в которые в своё время вложил часть родительского наследства, брокерская контора за него на бирже играла по мелочи. Доходов с этого, на самом деле, было не ахти как много, но если без особых претензий, то жить можно было даже не работая. Женя, кстати, работал.

Страйк же работать не собирался, но с деньгами обращался неожиданно аккуратно, и на виски, траву и сухомытку нам хватало. А также на женщин. У меня в жизни столько женщин не было, сколько за эти недели. Правда, все траты на них сводились к оплате такси до дома или, в крайнем слу-

чае, на кафешку поутру. Если правда то, что женщинам нужны только деньги, то мы их крайне разочаровывали.

15. Очень нужная душа

Женя явился через два месяца. Он застал нас за поздним завтраком, поэтому дверь мы ему открыли в трусах и с бутербродом в руке. Едва поздоровавшись, он протиснулся мимо нас и проследовал на кухню, впервые на моей памяти не задержавшись, чтобы снять куртку и разуться. Последнее, впрочем, было разумно. Пол мыть Страйк брезговал, а домашних тапочек не держал.

Мы заперли дверь и вернулись на кухню, где и застали Женю сидящим на гостевом табурете и рассеянно гоняющим пальцем старые крошки по изрезанной скатерти. Вид у него был неважный: бледный, под глазами мешки, давно не мытые волосы взъерошены. Мы плюхнулись на стул напротив и уставились на него в ожидании объяснений.

Бутерброд у нас был один, а делать другой Страйк поленился. Желая оказать хотя бы символическое гостеприимство, он, не переставая жевать, вопросительно кивнул на бутылку с виски. Женя неожиданно согласился. Он проглотил алкоголь не поморщившись, похоже, даже не осознав, что именно выпил.

– Дря-ань дело, – резюмировал Страйк.

Определенно, дрянь.

– Она разлюбила меня, – отозвался Женя.

Горло, обожжённое спиртом дало лёгкую хрипотцу, подчёркивая драматизм ситуации.

– Внезапно. В один день. Мы ещё ни слова друг другу не сказали, да и не могла она знать, что у нас с вами за дела. Но когда я пришёл к ней, она только глянула раз – и... Я буквально видел, как в глазах её что-то гаснет. Так смотрят на бывших, ещё не осознавая, что всё кончено...

Казалось, Страйка это позабавило.

– Дай угадаю, – сказал он. – Это случилось сразу после продажи лёхиной души?

Женя кивнул, глядя в пол.

– Я-асно. И ты решил, что на самом деле она любила Лёху?

Меня? Да вы с ума сошли. Она ж со мной общаться не хотела. Страйк, он бредит.

Женя снова кивнул, не поднимая глаз.

– И теперь ты, наверное, желаешь получить его обратно?

Ответом был третий кивок. Я попросил слова, но получил приказ заткнуться.

– Зря пришёл. Не отдам.

– Почему?

Вместо ответа Страйк взял гитару и начал играть. Женя, надумавший было что-то сказать, затаил дыхание и уставился на нас. В глазах его горел восторг. Дав затихнуть эху последнего аккорда в недрах гитары, он тихо, с выражением, продекламировал:

– Мироздание... мироздание тихо распалось на две неравные части – Вселенную и место, где звучала мелодия. Тому, кто по счастливой случайности оказался во второй, хотелось броситься к его ногам и пообещать исполнить любое желание, лишь бы музыка не умолкала, продлевая существование этого прекрасного маленького мирка...

Страйк вздрогнул. В памяти его всплыли воспоминания о ночи где-то под открытым небом, луне и тёмной фигуре в полудюжине шагов перед ним. "Великолепно", – глухо прогудела фигура и видение исчезло.

– Понял? – спросил Страйк, мотая головой в попытке отогнать воспоминание.

– Понял, – согласился Женя. – Не отдашь.

Как быть, когда можешь осчастливить только одного человека? В тот момент я малодушно радовался тому, что не

могу решать, с кем остаться. Иногда удобно, когда от тебя не всё зависит. Женя со вздохом поднялся, расправил мятые брюки и протянул руку для прощания.

– Что ж, рад за тебя...

Страйк схватил его за руку и рывком заставил сесть. Это потребовало некоторых усилий, поскольку Женя времени даром не терял и мускулы на моем теле накачал изрядные. Он особо не сопротивлялся, скорее пытался сохранить равновесие. Пожалуй, Страйк не в состоянии был бы усадить его обратно силой.

– Ничего ты не понял, придурок! Она не тебя любила, а вас. Ну, представь, как это Леха любит, уравнение. Его душа, плюс твоя душа, плюс его тело равно любовь. Его душа плюс моя душа плюс твое тело равно талант. Сечёшь? Он сам никто и звать его никак, но нас с тобой он делает счастливыми. Целыми. Он – то счастье, которого нам при рождении не доложили. Мой третий шанс. И твой.

Страйк! Страйк, да дай же мне сказать!

– О, Лёха прям с ума сходит. Ну, говори, говори. Женька, привет! Слушай, я, долго пытался разобраться, почему с нами покупка душ работает, а с остальными – нет. Мы давно должны были догадаться.

“Не мудри, выкладывай”, – эхом в черепе откликнулся Страйк.

– Ты жил в моем теле моей идеальной жизнью. Я всегда хотел быть спортивным, карьеру делать, любовь найти. Страйк живёт в твоём теле твоей идеальной жизнью. Понимаешь? Ну?

Женя помотал головой. До него не доходило.

– Договор – формальность. В основе успешной сделки лежит требование душевной пустоты, прорехи в том месте, где находится идеальное Я. Она разрастается становится душевным вакуумом, если живешь не своей жизнью, не следуешь призванию или желанию.

Второе требование – наличие человека, способного и готового жить твоей идеальной жизнью. С его согласия душевный вакуум способен его втянуть и дать заполнить пустоту собой.

Мы оба жили не тем, чего хотела душа. Занимались чем угодно другим, а там, на месте мечты пустота разрасталась. Ваккум. Вот он-то и затягивал в себя душу, способную его наполнить и вдохнуть в мечту жизнь. Страйк, вон, денег и покоя хотел, размеренности, а какой может быть покой, если ты такая творческая на всю голову личность и наркоманка? И тут появляется амёба вроде меня. Чёрт знает, чего ему не хватало, чтобы снова стать композитором, но во мне такие гайки нашлись. И вот результат. Знаешь, он из-за меня почти бросил курить. Уже неделю ни затяжки. Да и вискарь уже не каждый день. Это же не его привычки, это мои, как и манера обзывать дятлом.

– Ну, не знаю... Вроде, всё сходится, но мы уже несколько раз полагали, что во всём разобрались.

– Женька, – снова влез в разговор Страйк. – Эта ехидна клонит к тому, что нам для полного счастья любви не хватает. Это чистая правда, между прочим. Секса навалом – любви ноль. Но отдать я его, сам понимаешь... Кстати, ты его и не выклянчиваешь, за что тебе отдельное спасибо. Да погоди ты уходить, позер хренов, интеллигенция потомственная! Успеешь уйти-то. Мы как бы из троих обычных людей сложили одного хорошего. Последнего куска не хватает.

Женя передумал уходить. Он слушал его вытаращив глаза и пытался собраться с мыслями. Видно было, что он совершенно потерялся. Настолько, что даже тени прежней печали в нём не чувствовалось.

– А ты точно сейчас не под наркотиками?

– Точно. Только пара глотков вискаря. Ну? Согласен?

– Не боишься? – Женя явно тянул время, пытаясь найти в себе силы и решиться. – Это мне терять нечего, а ты рис-

куешь потерять всё. Этот договор будет последним. Тело оwoщем станет, с ним не передоговоришься.

– Боюсь, – честно признался Страйк. – Но ещё больше боюсь весь остаток жизни жалеть о том, что упустил свой четвёртый шанс.

6. Вместе

На сей раз мы справились быстро. Опыт сказывался. Все средневековые домыслы мы опустили как несущественные, оставив только суть, уместившуюся в четыре предложения.

– Напоминает сказку про теремок, – Женя всё ещё страшно волновался, но пока никаких нежелательных эффектов не наблюдалось.

– Точнее, про черепок, – подхватил Страйк. – Кто-кто в черепочке живёт? Кто-то в невеликом живёт? Тьфу... Типун тебе на язык, Жека. Там же всё плохо кончилось.

Он тоже занервничал, схватил гитару и принялся импровизировать. Выходило довольно сносно. Мы с перепугу даже сумели завершить мелодию, над которой бились последние несколько дней. Тут порядок.

– О... Ещё! – сказал кто-то, и мы, наконец, вспомнили про самый большой недостаток нашего плана.

Недостаток этот сидел, обмякнув на стуле, и улыбался. Черты моего бывшего лица расплылись и одрабли, взгляд помутнел. Овоц, в который превратилось моё, теперь уже навсегда бывшее тело, был в сознании и желал продолжения концерта.

Страйк немедленно вспотел и потерял дар речи. После стихийного совещания было решено, что он продолжит играть, а я с Женей пока соображу, что делать с телом.

Спустя полчаса мы уже ехали в такси по направлению к моему старому дому. Страйк на всякий случай всё ещё играл, игнорируя кислую рожу таксиста. В глазах водителя, отражавшихся в зеркале заднего вида, отчётливо читалось сожаление о том, что не спросил за перевозку этого шапито двойную цену. Пришлось сказать, что парень просто debil, но не опасный, а музыка – чтоб не плакал. Уважаемый же не хочет, чтобы в его таксо всю дорогу плакал debil? Уважаемый смирился, дополнительно утешенный обещанием повышенных чаевых, но продолжал коситься в зеркало.

Овощ позволил проводить себя до дома, но по прибытии потребовал продолжения концерта. Хотя бы полчаса. Мы уговорили его прилечь на диван отдохнуть, на что он охотно согласился. Женя сказал, что к моменту нашей встречи не спал уже почти двое суток, и тело скоро уснет. Играть пришлось почти час. Овощ, словно разгулявшийся младенец, до последнего таращился в потолок и возился. Наконец, он смежил веки и задышал ровно.

– И что дальше? – поинтересовался Женя.

Я предложил просто уйти, оставив тело жить как получится. Мне казалось, что ни друзья, ни сослуживцы разницы не заметят. Страйк был категорически против. Для убедительности он рассказал несколько эпизодов из последних дней жизни своего тела. Эти истории поведали ему бывшие собутыльники, ставшие свидетелями, а то и жертвами пошедшего вразнос тела. Конечно, это было тело наркомана, но неизвестно, что оно начудило из-за наркотиков, а что – по скудоумию.

Женя предложил вызвать скорую из психушки от имени соседей. Мол, волнуемся, не в себе человек который месяц, а сегодня сделался буен. Как-то подленько получалось, но, с другой стороны, за ним присмотрят и не будут выпускать к людям. Никто не пострадает. Решили так и поступить, а для очистки совести слать бедолаге передачи с чем-нибудь вкусеньким. Если, конечно, узнаем, куда упekli.

Уходить не хотелось. Нас ждала неизвестность и целая куча дел, но мы сидели и смотрели на то, что когда-то было мной, потом нами, чтобы в конце стать никем. Ненужный огрызок. Опустевшая оболочка. Старый панцирь после линьки. Лишь услышав шум мотора подъехавшего микроавтобуса, мы направились к выходу. Объясняться с санитарами не хотелось. Мы повстречали их на лестнице, любезно подсказали, на каком этаже находится одиннадцатая квартира и были таковы.

Нам сейчас не до овощей и овощеводов. Головоломка получила последний недостающий фрагмент, и пришло время проверить, всё ли встало на желаемые места. Талант, здоровье, воля к жизни, амбиции, деньги...

Любовь. Мы мчались к Оле. На улице уже стемнело и было самое время петь серенады под окном. В голове у нас складывались первые аккорды и сплетались первые строки. Скоро мы узнаем, есть ли в нашем уравнении место для любви.

СЛОВА БЕССМЕРТНЫХ

I Последнее слово

Ветхий Днями явился с востока – иссушённый тысячелетиями ходячий костяк, обтянутый тонкой бледно-коричневой кожей и едва прикрытый потерявшими всякий вид лохмотьями. Волосы, сколько их осталось, были тонки и редки, отчего казалось, будто кто-то накинуд на облысевший череп длинный, до пояса, лоскут паутины. Лишь подпрыгивающий в такт танцу золотой медальон на его шее не казался древнее мира.

Засмотревшись на этот блестящий кругляш, Глашатай споткнулся обо что-то и, кажется, даже приложился плечом об угол ближайшего дома. Да что там угол – рухли на него всё здание целиком, он обратил бы на это не больше внимания. Сверкающее на солнце число 72 означало, что исполняющий Танец Последнего Слова дед мог оказаться старше всех жителей Города вместе взятых. От одной мысли о том, что могло заставить одно из древнейших в мире живых существ решиться на Последнее Слово, становилось жутко.

Старик двигался в сторону площади, а люди, бросая свои занятия, следовали за ним. По взглядам, которыми они обменивались, было понятно: им тоже не по себе.

Дотанцевав до середины площади, 72-й остановился, тяжело переводя дух. Смотреть как двигаются обтянутые

кожей ребра, было неприятно, но глаз с него не спускали. Старик ждал, осматриваясь. Подходили люди. Вязко текли минуты. Любопытство постепенно уступало место нетерпению, однако никто не осмеливался торопить Ветхого Днями.

Наконец, решив, что собралось достаточно свидетелей, он повернулся в направлении восточных ворот и указал на дорогу, по которой пришёл. Сотни глаз впилась в него, ловя малейшие оттенки жестов и мимики: безумный страх, бесконечное отчаяние, смертельная опасность, крайнее отвращение. Была ещё усталость. Обычная усталость, которая принадлежала лично старику и не относилась к вестям, которые он принес. На неё не обратили внимания.

Замерев в сложной символической позе, словно превратившись в ещё одну статую в дополнение к уже украшавшим площадь, он не двигался достаточно долго, чтобы все успели воспринять её значение, после чего приступил к самой важной части послания:

– Бессмертные! – хрипло, но отчетливо произнёс Ветхий Днями. Слово ударило тяжело и глухо, заставив многих пошатнуться. В нём звучало отчаяние перед лицом неизбежного, без тени надежды. Все, как по команде, посмотрели туда, куда он указывал, словно и впрямь ожидая кого-то там увидеть, хотя старик дал понять, что опасность ещё очень далеко... и тут же снова обратили всё внимание на вестника, увидев, как монолитная арка восточных ворот стремительно рассыпается, обращаясь в мелкую серую пыль. У этого могло быть только одно объяснение.

Слово и впрямь оказалось последним: Родившийся Семьдесят Вторым От Начала Времён умер, оставив после себя пригоршню точно такой же пыли. Вслед за ним покидали мир его творения.

Глашатай ещё успел удивиться тому, что старик, оказывается, когда-то поучаствовал в строительстве Города. Возведённый в незапамятные времена, Город, сколько помнили

его жители, не менялся. Время от времени Архитектору приходилось выполнять незначительный ремонт, когда уходили из жизни древние строители, но так, чтоб целиком ворота и...

– Библиотека!

Отчаянный крик Архивариуса развернул, сорвал с места. Оказывается, старик когда-то изрядно потрудился на благо города, и теперь Библиотеку постигла участь ворот.

Эта мысль посетила Глашатая, когда он со всех ног бежал к остаткам здания. Если пострадали книги или что-то созданное 72-м не успели скопировать – дело плохо. Даже десять ворот не стоят единственной книги.

Серая пыль была тончайшего помола, легкая и на ощупь мягкая как пух. Руки жадно нырнули в неё ища, нашаривая. Вот они! Россыпь прямоугольных табличек размером с ладонь. Много – десятки, а может и сотни, тысячи.

Он успел извлечь на свет несколько табличек, прежде чем заметил, что люди стоят вокруг и смотрят на него в ожидании, а Архивариус – умоляюще. Их серые по локоть руки бережно сжимали мудрость тысячелетий – столько, сколько можно было унести. Что ж, в прахе и так есть кому копаться, а его дело – решать как быть дальше. Он кивнул на Ратушу и сам пошел к ней, задержавшись лишь затем, чтобы забрать у одного из горожан восьмистраничный том.

* * *

Указав Архивариусу на Большой Зал и оставив его распорядиться, Глашатай отправился в Кабинет, где уже собирався остальной Совет.

В ближайшее время покоя в Городе не предвидится. Мало закончить спасательные работы – надо ещё и выяснить, какие книги остались в единственном экземпляре и назначить Переписчиков. Это даже хорошо: у людей не будет времени думать о страшном известии, которое принес Родившийся Семьдесят Вторым От Начала Времени.

“Нисколько не удивлюсь, если старик именно на это и рассчитывал – дать нам ещё немного времени на размышления, пока остальные заняты. Как будто это что-то меняет. Все знают о Бессмертных, но никто не знает, как пережить их появление. Но теперь мы не можем не попытаться. С Последним Словом не поспоришь.”

Он вошел в Кабинет, кивком приветствовал сидящих в нем людей и положил книгу на середину стола, так чтобы было видно всем. Заглавие гласило: “Всё о Бессмертных”.

Большинство книг помещалось на одной табличке – сжатая, выверенная, исчерпывающая информация. Иначе и быть не может, когда на каждый написанный символ уходит столько сил. Бывало, человек платил остатком жизни за то, чтобы передать знания остальным. “Всё о Бессмертных” состояла из восьми страниц и наверняка была не по силам одиночке. Величайшая редкость!

Люди в комнате замерли, впитывая смысл изображённых на страницах символов.

II Самое важное о Бессмертных

Книга гласила: “Бессмертные не знают усталости, болезней и смерти от старости, но убить их можно как любого человека.

Ещё их можно заставить исполнять желания, однако человеческого языка они не понимают. Лучше сначала показать им вещь, которую хочешь получить, и они её сделают.

Заставлять нужно каждого по своему, а с некоторыми и вовсе никак не договоришься.”

Один Бессмертный у Лота уже был, но какой-то вялый, негодный. Он сделал немного золота, после чего наотрез отказался читать свои заклинания. Уж как только Лот его не заставлял – толку никакого. Он уже подумывал было продать обленившуюся скотину, но потом случайно наткнулся в

обозе на эту книгу и с тех пор не раз благословил скуку, благодаря которой некогда с грехом пополам научился читать.

“Лучше всего работает такой способ. Поймай двоих Бессмертных и определи из них старшего. Чем старше на вид Бессмертный, тем меньше желаний он исполнит. Если на вид они сверстники, то выбирай того, у кого на украшениях рисунков проще.

Дай старшему кусок золота и объясни знаками чтоб сделал такой же. Он откажется. После этого убей его сразу так, чтобы второй видел. Убивают их так же как людей.

От старости они не мрут, и из-за того смерти боятся как никто другой. Посему, когда ты дашь второму золото, он сделает как ты попросишь.

После этого закуй его в цепи и оставь при себе. Обращайся с ним хорошо, и он будет давать золото и тебе, и детям твоим, и внукам.”

Сегодня везение продолжилось: утром он наткнулся на след Бессмертного. Сказавшись больным и для убедительности сунув горсть монет фельдшеру, Лот взял еды на два дня, веревку покрепче и прочий походный скарб, после чего сбежал в самоволку.

“Однажды он постареет и не сможет больше колдовать. Тогда ищи замену, а этого до поры сбереги.”

Этого Бессмертного он поймает, а старого убьет в назидание. Только бы помоложе попался...

III Всё о Бессмертных

В отличие от людей, Бессмертные не были сотворены по образу и подобию. Апофеоз борьбы за выживание, эти животные оказались самыми смыслёными, легко обучающимися и приспособляющимися. Обойдя конкурентов, они развили успех и стали разумными. Не как люди – скорее как злая карикатура на людей, которым они пытались подражать.

“...бесконечное отчаяние...”

Они освоили речь, но не умели вкладывать в слова жизненной силы. Это позволяло им говорить много и бессмысленно без малейшего ущерба для себя и заодно породило их прозвище. Уже одно это обстоятельство делало общество Бессмертных невыносимым для людей. Всю жизнь терзаться жутким ощущением, что с каждым словом, с каждым актом творения тебя становится меньше – и вдруг увидеть такое. Как будто у тебя на глазах кто-то равнодушно режет себя на куски.

“...крайнее отвращение...”

С помощью подручных материалов Бессмертные пытались имитировать предметы, которые видели у людей и даже переиначивали на свой лад. В ход шло всё – камни, палки, части тел животных. Выходила довольно гнусная пародия на процесс творения. И хотя со временем у них стало получаться всё лучше на вид, по сути это так и осталось пародией.

Даже став карикатурой на людей, Бессмертные остались животными. Они всё так же уставали каждый день и вынуждены были восстанавливать силы во сне. Их тела, как и у животных, изнашивались настолько быстро, что прозвище порой звучало как издёвка.

Не имея возможности понять символов в книгах, они всё-таки скопировали и письменность. Получилось так же, как и с речью: в их бесконечных рядах одинаковых значков был смысл, но начисто отсутствовала жизнь. Людей мутило от одного вида их книг, содержавших больше знаков, чем вся Библиотека, но меньше мудрости, чем один-единственный символ в ней же.

“...безумный страх...”

Как будто этого мало, было нечто, что ужасало больше всего: Бессмертные равнодушны к чужой жизни и нисколько не смущаются её прерывать. Всё даже хуже, чем у животных,

ибо они делают это не столько для выживания, сколько для выгоды и развлечения.

“...смертельная опасность...”

Они быстро размножались, заселяя мир и тесня всех прочих его обитателей. В какой-то момент они решили, что принуждение гораздо выгоднее простого убийства и заставили животных служить себе. Были подобные попытки и в отношении людей.

Более омерзительного искажения человеческой сути сложно было представить, и люди, к сожалению, были практически бессильны перед ним.

Грядёт день, гласила книга, когда Бессмертных не удастся больше игнорировать и бежать от них будет некуда. Этот день будет концом мира людей, если они продолжат бездействовать.

IV Медовые лепёшки для Малыша

Малыш был в растерянности. До позавчерашнего дня он знал Бессмертных совсем с другой стороны. Нет, он несколько не заблуждался на их счет и знал на что они способны, однако те, которые жили неподалеку от его дома, были спокойные. Он любил играть с Маленькими, на всякий случай держась подальше от Больших. В случае надобности он помогал и тем, и другим. Навести на тропинку, показать где искать всякие грибы-орехи – пара пустяков. Не без корысти, конечно. Малыш очень любил пищу Бессмертных, и они охотно делились ею или оставляли в условленном месте.

Иногда их Ветхие Днями приходили поболтать с семьёй Малыша, спрашивали всякое непонятное. Дед, как всегда, хмурился и уходил в свою берлогу. Семья же, в основном, отмалчивалась, и Малыш, который опасался остаться без принесённых в дар медовых лепёшек, нес в ответ всякую око-лесицу, наспех составленную из слов, которых он нахватался

у Бессмертных. Ветхие Днями выслушивали внимательно, серьёзно кивали и уходили довольные. Уж что они там понимали и какие выводы делали – было в высшей степени неинтересно. Главное – лепёшки поступали по назначению.

Дед после этого всякий раз брал Малыша за руку, отводил в берлогу и усаживал за чтение. Читать Малыш тоже любил, особенно про тех же Бессмертных. Очень уж любопытные были существа. К сожалению, дед запрещал есть во время чтения, так что удовольствие приходилось получать по частям.

Наверное, дед хотел что-то до него донести, но не мог объяснить и рассчитывал на помощь книг. Понять его порой было трудно. Он, как и старший дед, был другой породы, думал иначе и мысли свои излагал непонятно. Перечитывая раз за разом книги, Малыш открывал для себя всё больше нового, но когда рассказывал об этом деду, тот только мрачнел: не то.

Позавчера Ветхие Днями впервые явились среди ночи. За ними шли сразу четверо Больших, неся два огромных короба. Малыш на какое-то время пришёл в замешательство, когда ему показалось, что за один вечер он не осилит всего, что ему удалось учуять.

Едва разглядев его в темноте, Бессмертные пали на землю и замерли в позах покорности и сожаления. Пока Малыш недоумевал, собралась вся семья, даже старший дед, который уже лет пять не покидал берлоги.

Ветхие Днями заговорили, часто сменяя друг друга. Пока один говорил, второй тяжело дышал. Потом один перестал дышать совсем, и тогда стал говорить только второй, с большими перерывами. Смысл удалось уловить не сразу. Опасность, говорили они. Скоро придут другие Бессмертные, охотники.

Малыш часто видел охотников. Они убивали зверей и делали из них еду и всякие полезные вещи. Обычное дело. Нет,

не то. Это какие-то другие охотники, хищники из числа Бессмертных, которых боятся даже их родичи. Они просили помощи!

Ответом на эту догадку был свист. Что-то пролетело над головой, за спиной сдавленно охнули. Обернувшись, Малыш увидел как исчезает старший дед, а следом за ним облачками пыли рассыпаются все сотворённые.

– Врассыпную! В Город! – крикнул дед и побежал. Малыши не заставили себя ждать: дед сказал. Подстёгнутые словом старика, ноги понесли их разными дорогами, каждая из которых должна была закончиться в Городе.

С тех пор Малыш не видел семьи. Он крался, прятался, когда мог – бежал. Если идти не разбирая дороги, то ноги выведут его к Городу, ибо так сказал дед. А если сосредоточиться, то можно идти куда хочешь. Малыш хотел домой. Из головы у него никак не шла мысль о сокровище – двух огромных, с него размером, коробах медовых лепёшек и прочей снеди. Может быть, именно поэтому ноги вывели его обратно к дому. Там-то он и наткнулся на охотника из Бессмертных.

Охотник заметно отличался от остальных – быстрый, жёсткий, сильный, дышащий опасностью. Склонившись над открытым коробом, он перекладывал к себе в сумку его, Малыша, медовые лепёшки. Рядом лежало оружие, которое не очень-то годилось для охоты на зверей. Вот на людей – пожалуйста.

Услышав издаваемый Малышом шорох, он оторвался от своего занятия и начал озираться, одновременно потянувшись к оружию. Так началась погоня. С тех пор ноги несли его к Городу, а охотник шёл по следу, и расстояние между ними сокращалось. Что делать, когда его настигнут, Малыш не знал. В книгах было много разного, но именно про это написано не было.

Там говорилось, что его народ был сотворен по образу и подобию старым дедом и ещё несколькими людьми. Позже у

сотворенных появились дети – Малыши. Они умеют просто разговаривать, но и умеют вкладывать в слово самих себя, как люди. Тогда получают новые вещи. Совсем немного, несколько раз за жизнь, но зато они от этого не умирают. Вообще, неизвестно, умеют ли Малыши умирать, ведь ни с одним из них этого ещё не случилось. С сотворёнными этот вопрос давно уже прояснился. Когда умерли все, кроме деда и старшего деда, их творения рассыпались в пыль, однако рождённые – дети их творений – уцелели.

И всё-таки, что делать, когда ты...

– Попался!

Верёвка захлестнула ноги, и трава ринулась из-под ног навстречу, уколола щёку. Бессмертный толкнул его в плечо носком сапога, чтобы перевернуть на спину и принялся с удовлетворением рассматривать.

– Повезло! Совсем малец. Не зря я за тобой бегал, маленький паршивец. Ну, иди к папочке...

Охотник снял с пояса второй моток верёвки и склонился над добычей. Если уж делать что-то, то прямо сейчас. Что бы сделал сейчас дед? А старшие? Наверное, ничего. Они понятия не имеют о том, что значит бороться за жизнь. А Малыш имеет. Он видел, когда наблюдал за Бессмертными.

Что бы сделал в такой ситуации Бессмертный? Убил бы, если бы у него было оружие. Убил? Это как на охоте? Должно помочь, Малыш видел. Нужно оружие! Мысленно составив образ вещи, которую решил сотворить, он сосредоточенно произнёс:

– Нож!

Руке стало тяжело. Теперь ударить. Куда бы ударил охотник? Вон туда, чуть ниже вытаращенных от удивления глаз и ещё чуть ниже изумленно приоткрывшегося рта.

Взмах вышел неуклюжим и не очень точным, но его хватило. Отпрыгнув, Бессмертный схватился за горло, завалился на бок и начал умирать. Малыш смотрел на него, пока ноги

снова не захотели нести его к Городу. Тогда он разрезал верёвку и последовал их настойчивому зову, задержавшись лишь затем, чтобы прихватить котомку с медовыми лепёшками. Больше его ничто не задерживало.

Окровавленный нож он нёс в руке.

V Как правильно думать о камнях

– Камень.

На земле перед Десятитысячным появился небольшой камень. Он поднял его и со вздохом бросил направо, в кучку точно таких же камней – чёрных, гладких, с заметным сколом на одной из сторон.

– Не то! – наблюдавший за ним Малыш вскочил, всплеснул руками и замотал головой, отчего его рыжие кудри пришли в окончательный беспорядок.

Хотелось отвернуться или закрыть глаза, чтобы не видеть этого хаоса жестов, мимики и поз, но Десятитысячный заставил себя смотреть, преодолевая накачивающее головокружение. Надо было научиться игнорировать всё лишнее, не упуская сути. Спустя несколько мгновений он понял, что Малыш просто волнуется из-за неудачи.

– Ты опять думаешь о том, чего нет. А когда ты говоришь про то, чего нет – оно появляется. Смотри на камень, представь его. Он уже есть, просто назови его имя, ну?

– Камень, – послушно произнес Десятитысячный.

Дыхание перехватило, сердце утроило ритм и кровь, наполнившись колючими искрами бросилась по жилам. Ещё до того, как по телу разлился привычный экстаз акта творчества, он понял, что снова потерпел неудачу. Камень явился там же, где и все его близнецы.

– Не так! Тупица ты этакий!

Он вздрогнул и в ужасе стал прислушиваться к ощущениям. Ничего нового. Слово, просто звук. Малыш не пытался

повлиять на его умственные способности, а всего лишь изливал досаду.

– Ты думаешь про точно такой же камень. Нельзя! Нельзя так думать! Думай и говори именно про этот. Сколько раз я тебе...

Не договорив, Малыш вдруг застыл с разинутым ртом, помолчал и вдруг крикнул:

– Я знаю!

Одним прыжком очутившись перед человеком, он схватил его за подбородок своей пухлой ручкой и уставился прямо в глаза.

– С этого момента ты будешь говорить не вкладывая в слова жизненную силу. Будешь творить только если специально этого захочешь, – рука его ощутимо дрогнула, зрачки расширились. – Вот! Ну-ка, попробуй!

На сей раз Десятитысячный испугаться не успел, хотя следовало бы. Запоздало отшатнувшись, он некоторое время молчал, после чего посмотрел на камень, подумал о нём и сказал:

– Камень.

Ничего не произошло. Слово, просто звук. Получилось! Он поспешно изобразил...

– Э-э... Нет, приятель. Прекрати-ка кривляться. Решил стать похожим на Бессмертного – будь похожим во всем. Прими прежнюю позу... Вот так... Руки! Теперь продолжим. У тебя получилось то, что ты считал невозможным. Ты всё понял, но удивлен и растерян. Что в такой ситуации делает Бессмертный? Он таращит глаза и задает дурацкие вопросы, ответ на которые очевиден. Давай!

Десятитысячный старательно вытаращил глаза, и после краткого раздумья осторожно изрёк:

– У меня... получилось?

– Мо-ло-дец! – Малыш подпрыгнул от восторга и хлопнул в ладоши. – Из тебя выйдет толк, – и добавил. – Заодно

мы выяснили, что Малыши не рассыпаются в пыль израсходовав всю силу творения. Нет, ты не ослышался. С этого момента я больше никогда не смогу... Прекрати кривляться, кому говорят! Прими прежнюю позу и скажи словами.

– М-мне... очень... жаль...

– Пустяки! – отмахнулся Малыш. – Пошли в город, расскажем вашим.

VI Красота и то, что из этого следует

– Ты только посмотри на эту красоту, Бренди, – фельдшер раздвинул края раны на горле трупа и восхищённо прицокнул языком. – Какой разрез! Кто-то единым махом располовинил ему глотку и съёл кусок челюсти. Никаких рваных краев, никакой костяной крошки. Просто ровненько разложил на две части, словно старина Лот был сделан из студня. А уж глубина... Я не знаю, чем это сделали, но будь у меня такой инструмент... – не найдя слов, он показал как взял бы незримый инструмент и несколько раз с наслаждением рассек им нечто воображаемое.

Капитан не хуже фельдшера разбирался в ранах. По крайней мере в той части науки, которая касается их нанесения. Ему было достаточно беглого взгляда, чтобы понять то, что сейчас с азартом истинного ценителя вещал лекарь. Слушая вполуха, он исследовал поляну. Осмотрел примятую траву и обрезки верёвок, прикинул позицию, из которой мог быть нанесён удар, отметил, что кошелёк Лота и его оружие остались при нём.

Внимание к деталям – одно из важнейших качеств для предводителя солдат удачи. Оно не раз выручало его и помогало наполнить карманы. И уж если твой лучший следопыт, которого не валят с ног ни самогон, ни лихорадка, вдруг сказался больным и исчез – это означает только одно: он взял след.

Плох тот охотник, который держит своих псов на поводке. Бренди считал, что возможность ухода в свободный поиск работает куда лучше любого приказа и никогда не наказывал следопытов, если им удавалось тайком выследить и прикарманить добычу. Те, со своей стороны, не держали на капитана зла за случаи, когда ему удавалось их переиграть, что случалось гораздо чаще.

– Шутки кончились, парни, – он нарочно возвысил голос, чтобы его слышали как можно больше солдат. – Нам удалось расшевелить Бессмертных. Теперь у них есть оружие.

VII Все в сборе

Город менялся неохотно и выглядел растерзанным. Быстрая смена событий, поток посетителей, пустота на месте привычных зданий – всё ранило его, вместо того, чтобы становиться его частью. Даже звуки были для него мучением. Хохот и болтовня двух Малышей, пинавших по площади между статуями какой-то круглый камешек, звучали громовыми раскатами, мешая сосредоточиться на повседневных делах и мыслях. Глашатай искренне завидовал их способности запросто выбрасывать из головы проблемы любых масштабов, вплоть до вселенского.

Дождавшись, пока игроки обратят на него внимание, он жестом призвал их соблюдать тишину и направился обратно в Зал Совета, где на столе ждали книга, окровавленный нож и чёрный камень с заметным сколом на одном из боков. Два ответа на один вопрос, оба правильные. Оба плохие.

Услышав за спиной шепоток и хихиканье, он обернулся, удивлённый тем, что его просьба осталась без внимания, но тут же забыл о ней. Там, где когда-то были Восточные Ворота, по щиколотку в серой пыли стояло дюжины две Бессмертных. Вид у них был усталый и ошарашенный, но в то же время весьма торжественный. Четверо из них несли на

плечах небольшой деревянный помост, украшенный яркими ленточками и побрякушками. Остальные были вооружены. Сорвавшийся было с губ тревожный крик так и не родился: в середине помоста на удобном маленьком креслице восседал ещё один Малыш.

Первой мыслью было почему-то: “Ещё один! Как их теперь различать? Номеров у них нет, в этих двоих и то путаемся. Как они друг друга различают?”

Пока он стоял в растерянности, Малыши уже успели сориентироваться и наперегонки бросились приветствовать собрата, который теперь размахивал руками и подпрыгивал на своём помосте, не щадя натруженных плечей носильщиков. Те терпели, не выражая ничего, кроме благоговения и достоинства, словно в жизни не делали ничего важнее таскания на плечах нахального коротышки. Остальные молчали, стояли как вкопанные и явно не собирались нападать.

Поймав взгляд ближайшего горожанина, Младший Советник кивнул в сторону Ратуши: предупреди, а сам пошёл навстречу гостям.

При его приближении носильщики опустили на одно колено, а все остальные пали ниц.

– Они думают, что я их Создатель, – жизнерадостно общил новоприбывший и прыгнул с помоста.

Упреждая его движение, один из Бессмертных оживился, ловко расстелил красивый коврик в месте предполагаемого приземления и снова уткнулся головой в пыль.

– Во, видали? Даже по земле ступать не разрешают. Дескать, не достойно. Пылинки сдувают. Эй, не вздумайте ничего трогать! – внезапно заорал он на других Малышей. – Всё, к чему вы прикоснётесь, будет считаться вашим. Даже они сами. Потом будут ходить следом, как вот эти. Ну вот, что я тебе говорил!

Один из Малышей безуспешно пытался вернуть ближайшему Бессмертному копьё, наконечник которого успел из

любопытства потрогать. Тот отчаянно мотал головой и уже в третий раз падал перед ним на колени, протягивая оружие.

– Бери, дурак, бери, – засмеялся новенький, которого Глашатай про себя решил называть Третьим. – Он не отвяжется. Только аккуратно бери, чтобы пальцев случайно не коснуться.

На шум стали собираться жители города, и чем больше их становилось, тем больше гости зарывались в пыль.

– А с чего вдруг они решили, что ты Создатель? – поинтересовался рыжеволосый Малыш.

– Да, случайно получилось, – беззаботно заявил Третий. – Деревня у них на краю ущелья стоит. Не то, чтобы широкого, но не перепрыгнуть никак. Мне обходить лень было, так я мостик сотворил. Они как увидели – словно с ума сошли. Сбежались все и давай кланяться. С тех пор не отстают. Я сперва отказывался, сбежать хотел, но потом гляжу: удобно...

Ответом ему был залиvistый смех собратьев.

Глядя на хохочущих Малышей, Глашатай думал о том, что происходящее не имеет отношения к случайностям. Каждый из них принёс свой ответ на вопрос о том, как людям вести себя с Бессмертными. По отдельности каждая история действительно выглядела как совпадение. Один в момент опасности решил создать и использовать оружие. Второй встретил Десятитысячного, размышлявшего над идеей мирного сосуществования, и научил его подражать Бессмертным, что давало возможность поселиться среди них. Третий нашёл способ повелевать ими, используя их трепет перед актами творения.

Нет, это не было случайностью. Дело было в самой природе Малышей. Они умели быстро находить решения, вместо того, чтобы по возможности уклоняться от их поиска, как было свойственно людям. Их внутренняя суть неизбежно проявила бы себя если не в этих, то в каких-нибудь других ситуациях.

Видимо, в этом и состоял замысел Семьдесят Второго и его единомышленников – привнести в застывший, неспешный мир людей энергию и способность к адаптации. Мир этот был даже не инертным – статичным. События в нем были наперечёт, а новшества и вовсе не случались. Страшась растратить себя, люди давно уже избегали актов творения, ограничиваясь поддержанием уже созданного. Такой мир был беззащитен перед стремительной изменчивостью Бессмертных, подстегиваемых своей жалкой недолговечностью.

И вот, ответы получены. Можно выбрать любой, но каждый из них означает, что мир людей не останется прежним. Он просто перестанет существовать. Всё его существо противилось этой ужасающей мысли. Хотелось вновь отложить всё и ждать, ждать. Быть может, придут и другие Мальши, и кто-то из них принесёт ответ, который можно будет принять без содрогания.

Тут кто-то легонько хлопнул его по локтю.

– Ты слышишь? Я говорю, теперь все в сборе. Остальные? Остальных поймали. Больше никто из наших не придёт.

VIII Расспросы о дороге до Города

Сержант привёл пленника ещё засветло. Даже снявший доспехи по случаю привала и оставшийся в стёганой куртке и кожаных штанах, он казался великаном рядом с низеньким пухлым мальчишкой, которого вел, ухватив за длинные, сроду не стриженные космы. Солдат был смущён – не то необходимостью участвовать в допросе, как он полагал, ребенка, не то тем, что ребенок этот был гол, если не считать аккуратной повязки, удерживавшей деревянный лубок на сломанной руке.

Мальчишка, в отличие от конвоира, смущения не ведал. Он бодро шлёпал рядом, успевая с любопытством озираться. Приметил на земле шишку, походя пнул, стараясь попасть в росшую чуть в стороне поганку.

– Попал! Ты видел? – он бесцеремонно пихнул сержанта локтём в бок. – Пятая подряд! Ещё две – и я победил.

– Отстань, – уныло огрызнулся тот. – Я с тобой об заклад не бился.

– А давай, а? Давай? Я семь подряд ещё не сбивал...

Солдат лишь шмыгнул носом и отвернулся. Мальчишка был всё так же непоседлив и деятелен, как и полтора часа назад, когда его отправили для вразумления к Черному Конюху. При других обстоятельствах капитан решил бы, что палач наплевал на приказ, но повязка на руке и несколько свежих кровоподтеков не оставляли сомнений. Просто таковы уж были эти коротышки, которых парни наловили в лесу. Похоже, они не умели пребывать в ином настроении, кроме приподнятого. Ни что их не расстраивало дольше, чем на пару минут, что лишний раз доказывало, что никакие это были не мальчишки. По крайней мере, не человеческие.

– Давай! – настаивал он. – Я тебе сапоги новые сделаю, если проиграю. Против трёх полосок вяленого мяса и ... О, Бренди!

Заметив капитана, Бессмертный с полуслова переключился на него.

– Ты дурак, Бренди, – заявил он, без приглашения плюхаясь на гладкий валун напротив. – Даже до этой каменюки, – он хлопнул ладошкой по своему импровизированному сиденью, – давно дошло: я не могу рассказать тебе где Город потому, что я этого не знаю. Если ты нацелился перетупить булыжник – у тебя непременно получится, но я не стану знать где Город, даже если ты сломаешь мне вторую руку.

Он выглядел скорее недовольным, чем испуганным и болтал без умолку. Не подтверди местные, что этот карапуз жил в пещере вместе с Бессмертными, Бренди подумал бы, что имеет дело с обычным десятилетним мальчишкой. Но вот что странно – Бессмертный не сказал бы ни слова и только выплясывал бы и размахивал руками в ответ, а у этого язык как

помело. И ни капли страха в глазах. Нет, человеческие дети так себя не ведут и не говорят так складно.

– Но ведь ты туда шёл?

– Шёл.

– И как ты собирался его найти?

– Говорю же: дед сказал, чтобы я шёл в Город. Значит, если я буду идти, то обязательно приду. Так оно работает. Вам всего-то и надо было, что продолжать идти по следу вместо того, чтобы ловить меня.

Бренди, с веселым интересом слушавший эти рассуждения, наконец, не выдержал и расхохотался. Последняя тень сомнений покинула его: человек не может быть настолько наивным.

– Вы слышали, ребята? – обратился он к охранявшим их сержантам. – Чтобы прийти в Город, надо просто идти, и ноги сами вас приведут.

– Ты дурак, Бренди, – повторил Бессмертный. – Просто идти, и идти потому, что так сказал дед – не одно и то же. Это твое слово просто звук, а когда говорит дед, случается как он скажет.

– Знаю, – с улыбкой кивнул капитан. – Это называется приказ. Но приказы не всегда выполняются. Иногда их даже лучше не выполнять. Вот, скажем, я сейчас выпущу тебя. Ты что, в Город пойдёшь, зная, что мы у тебя на хвосте? Ну, то есть, по следу идём, – поправился он, видя, как пленник озадаченно оглянулся, чтобы убедиться, что хвоста у него нет.

– Пойду, конечно. Это приказ можно не выполнить, а слово – другое дело. Будет так, как сказано, даже если мне этого не хочется, – он пожал плечами и тут же скривился от боли: перелом не преминул напомнить о себе. – Слушай, а долго ещё болеть будет?

– С месяц примерно. Если повезет.

– Неудобно, – покачал головой Бессмертный. – А как вы с этим справляетесь?

Капитан в ответ лишь хмыкнул и протянул ему фляжку. Тот некоторое время возился с пробкой, после чего, обливаясь и захлебываясь сделал несколько жадных глотков и закашлялся. Прошло добрых полминуты, прежде, чем он решился на следующую попытку, однако капитан, угадав его намерение, в последний момент кинулся на перехват и фляжку отнял.

– Хватит с тебя.

– Ну и дрянь, – тяжело отдуваясь молвил Бессмертный. – Обычно еда у вас вкусная. Но это, конечно, не ради вкуса держат, я понимаю. А ты от чего лечишься? – заинтересованно спросил он, заметив, как Бренди расправляется с остатками алкоголя.

– Не твоё дело.

– Ну, не моё, так не моё... Слушай, что-то мне хуже стало. Мало руки – теперь ещё и голова кругом идет, и в животе как-то не очень. Так и должно быть?

Бренди молча кивнул, стараясь не выдать того, насколько внимательно следит за пленником. Он уже понял, что пытками толку не добьётся. Все эти маленькие паршивцы до последнего вздоха пели ту же песню, что и этот. Быть может, спиртное развяжет ему язык?

– А боль насовсем уйдёт?

Бренди помотал головой.

– Ну-у... Так не пойдёт. Дай-ка я лучше... – мальчишка ненадолго замолк, уставившись на сломанную руку, после чего буркнул себе под нос что-то невразумительное и улыбнулся. – Смотри! Так лучше.

Он сдёрнул наложенную фельдшером повязку вместе с деревянным лубком и продемонстрировал Бренди руку, которая была теперь совершенно здоровой. Посиневшие и отёкшие было пальцы на глазах обретали здоровый цвет и подвижность.

– А я уж засомневался, в том, что ты Бессмертный, – улыбнулся капитан.

– Ха! Так вот вы как нас называете! Взаимно, знаешь ли...

Не окончив фразы, он впал в задумчивость и замолчал, подперев подбородок пухлой ручонкой. Алкоголь действовал на него как на обычного человека.

– Как тебя на самом деле зовут? – спросил Бренди.

– Зовут? Меня зовут... Малыш... Как всех рождённых. Смешно, наверное... Всех, вон, сотворили, а нас – родили. Специально родили, чтобы мы не рассыпались, когда силы кончатся. Сотворённые – рассыпаются, а мы – нет. Мы не умеем так, чтоб до конца, без остатка, до последней капли. Потратил чуть-чуть – и всё, дальше живи как хочешь. Потому у них номера, а нам не положено. У нас – одно имя на всех...

Он уже давно болтал сам с собой. Его слушатель терпеливо дождался подходящего момента, и когда ему, наконец, показалось, что время пришло, спросил:

– Слышишь меня? Малыш...

Тот поднял на него мутные глаза и наморщил лоб, сиюсь уловить суть сказанного.

– Ты хочешь уйти отсюда, Малыш?

Мальчишка кивнул так, что чуть не потерял равновесие:

– Хочу. Должен. Дед сказал...

– Ты знаешь, что такое золото?

– Ага

– Вот и хорошо. Сделай мне кусок золота размером вот с этот бульжник и иди куда хочешь.

– Всего-то? – Малыш рассмеялся, ткнул в него пальцем и в третий раз заявил: – Ты дурак, Бренди! Трижды дурак. Трагитить мои силы на такую скучищу, когда я могу... о-о-о, я могу... Хотя, не важно уже. Держи!

Он закончил свою тираду несколькими размашистыми жестами и невнятной скороговоркой, осмотрел результат и хихикнул.

– Ой, промахнулся. Но тебе даже идет. Прощай, Бренди.

Капитан не ответил. Онемев от ужаса, он смотрел на свои ноги, по колено утонувшие в огромном самородке, оказавшемся даже больше, чем ожидалось. Он отчаянно рванулся раз, другой, но не смог сдвинуться и даже не был уверен в том, что его голени и ступни всё ещё существуют.

– Ах ты... ты... гад-деньш!

Решив, что слов недостаточно, он рванул с пояса нож и метнул в спину удаляющегося Бессмертного. Тот охнул, развернулся, одновременно пытаясь ухватиться за рукоять, но так и не сумел до неё дотянуться. Кажется, он даже хотел что-то сказать, и прикованный к месту Брендли внутренне сжался, не зная, будет ли это обычное слово или ещё одно заклинание. К счастью, бросок вышел удачным, и Малыш рухнул на землю, не издав более ни звука.

Облегчённо выдохнув, капитан, попытался сесть обратно на колоду, служившую ему стулом, но потерял равновесие и опрокинулся на спину. Несколько мгновений он потратил на борьбу с золотой глыбой, норовившей покатиться в сторону, увлекая его за собой и грозя переломать ноги, но его спас вовремя подоспевший на помощь сержант.

– Отлично парни! – сказал Брендли, вытирая пот со лба. – А теперь несите грёбаное долото и что там ещё нужно. Готов поспорить на половину этого самородка, что из такой передраги вы меня ещё не вытаскивали.

– Спорю на три четверти, – подмигнул сержант. – Что тут придется повозиться, а ты будешь нам очень благодарен.

Брендли нахмурился было, но, покосившись на глыбу и снова оценив её размеры, махнул рукой:

– По рукам. Только не пропивайте всё сразу.

Присутствие духа начало возвращаться к нему: борясь с коварным самородком, он почувствовал, наконец, пальцы ног и ступни. Значит, он не калека, а богач, и приключение ещё только начинается.

IX Выбор

Глашатай завершал обход Города, приближаясь к площади. На каждом третьем шаге он совершал сложный ритуальный прыжок, приземляясь звонко хлопал в ладоши и скидывал руки над головой. Закреплённые на шее, запястьях и лодыжках бубенцы мелодично звенели, созывая горожан на площадь. В этом не было необходимости. Все уже давно ждали его, однако Танец Закона следовало довести до конца.

Наконец – площадь и расступающаяся перед ним толпа. Взойдя на возвышение, он некоторое время переводил дух, утомленный долгим танцем. Оглядывал людей. “Совсем как 72-й”, – подумал он. Малышей не было ни видно, ни слышно, все остальные терпеливо ждали.

Это была его обязанность – огласить вслух решение Совета и вложить в него силу приказа. Сделать Законом.

– Есть три пути, – сказал он и надолго замолчал. – Первый путь – создать оружие и сражаться...

Он вытянул перед собой руку с ножом и сделал несколько взмахов, словно рассекая невидимого противника.

– ...Второй путь – научиться говорить как они и поступать как они. И жить среди них...

Это была самая сложная часть. Он долго репетировал её под присмотром Малышей. Подняв над головой чёрный камень с заметным сколом на одном из боков и дав людям разглядеть его, Глашатай выкрикнул:

– Камень!

По лицам и позам было видно, что они поражены. Человек произнёс слово, но акта творения не произошло! Как такое возможно? Что ж, теперь вы знаете, что возможно, а как именно – научим.

– ...Третий путь – найти тех из них, кто будет почитать нас как Создателей... И править ими...

Повинуясь его жесту, четверо Бессмертных вынесли а площадь помост с Третьим. Малыш улыбался и весело махал толпе, ничуть не смущаясь тем, что ему не отвечают.

Глашатай долго медлил, прислушиваясь к тому, как последние отголоски эха гаснут в далеких закоулках Города. Ему хотелось тянуть время бесконечно, наслаждаясь последними мгновениями привычной эпохи. Ещё ни разу Закон не предоставлял выбора. Он всегда был однозначным и не требовал размышлений. Но, видимо, таким и должен быть Закон, рассекающий мир напополам, на то, что было и то, что будет. Он ждал до тех пор, пока нельзя уже было молчать далее. Привыкший жить тысячелетиями, он пытался, но не умел чувствовать мгновений, будь они хоть трижды последними. Пора было произносить что должно.

– Выбирайте!

Иногда миры рушатся без единого лишнего звука или знамения. Не было грома и разверзающейся земли. Светила не рухнули с небес, и даже Город на вид несколько не изменился. Однако, с последним отголоском его крика мир, где слова имели силу, перестал существовать, уступая дорогу миру, где слова – просто звуки.

Люди отвернулись от него и стали расходиться навстречу выбранным судьбам.

Х Сегодня ночью, ребята

Бренди ожидал, что Город Бессмертных будет таким же странным, как и они сами, но даже представить не мог, что в нём не будет совсем ничего обычного. Он был небольшим и застроенным настолько плотно, что непонятно было, как жители протискиваются между странными, не похожими одно на другое и начисто лишёнными симметрии зданиями, больше похожими на беспорядочное нагромождение пирамид, кубов, трубок и совсем уж неопикуемых фигур. Даже

материал, из которого он был построен, был вовсе не камнем – чёрный, отполированный до блеска, без малейших намёков на кладку или облицовку. Казалось, каждая постройка была вырублена неведомыми зодчими из единого куска. Издалека это напоминало гигантскую шкатулку, доверху наполненную причудливо огранёнными ониксами или другими камнями, но тоже непременно чёрного цвета.

Единственным, что хоть как-то делало его похожим на человеческий город, была стена. Но и она была странной – без зубцов, скруглённая сверху так, что устоять на ней было невозможно. Она, пожалуй, годилась для защиты от диких зверей, если бы они вдруг надумали туда сдуру сунуться, но уж никак не предназначалась для отражения штурма. Более того, словно специально с целью подчеркнуть её бесполезность, в том месте, где разумно было бы поставить ворота, зияла прореха, в которую могли проехать в ряд четыре, а то и пять телег.

Эта мнимая беспечность настораживала. Они знали, что Бренди с товарищами их ищут, обзавелись оружием и даже начали его применять – и вдруг не потрудились залатать пролом в стене. Странно, как и всё, что связано с Бессмертными. Их наивность делала их опасно непредсказуемыми.

Немногочисленные жители лениво копошились между зданиями, но чем именно они там занимаются, разглядеть с такого расстояния было невозможно. Пролом, насколько можно было судить, не охранялся, но это как раз не было удивительным. Пожелай кто-то устроить западню, он сделал бы всё возможное, чтобы самый удобный вход в город выглядел бы наименее охраняемым. Впрочем, остальные части стены тоже никто не охранял.

Разведчики четвёртую ночь подряд крутились вокруг города, но не нашли никаких подтверждений тому, что жители знают об их присутствии и вообще выставляют часовых хотя бы в проломе или у ворот. Их всё ещё можно было застать

врасплах, но как штурмовать такие стены, было совершенно непонятно. Вблизи они оказались монолитными, без единой трещины или выступа, не за что было зацепить “кошку”, некуда поставить ногу, а взобравшись на них по лестницам, не за что было бы удержаться. Осадных машин у них с собой, разумеется, не было, да и неизвестно, смогли бы они пробить этот странный камень.

Бренди ещё некоторое время не отрываясь смотрел на пролом. Похоже, выбора не было. Он вздохнул и отправился в лагерь, навстречу вопросительным взглядам изнывающих от скуки солдат.

– Сегодня ночью, ребята, – крикнул он ещё до того, как кто-либо успел раскрыть рот. – Не напиваться. Оружие проверить. Черпак, раздай двойной паёк. Всем жрать и отдыхать. Кому без дела не сидится – в обоз, запасные лестницы делать, сети плести, хворост увязывать.

* * *

Чёрная Стрела плохо знала язык Железных Демонов, но прекрасно понимала смысл их приготовлений. Они собирались напасть на Город Богов этой ночью. Их вождь, которого воины в лицо звали Бренди, а за глаза, почтительно – Золотым Сапожком – прошёл под веткой дерева, в листе которого пряталась девушка. Это было так близко и так удобно, что ей стоило больших усилий сдержаться. Ещё не время. Нельзя, чтобы Железные догадались о том, что боги не одиноки.

Она позволила себе медленно опустить руку и прикоснуться к ножнам на поясе. Лучшее в мире лезвие, подарок богов, способный резать плоть и камень как воду, ждало своего часа. “Уже недолго, – мысленно пообещала она клинку. – Сегодня ночью ты отведаешь крови вождя по прозвищу Золотой Сапожок и получишь его имя”

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы уловить ритм, в котором покачивались от ветра ветки и трепетали

листья, почувствовать промежутки между доносившимися из чащи далекими ударами топоров и шагами часовых. Слившись с этим ритмом, она плавно доползла до ствола и дальше, туда где ветви облюбленного ею дерева сплетались с ветвями его соседа. Этот путь, проделанный с величайшей осторожностью и искусством, доступным лишь человеку, выросшему в лесах, занял у неё ровно столько же времени, сколько вся остальная дорога.

Город Богов будет готов к встрече. И лес вокруг него – тоже.

XI Всё о Малышах

Выбор давно был сделан, но дороги жителей Города ещё не разошлись. Сейчас они ждали, разделившись на тех, кто сражается, и тех, кто не будет принимать в битве прямого участия. Избравшие путь воинов создавали оружие для своих союзников из Бессмертных и сами пытались научиться им пользоваться.

Избравшие участь Создателей не могли позволить себе лезть в драку, справедливо опасаясь, что их почитатели будут больше думать о сохранении своих новообретенных божеств, чем о победе. Они учились командовать, кто словами, а кто жестами, ибо не всем по душе пришелся путь Десятитысячного. По совету Ветхих Днями из Бессмертных, они несколько раз устраивали тренировочные бои, деля воинов на два отряда и много чему научились. С приближением ватаги Бренди эти опыты пришлось прекратить, выслав союзников в лес до подходящего момента.

Те, что решили уподобиться Бессмертным, ещё никуда не ушли, готовясь внести свой вклад в оборону Города. Да и уходить сейчас было бы крайне опасно: лес был полон вражеских патрулей.

Глашатай проводил большую часть времени в Ратуше, где теперь хранились книги, либо в обществе Малышей. Ему

очень хотелось понять их, разобраться в их природе и истории создания настолько, чтобы это отлилось в символы, достойные занесения в новую книгу. Каждый значок в книгах требует большой ответственности. Надо быть полностью уверенным в том, что пишешь, понимать его во всех мельчайших деталях, иначе знание не выкристаллизуется в изображение. Могло быть и хуже. Символ мог оказаться ложным или неполным. То, что книгу, скорее всего, некому будет прочесть, Глашатаю не беспокоило.

Несколько символов уже были готовы.

“Способность меняться”

“Непреходящий оптимизм”

“Готовность к действию”

“Неумение отдавать все силы созиданию”

Он был уверен, что сегодня ночью будет знать достаточно, чтобы нанести на табличку и пятый знак, но Чёрная Стрела принесла свою весть как раз на самом интересном моменте общения с Малышом. Тот, как всегда, на полуслове вскочил и убежал в сторону пролома, готовиться. Что ж, происхождение спасителей человечества пока останется не до конца выясненным. Глашатаю очень надеялся на это “пока”, ведь запросто могло оказаться, что завтра рассказывать будет уже некому.

ХII Штурм

Помимо пролома, в Городе имелось ещё несколько ворот, но только три из них можно было атаковать внезапно, спрятав отряды в лесу. Впрочем, и этого могло быть достаточно для того, чтобы оттянуть засаду на себя.

Бренди с основными силами ждал в лесу напротив пролома. Они должны были атаковать последними. Оставалось ещё около четверти часа до сигнала, который убьёт ночную тишину, а пока кроме сверчков ничего не было слышно. Сол-

даты лежали тихо, даже не перешёптываясь. Ждали. Небо было на их стороне: облака то и дело закрывали луну, которая могла бы осветить их, приближающихся по равнине. До пролома было шагов пятьсот, вполне достаточно, чтобы поднять тревогу и начать стрелять, если есть чем. Разведчики заметили у Бессмертных несколько луков, но оценить мастерство стрельбы ночью невозможно, особенно если лук просто болтается у кого-то на спине.

Его размышления прервал пронзительный свист справа, и почти одновременно с ним – ответный свист слева. Началось. Как и планировалось, лес сразу в нескольких местах огласился неразборчивыми из-за расстояния воплями, лязгом оружия, хрустом и треском. Пожалуй, ребята даже перестарались. Создавалось впечатление, что орет и шумит втрое больше народу, чем там было на самом деле.

Разминка затянулась. По изначальному замыслу, галдеж должен был привлечь внимание горожан, после чего из леса должны были демонстративно выбежать три отряда с лестницами и начать штурм ворот. Прорываться в город таким способом было бы самоубийственно, но этого и не требовалось. Достаточно оттянуть как можно больше защитников на себя и дать основным силам с удобством миновать пролом и приступить к уличным боям. Точнее, к ловле. Резать Бессмертных было бы сущим расточительством. Солдаты запаслись сетями и обмотанными войлоком дубинками чтобы глушить добычу.

Наконец, возня в лесу стихла, и показались отряды. Парни бежали к воротам резвее, чем за жалованием, стремясь наверстать опоздание. В Городе началась какая-то суета, он впервые за все эти дни осветился редкими огнями. Это было единственным признаком того, что атакующих заметили. Бессмертные и говорят-то неохотно. Куда уж им панически кричать. За неимением других ориентиров, Брендис стал следить за огнями и вскоре с удовольствием отметил,

что большинство из них направлялись в сторону ворот. И опаздывали.

Атакующие на последней сотне шагов поднажали и успели к стене первыми. Две дюжины лестниц уткнулись в чёрный монолит почти одновременно, и люди принялись бойко карабкаться по ним. Достигнув вершины, они прыгали внутрь. Что за чёрт? Они решили ноги попереломать? Капитан наморщив лоб всматривался в бойцов ближайшего отряда, пока в руках одного из солдат не блеснул крюк “кошки”, который он прицеплял к верхней ступеньке лестницы. Всё ясно. Боятся упустить добычу и сговорились перевалить через стену до подхода основных сил. В Городе стало шумно.

Мысленно решив наказать паршивцев за своеволие, Бренди обернулся к ближайшему кустарнику и крикнул:

– Наша очередь, охотнички! Вперёд!

Командиры эхом повторили приказ, и кустарник, оказавшийся вязанками хвороста в руках у солдат, стеной двинулся к пролому. Отличная вещь эти фашины – и маскировка, и щит, и мост, а если понадобится – и топливо для поджога.

До пролома оставалось сотни две шагов, когда их, наконец-то, заметили. Несколько огоньков выплыли из лабиринта улиц, осветив немногочисленных защитников. Бренди поморщился: их ожидало чисто символическое сопротивление. Если парням покажется, что он перестраховался, очередное обидное прозвище ему обеспечено. Но что бы они там ни придумали, это будет лучше, чем Золотой Сапожок. Выкинув дурацкие мысли из головы, он скомандовал:

– Бегом! Фашины не бросать!

Ответом ему был радостный рев пополам с бранью: бежать с вязанкой хвороста в руках – то ещё удовольствие. Капитана их возмущение мало трогало. Лучше так, чем схлопотать стрелу и упасть под подкованные сапоги товарищей, которые живо растопчут в кашу. Утром они пересчи-

тают застрявшие между прутьев стрелы и помянут его добрым словом. А пока – бегом.

Всё началось за тридцать шагов до пролома. Один из Бессмертных воздел руки и выкрикнул что-то на своей тарабарщине так звонко, что перекрыл рёв рвущихся к добыче воинов. В глаза им ударил свет, и почти сразу раздался свист стрел и вопли раненых. Стреляли, судя по крикам, со всех сторон одновременно. Похоже, их обошли с тыла.

Бренди толкнули раз, другой. Оттоптали ногу. Вокруг раздавалось всё больше панических криков. Солдаты были ослеплены и тоже поняли, что стреляют в спину.

– Держать строй! – заорал капитан, пытаясь проморгаться и с облегчением понимая, что с глазами всё в порядке, а ослепил их внезапно созданный прямо у них над головой огненный шар. – Держать, сукины дети! Вы не ослепли! Нас просто подсветили. Фашины держать! Задние ряды – стену щитов!

Услышав набирающий уверенность голос командира и получив чёткий приказ, солдаты стали успокаиваться. Нашаривали, как могли товарищей, старались держаться, как раньше, плечом к плечу. Кто-то побросав сети, хватался за оружие. К счастью ослепление, сломавшее строй, не позволило им разбежаться. Ещё немного – и они придут в себя настолько, чтобы можно было скомандовать организованное отступление. Или атаку, если все не настолько плохо, как кажется.

Однако, сюрпризы ещё не закончились. Ещё не все успели проморгаться, когда сразу несколько Бессмертных прокричали хором новое заклинание. Бренди, споткнувшийся о чьё-то тело, потерял равновесие, но так и не упал. Инстинктивно поднятая рука натолкнулась на стену. Там, где минуту назад была пустота, теперь чернела каменная стена из того же материала, что и весь этот проклятый город.

Он завертел головой, пытаясь оценить, в какую западню они угодили. Огненный шар освещает их сверху, превратив

в отличную мишень и едва позволяя разглядеть нападающих. Стены выросли справа и слева, оставляя открытым лишь путь к лесу, из которого они пришли и из которого сейчас летели стрелы. Но эти стрелы были не так страшны, как те, которые неслись со стороны пролома. Проклятым колдунам, видимо, никто не объяснил, что такое фашины, щиты и доспехи и что стрелам положено хоть в чём-то застревать. Нож, которым перерезали глотку Лоту, был создан с одной целью – резать, рассекать надвое все, что встретит, и он делал это идеально. Стрелы были ему под стать – смысл их существования был в том, чтобы прошивать насквозь всё, что встретят на пути. Передние ряды ложились как трава перед умелым косцом.

– Отступаем! Бегом в лес! Фашины, лестницы, бросай!

Последнее было излишним: парни давно уже были готовы и поспешили избавиться от всего, что затрудняло бег.

Ответом ему был протяжный, полный злорадства боевой клич и яростные крики со стороны леса. Город откликнулся, хотя там хор был поменьше. Бренди бросился было бежать вместе со всеми, когда увидел, как из пролома вперемешку с неловко размахивающими оружием Бессмертными хлынули люди. Он узнал доспехи, но не узнал лиц. Хари были смуглые, в боевой раскраске.

Теперь стало понятно, почему штурмовые отряды так долго возились в лесу, почему они полезли через стены и почему не встретили серьезного сопротивления. Бессмертные были наивны, а дикари – совсем наоборот. Не было никаких признаков того, что в лесу полно этих голозадых обезьян. Кто бы мог подумать, что они снюхаются?

Это короткое замешательство лишило его последней возможности к спасению, если считать за таковое бегство от колдунов с их волшебными стрелами в лес, полный дикарей.

Бренди ловко нырнул под неуклюжий взмах самого рыаного из Бессмертных и раскроил ему череп шестопёром, который едва успел сорвать с пояса, после чего отскочил на

пару шагов назад, чтобы получить возможность выхватить шпагу. Её длина и скорость позволят держать на расстоянии и парировать удары одновременно нескольких противников, что делало шансы на выживание не настолько иллюзорными. Со стороны Города больше не стреляли, боясь попасть по своим. Пожалуй, всё не так плохо. Он заметил справа пару солдат, которые, как и он, замешкались с отступлением и, отпугнув противников ложными выпадами, сделал несколько шагов в сторону своих. Дрались Бессмертные настолько плохо, что даже один из ложных выпадов оказался настоящим. Гибель товарищей их не смутила, но наскакивать они стали осмотрительнее.

Обрадоваться этому открытию он не успел. Гибкая смуглая фигурка протиснулась между костлявыми плечами двух колдунов и кинулась к капитану с криком:

– Бренди! Этот мой!

Девчонка, назвавшая его по имени, была незнакомой. Широкоскулая, коротко стриженная и темнокожая как сапог. И вдобавок наглая. Доспехов никаких, из оружия в руках только длинный нож. Впрочем, все это значения не имеет. Сейчас он проткнет её и сделает ещё пару шагов к ребятам справа. Их там уже пятеро: подошли ещё трое уцелевших.

Полшага вперед и обманный выпад в лицо. А потом – вспарывающий удар в живот на возврате, когда она отшатнётся. Раз – и два... Он слишком поздно обнаружил, что вспарывает не плоть, а воздух, и в руке у него обломок шпаги длиной в ладонь. Точнее обрубок. Нож в руках девчонки оказался работы Бессмертных. Она просто-напросто нырнула в сторону и перерубила его клинок.

В левую ключицу и ниже, вдоль всех ребер плеснули киятком, рука безвольно повисла, а от попытки вдохнуть потемнело в глазах. Капитан упал, ударившись головой о чёрную стену, и на мгновение ему послышался голос фельдшера: “Ты только посмотри на эту красоту, Бренди! Какой

разрез! Как будто ты сделан из студня!” Однако, вместо лица отрядного коновала над ним нависла ликующая смуглая физиономия, изрисованная белой краской.

– Вот обещанная кровь. Пей! Отныне тебя зовут Золотой Сапожок, – торжественно произнесла Чёрная Стрела, заноса руку для удара.

Обидеться при упоминании дурацкого прозвища капитан уже не успел.

XIII Последнее слово за Создателем

Бой у пролома отсюда был почти не слышен. Где-то там пути людей разошлись окончательно. Одни, неуклюже размахивая созданным оружием, мстили за разрушение, плен и гибель, которые принесли за собой Бессмертные. Другие, сотворив светильник и стены для ловушки, покинули поле боя, переодевшись в трофейную одежду и поодиночке пробирались через лес в ту сторону, откуда пришли Бессмертные, чтобы смешаться с ними. Третьи наблюдали за всем этим из паланкинов и ждали, когда ликующие воины понесут новообретенных божеств в родные деревни. А вокруг них рассыпались серой пылью стены и здания.

Глашатай не остался, чтобы понаблюдать за агонией старого мира. Не способный приказывать самому себе, он единственный из всего города не выбирал судьбу и волен был поступать как сочтёт нужным. Беда была лишь в том, что он не знал, что именно ему нужно. Ни один вариант не казался ему достаточно хорошим, поэтому он просто покинул обречённый Город и шёл не разбирая дороги до тех пор, пока ему это не наскучило.

Теперь он лежал в траве на обрывистом берегу незнакомой реки и смотрел в небо, туда, где скрывался Создатель. Тот, кто сделал однажды свою работу, и удалился, предоставляя детям определять судьбу самостоятельно. Возможно,

ему и было дело до происходящего, однако он никак себя не проявлял с тех пор, как создал последнего человека. Того кто по традиции получил звание Глашатая. Того, кто произнёс меньше всех слов, а значит, может пожертвовать частью своего запаса на благо остальных людей. Того, кто будет проносить Законы вслух, наполняя их силой.

Он лежал, глядя в небо, и чудилось ему, что именно сейчас Создатель обратил свой взор на мир, именно на этот уголок на его окраине, где лежит в траве тот, кого называли Глашатаем совсем недавно, когда неподалеку отсюда стоял Город. Быть может, сейчас они смотрят друг другу прямо в глаза, и он видит, понимает и даже, может быть, отвечает.

“Почему ты позволил свершиться этому? – думал он. – Неужели ты не мог предвидеть, чем это закончится? Мир рушится...”

Ответ, тихий, но отчетливый, прозвучал у него в голове.

“Только мир людей. Все остальное живёт как жило и развивается своим чередом...”

Что это было? Игра воображения? Глашатай вдруг осознал, что ему всё равно. Пусть даже он ведёт диалог с самим собой – ему просто необходимо было обсудить всё это хоть с кем-нибудь.

“Неужели тебя это устраивает? Для этого ли ты создал нас?”

“Я просто создал вас. Неужели недостаточно? Для этого или для чего другого – решать было вам”

“И что, ты никак не мог нам помочь?”

“Никак. Я оградил себя от искушения вмешиваться хоть во что-нибудь... По образу и подобию – какие безжалостные слова! Такими я вас создал, и вашему могуществу есть предел, как и моему. Я вложил в этот мир всего себя, и всё что у меня осталось – это слово, которое я произнесу, когда окончательно устану от него. Слово было в начале, слово будет и в конце, когда мы с ним рассыплемся в прах.”

“Какое же? Ты уже выбрал?”

“Да. Самое подходящее: конец”

Оглавление:

Взянь	5
Пушистики	14
Три чашки кофе инспектора Бекка	31
Средство от зависти	46
Знамение	55
Три вида лжи	63
Опять	67
Сказка о тревоге	68
Сказка о бодрости духа	70
Кара небесная	72
На страже Галактики	74
Зачем?	76
Лучшие	77
Притон	85
Мой злейший враг	93
Про Императора и Его Преосвященство	100
Про Императора. Выборы	107
Четвёртый шанс	112
Слова Бессмертных	179

